

Изъ записокъ Д. П. Рунича ¹⁾.

I.

Воспитаніе при императрицѣ Екатеринѣ II.—М. Н. Карамзинъ.—Его заслуги и вліяніе на литературу того времени.—Московское общество въ концѣ царствованія Екатерины II.—Арестованіе Н. И. Новикова.

Упомянувъ о Новиковѣ, составившемъ эпоху въ русской литературѣ, я прежде, нежели перейти къ послѣднимъ годамъ царствованія Екатерины II, назову еще одну личность, выступившую на литературномъ поприщѣ одновременно съ нимъ и не менѣе его прославленную; это былъ Карамзинъ.

Древняя столица Имперіи была бѣдна учебными заведеніями. Университетъ существовалъ конечно не для дѣтей и юношества. Главное народное училище посѣщалось исключительно дѣтьми среднего сословія. Существовало, правда, два или три пансіона для дѣтей дворянъ и высшаго купечества; но знатное дворянство воспитывало своихъ дѣтей дома. Учители или гувернеры иностранцы получали

¹⁾ Извѣстный Александровскій дѣятель, Дмитрій Павловичъ Руничъ, оставилъ на французскомъ языкѣ записки двоякаго содержанія. Изъ нихъ печатаемая нынѣ въ русскомъ переводѣ записки касаются политическихъ событій его времени, а другія, которыя также появятся на страницахъ „Русской Старины“, болѣе касаются событій его жизни. Къ сожалѣнію, нѣкоторые листы записокъ Рунича утрачены и, кажется, утрачена всякая надежда восполнить этотъ пробѣлъ. Вотъ почему нынѣ печатаемыя записки начинаются со словъ: „упомянувъ о Новиковѣ“. Предшествовавшія страницы не могли быть найдены.

въ знатныхъ домахъ отъ 500 до 2.000 рублей жалованія, что составляеть по нынѣшнему курсу отъ 1.750 до 7.000 руб.; разумѣется, не всякій могъ расходовать подобную сумму. Профессоры университета давали уроки у себя на дому, но не преподавали въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Впрочемъ, можно было начать латынь въ приготовительныхъ классахъ университета, но надобно было имѣть извѣстную подготовку для того, чтобы слушать лекціи профессоровъ.

Карамзинъ, изъ небогатыхъ дворянъ Симбирской губерніи, учился въ университетѣ. Я познакомился съ нимъ въ то время, когда онъ уже окончилъ въ немъ курсъ. Онъ зналъ языки латинскій, французскій, нѣмецкій настолько, что могъ читать классическія произведенія, написанныя на этихъ языкахъ, но его французское произношеніе изобличало иностранца, ибо всѣ тѣ, кои не принадлежали къ самымъ знатымъ семьямъ, съ колыбели имѣвшимъ при дѣтяхъ французовъ или француженокъ, сохраняли на всю жизнь акцентъ, безобразящій благозвучный французскій языкъ; но Карамзинъ все же говорилъ по-французски и по-нѣмецки вполне правильно. Не знаю, принадлежалъ ли онъ къ числу московскихъ масоновъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ состоялъ со многими изъ нихъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ и благодаря этому былъ принятъ въ домъ одного изъ членовъ братства—Плещеева, человѣка богатаго, происходившаго изъ стариннаго дворянскаго рода. Мое семейство было связано дружбою съ семействомъ Плещеевыхъ, и у нихъ въ домѣ, еще ребенкомъ, я видѣлъ Карамзина до его поѣздки за границу. Плещеевы оказывали ему столь дружеское расположеніе, что онъ былъ принятъ у нихъ въ домѣ какъ родной. Жизнь ему ничего не стоила. Всѣ его надобности и желанія предупреждались. Хотя расходы, сопряженные съ путешествіемъ по Европѣ, были въ то время гораздо менѣе значительны, нежели теперь, однако при самой большой аккуратности все же надобно было имѣть нѣкоторыя средства, чтобы посѣтить страны, которыя Карамзинъ объѣхалъ въ два или три года, хотя онъ и путешествовалъ одинъ, то съ котомкою за плечами, то въ дилижансѣ или почтовой телѣгѣ, то верхомъ или пѣшкомъ. Карамзинъ посѣтилъ славившіеся своею ученостію города Германіи и Швейцаріи, былъ въ Парижѣ и Лондонѣ; въ то время еще не было пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ.

Онъ выѣхалъ изъ Москвы въ сопровожденіи слуги Плещеевыхъ, извѣстнаго по письмамъ русскаго путешественника подъ названіемъ добродушнаго Ильи, который возвратился изъ Риги или съ границы въ то время, когда Карамзинъ переступилъ предѣлы отечества. Карамзинъ возвратился въ Москву, не помню хорошенько незадолго до взятія Бастиліи или вскорѣ послѣ этого событія; въ это пменно время я видѣлъ его часто до самой кончины императрицы Екатерины II.

Карамзину было въ то время 26—30 лѣтъ. Онъ былъ красивъ собою и весьма любезенъ; по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, онъ напускалъ на себя нѣмецкій педантизмъ, много курилъ, говорилъ обо всемъ, любилъ засиживаться далеко за полночь, бесѣдовать, слушать рассказы, хорошо поѣсть и всласть попить чаю. Крошечную комнату, которую онъ занималъ въ одномъ изъ деревянныхъ флигелей дома Плещеевыхъ, онъ превратилъ въ кабинетъ ученаго. Груды книгъ на полкахъ, на окнахъ, диванахъ, столахъ, на полу, свидѣтельствовали о чловѣкѣ трудящемся, главнымъ занятіемъ котораго была литература.

Нѣсколько времени спустя онъ предпринялъ изданіе перваго русскаго журнала, названнаго имъ «Московскій журналъ», въ коемъ печатались по преимуществу его «Письма русскаго путешественника» и отдѣльныя статьи въ стихахъ и прозѣ, а также критическій разборъ новыхъ книгъ, выходившихъ на русскомъ или на иностранныхъ языкахъ. До него всякая печатная книга почиталась хорошею; всякое сочиненіе—ученымъ, всякій слогъ—правильнымъ! Его слогу стали подражать наши извѣстнѣйшіе писатели. Русскій языкъ, на которомъ говорятъ прекрасно воспитанные и образованные люди нашего времени—есть языкъ Карамзина!

Занятый изданіемъ журнала, онъ дѣлалъ въ то же время отличные переводы съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, о чемъ свидѣлствуютъ переведенные имъ нравственные рассказы Мармонта. Такъ какъ въ то время самымъ правильнымъ и изящнымъ слогомъ, заслуживающимъ подражанія, считался слогъ Хераскова, то новый Карамзинскій слогъ произвелъ большой переворотъ и вызвалъ сильную оппозицію! Поклонники стариннаго русскаго языка, поклонники Ломоносова и Хераскова, возстали противъ Карамзина, увидавъ, что онъ не преклоняется передъ стариною. Его обороты рѣчи, введенные имъ галлицизмы и французскія слова, которыя онъ употреблялъ, стараясь обрусить ихъ, возстановили противъ него ученыхъ и простыхъ читателей, знакомыхъ только съ обрусѣлымъ славянскимъ языкомъ. Несмотря на это, Карамзинъ твердо и неуклонно продолжалъ трудиться надъ обновленіемъ языка и слога.

Его эротическія стихотворенія и сказки, его поверхностная философія и въ особенности его критика возстановили противъ него глупцовъ и педантовъ, ученыхъ и невѣждъ! Въ него кидали камнемъ съ одной стороны, тогда какъ съ другой его превозносили до небесъ! Одни добивались его похвалы, старались подражать ему, а другіе осмѣивали и порицали его, называли онѣмеченнымъ русакомъ, искажителемъ русскаго языка! Я былъ въ то время еще совершенно юный, но счелъ возможнымъ подражать ему и издалъ въ 1795 г. жалкій переводъ на русскій языкъ путешествія мплэди Кравентъ, а позднѣе эпизодъ изъ

«les Fatalistes» Дидро; у меня до сихъ поръ хранится рукопись этого перевода, пересмотрѣнная и исправленная собственноручно Карамзинымъ. Эта любезность заставила меня возмечтать въ 17 лѣтъ, что и я принадлежалъ къ школѣ нашего перваго писателя. При появленіи въ его журналѣ «Вѣдной Лизы» я перевелъ ее немедленно на французскій языкъ. Я считалъ для себя весьма лестнымъ печатать свои литературные труды рядомъ съ трудами Карамзина!

Отдавъ полную справедливость этому человѣку, котораго я смѣло назову отцомъ современной русской литературы, я скажу, что философія этого знаменитаго писателя и его нравственные взгляды имѣли, къ величайшему сожалѣнію, чрезвычайно вредное вліяніе на нравы той эпохи.

Хотя у насъ и до Карамзина читали французскіе романы и сочиненія Руссо и Вольтера, но проповѣдуемые ими нравственные принципы не проникли въ общество и въ семью.

О Новой Элоизѣ или объ Элоизѣ и Абелярѣ не рѣшались упоминать въ присутствіи женщинъ. Говоря объ опасныхъ связяхъ или о Фобласѣ, легко было прослыть въ обществѣ человѣкомъ безнравственнымъ; однимъ словомъ: люди были не добродѣтельныѣ, чѣмъ теперь, но они считали нужнымъ быть добродѣтельными хотя для вида; извѣстная стыдливость сдерживала въ должныхъ границахъ разнузданность и даже развратъ.

Москва была всегда средоточіемъ недовольныхъ всевозможныхъ отѣнковъ; они жаловались на любимцевъ Екатерины, на злоупотребленія начальствующихъ и чиновныхъ лицъ, но объ этомъ не говорили во всеуслышаніе! Присутствіе Шешковского и даже одно его имя постоянно напоминало болтунамъ поговорку: говорить правду, потерять дружбу. Даже о французской революціи говорили не иначе, какъ при закрытыхъ дверяхъ! Разсужденія и сочиненія Карамзина развязали всѣмъ языкъ!

Въ обществѣ стали говорить свободнѣе; начитавшись о Швейцаріи, въ письмахъ Карамзина стали превозносить счастливую жизнь въ этой странѣ. Взятіе и разрушеніе Бастиліи, арестованіе короля, отчетъ, представленный Неккеромъ въ собраніе нотаблей, убіеніе Людовика XVI и его жены, монтаньяры, фельянтинцы ¹⁾, Мирабо, терроръ со всѣми его ужасами—таковы были темы, о которыхъ разсуждали съ видомъ знатоковъ и коими интересовались.

Карамзинъ слишкомъ рано сталъ восхвалять во всеуслышаніе свободу, коей пользуется народъ подъ небомъ Швейцаріи, которая, какъ онъ писалъ въ своихъ письмахъ объ этой странѣ, заставила его пасть ницъ

¹⁾ Члены политическаго клуба, собиравшіеся въ Парижѣ въ бывшемъ монастырѣ фельянтинцевъ. В. Т.

на эту благодатную землю и возблагодарить небо за то, что онъ понялъ впервые, чтò значитъ достоинство человѣка! Этому нельзя было подражать въ Россіи, гдѣ при 10 и 20 градусномъ морозѣ земля бываетъ покрыта въ теченіе полугода снѣгомъ глубиною болѣе чѣмъ на футъ. Въ своихъ повѣстяхъ, сказкахъ и эротическихъ стихотвореніяхъ онъ говорилъ слишкомъ восторженно объ оттоманкахъ, составляющихъ наслажденіе женъ и отчаяніе мужей, и говорилъ это въ странѣ, гдѣ грѣхопаденіе считается до сихъ поръ величайшимъ преступленіемъ, посягающимъ на семейное счастье и на благо общества! Онъ перевозносилъ въ своихъ стихахъ наслажденія, доставляемыя Вакхомъ и Венерою, въ слишкомъ восторженныхъ краскахъ для молодежи, которая уже стремилась свергнуть иго строгаго религіознаго воспитанія.

Начиная издавать журналъ, Карамзинъ имѣлъ въ виду единственно приобрести средства и независимость, которыя могло доставить ему это занятіе. Онъ писалъ о томъ, чего никто не говорилъ до него. Новизна и увлекательность его слога доставили ему многочисленныхъ читателей. Молодежь, всегда пылкая и увлекающаяся, стала подъ его эротическое, вакхическое и либеральное знамя; его первая цѣль была этимъ достигнута. Когда онъ приобрѣлъ независимое положеніе, то его второю цѣлью сдѣлалось стремленіе къ извѣстности. Онъ достигъ и ея. Онъ сдѣлался извѣстенъ императору своими сочиненіями, въ особенности исторической запискою о Москвѣ. Во время коронаціи Александръ осыпалъ его милостями; онъ былъ пожалованъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ св. Владиміра 3-й степени; впоследствии получилъ званіе русскаго исторіографа. По окончаніи «Исторіи государства Россійскаго» онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и получилъ Анненскую ленту. Его Исторія была напечатана на счетъ правительства въ его пользу. За первымъ изданіемъ послѣдовало нѣсколько другихъ, которыя принесли ему огромное состояніе. Вліяніе, коимъ онъ пользовался при дворѣ, доставило его женѣ и дѣтямъ такое видное положеніе, какимъ они никогда не могли бы пользоваться по праву рожденія. Въ обществѣ Карамзина очень уважали, и онъ имѣлъ свободный доступъ къ царской фамиліи.

Карамзинъ скончался 60 съ небольшимъ лѣтъ отъ рода. Менѣе нежели черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ онъ взялъ впервые въ руки перо, отставной прапорщикъ и журналистъ сдѣлался оракуломъ русской литературы и исторіи. Послѣ его смерти, его женѣ и дѣтямъ была пожалована огромная пенсія въ 100 тысячъ рублей. Такъ-то все идетъ на этомъ свѣтѣ! Изъ его школы вышли Жуковскій, Пушкинъ, Марлинскій и прочіе лучшіе наши писатели. Литература и исторія Россіи одному ему обязаны своимъ блескомъ. Человѣкъ гениальный и хотя бы даже

интриганъ, не обладающій геніемъ, достигнуть всегда благопріятныхъ результатовъ, если они появятся на свѣтъ своевременно.

Новиковъ умеръ въ нищетѣ,—Карамзинъ жилъ въ роскоши. Въ то время, когда Новиковъ ставилъ на карту сотни тысячъ рублей, Карамзину нечего было ѣсть. Они были оба люди геніальные, но ихъ карьера была весьма различна, и они достигли самыхъ противоположныхъ результатовъ. Исторія гигантовъ представляетъ съ точки зрѣнія логики не мало любопытнаго.

Я говорилъ, что высшее московское дворянство было совершенно офранцужено. Въ то время были въ модѣ любительскіе спектакли. Мариво и Детуша играли въ совершенствѣ. Старикъ князь Бѣлосельскій, бывшій посланникомъ въ Туринѣ, Плещеевъ сынъ, Апухтинъ и Пушкинъ могли бы соперничать съ лучшими парижскими актерами. Въ салонахъ избраннаго общества были въ модѣ игры, чтенія, все то, что было принято во Франціи; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ салонахъ царствовала французская вѣжливость, любезность и деликатность!

Молодежь хорошаго общества воспитывалась гувернерами французами или швейцарцами. Къ этимъ гувернерамъ относились не такъ, какъ къ слугамъ, какъ это было во Франціи до революціи, а какъ къ друзьямъ дома. Они же держали себя такъ, какъ будто они находились среди дикарей, кои должны почитать за счастье, что они живутъ у нихъ и могутъ научить ихъ сдѣлаться людьми. Всѣ ихъ требованія исполнялись; въ праздничные дни въ ихъ распоряженіе предоставлялся экипажъ съ парой лошадей и лакеемъ. Само собою разумѣется, что эти господа, насмѣхаясь надъ русскими обычаями, религіей, надъ варварствомъ Россіи, внушали эти чувства и своимъ воспитанникамъ, коихъ они приучали еще болѣе, нежели ихъ отцовъ и матерей, считать, что все русское стоитъ гораздо ниже французскаго. Дворянская семья, у которой не было гувернера или гувернантки французки, считала себя несчастной. Нѣмцевъ не любили; англичанокъ въ Россіи было мало. Изъ англичанъ въ Москвѣ были только одни барышники, торговавшіе лошадьми, и лакеи. Изъ италіанцевъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ учителей пѣнія, всѣ остальные были бродяги, разнощики эстамповъ, зонтиковъ, пудры, помады и духовъ.

Высшее общество раздѣлялось на англомановъ и галломановъ, которые отличались по костюму; но нравы и обычаи у всѣхъ были французскіе. Англоманія выражалась исключительно въ любви къ лошадямъ англійской породы и къ скачкамъ, которыя ввелъ въ моду графъ Алексѣй Орловъ, жившій въ Москвѣ и владѣвшій великолѣпнѣйшими въ Россіи конскими заводами. Эти скачки ничѣмъ не отличались отъ ристалищъ, происходившихъ въ Англіи, и привлекали весь городъ. Я уже замѣтилъ, что во вкусахъ обѣихъ націй было много общаго: народъ

толпою устремлялся на эти зрѣлища. Красота лошадей, нарядъ жокеевъ, множество экипажей, туалеты дамъ, всадники и пѣшеходы—все вмѣстѣ представляло собою великолѣпное зрѣлище. Русскимъ, бывшимъ въ Парижѣ въ моментъ революціи, вѣрно было возвратиться на родину или выѣхать изъ столицы Франціи. Послѣ казни короля и королевы сочли нужнымъ прервать всякое сношеніе съ этой страной, не налагая однако запрещенія на все то, что могло появиться изъ Франціи.

Даже республиканскія моды не подверглись гоненію. Въ обществѣ, подъ звуки клавесина распѣвали марсельезу и называли другъ друга *citoyen* (гражданинъ); однимъ словомъ, не преслѣдовали всѣхъ этихъ смѣшныхъ, выѣшнихъ проявленій (революціоннаго духа); впрочемъ, люди избраннаго общества, не придавая особеннаго значенія большимъ жабо, сучковатымъ палкамъ и тысячѣ другихъ глупостей, все же находили ихъ смѣшными. Страсть къ подражанію всему французскому доходила до того, что семейство Г.¹⁾, принадлежавшее къ числу знатнѣйшихъ въ Россіи, проведя долгое время въ Парижѣ, не отказалось, по возвращеніи въ Россію, отъ своего пристрастія ко всему французскому, несмотря на то, что санкюлоты истребляли аристократію. Въ этомъ семействѣ, игнорировавшемъ русскій языкъ, говорили только по-французски. Однажды, въ обществѣ, въ которомъ находились Г., зашла рѣчь о родствѣ, и одна изъ дамъ этой семьи, услыхавъ слово тетка, наивно спросила, что значитъ тетка?

Съ другой стороны, французы, жившіе въ Россіи и въ особенности въ Москвѣ, держали себя спокойно, нѣкоторые изъ нихъ даже приняли русское подданство и объявили себя врагами революціи; преподаватель Маратъ, воспитывавшій сына Салтыкова, человека богатаго и знатнаго, желая выказать публично отвращеніе, которое внушала ему фамилія его брата, гнуснаго Марата, просилъ какъ милости позволенія переимѣнить свою фамилію на Дюбудри—названіе деревни, въ которой родились онъ и его братъ, наводившій ужасъ на Парижъ. Кто бы могъ думать, что братъ Марата, оставившаго по себѣ столь печальную память, бывшій бѣднымъ учителемъ въ Москвѣ въ то время, когда его братъ обогрѣвалъ Францію кровью, не желая носить одну фамилію съ нимъ, обратится къ монарху всея Россіи съ просьбою переимѣнить фамилію на названіе своего роднаго села Будри и что впослѣдствіи незаконный сынъ того же самаго современнаго гальскаго проконсула, извѣстный подъ пменемъ Іоакима Мюрата, короля Неаполитанскаго, также переимѣнитъ фамилію Марата на Мюрата! Правда, переимѣна была не велика; онъ измѣнилъ въ фамиліи всего одну букву. Обманъ былъ невеликъ.

Екатерина, арестовавъ Новикова, полагала, что ей болѣе нечего опа-

¹⁾ Въ оригиналѣ фамилія не названа.

саться французской революціи. Я забылъ сказать, что когда Новиковъ былъ арестованъ ночью, то карету, въ которой его отвезли въ Шлиссельбургъ, конвоировалъ сильный отрядъ кавалеріи. Московскій генероль-губернаторъ, князь Прозоровскій, желая придать особое значеніе отмѣнной услугѣ, оказанной имъ монархинѣ, сдѣлалъ видъ, будто онъ опасается, чтобы въ пользу столь важнаго преступника не было произведено волненія въ народѣ. Предполагали, какъ я уже сказалъ выше, что съ арестомъ Новикова все пойдетъ какъ слѣдуетъ, что всюду водворится порядокъ, и что масоны разсѣются или будутъ разсѣяны. Поэтому оставили въ покоѣ священника Десницкаго, московскихъ шеголей, революцію, Робеспьера и Марата.

Эта терпимость продолжалась до кончины Екатерины. По всей вѣроятности, Шенниковскій не оставался въ это время безъ дѣла, но всеобщее равнодушіе парализовало недовѣріе.

О революціи, еще не прекратившейся, говорили въ томъ же тонѣ, какъ о чумѣ, свирѣпствующей на Востокѣ. Декларация Марата о правахъ чловѣка не произвела въ Россіи никакого впечатлѣнія и ознаменовалась только появленіемъ новыхъ палокъ. Нѣсколько богатыхъ молодыхъ помѣщиковъ, возвратившихся изъ Парижа, предавались разврату болѣе откровенно, чѣмъ прежде; но ихъ примѣръ встрѣтилъ подражателей только въ высшемъ кругу, да и число этихъ подражателей было не велико.

II.

Воспитаніе великихъ князей Александра и Константина Павловичей.—Н. И. Салтыковъ.—П. А. Зубовъ.—Генераль-прокуроръ Самойловъ.—Князь Потемкинъ-Таврическій.—Злоупотребленія въ администраціи.—Взяточничество.—Кончина Екатерины II.

Несмотря на политическія тревоженія и на свою старость, Екатерина занималась воспитаніемъ своихъ двухъ внуковъ Александра и Константина.

По выходѣ изъ дѣтскаго возраста они были отданы на попеченіе генерала Николая Салтыкова, получившаго позднѣе, уже въ царствованіе Александра, званіе графа и впослѣдствіи князя съ титуломъ свѣтлости. Екатерина руководила воспитаніемъ внуковъ лично, и желая показать, что она сама во все выпкаетъ, написала собственноручно инструкцію генералу Салтыкову, для руководства въ должности, коей она его облекала. Это былъ наборъ общихъ мѣстъ относительно физическаго и нравственнаго воспитанія въ философскомъ

духъ, изложенный на плохомъ русскомъ языкѣ. Слишкомъ извѣстному Лагарпу было поручено руководить научными занятіями обоихъ великихъ князей. Къ нимъ были приставлены въ качество помощниковъ воспитателя дядьки въ званіи кавалеровъ.

Екатерина не могла сдѣлать худшаго выбора.

Салтыковъ не былъ способенъ руководить воспитаніемъ монарха, предназначеннаго судьбою царствовать со временемъ надъ обширнѣйшею въ мірѣ имперіей, которая отличается отъ прочихъ государствъ Европы своими нравами, религіей, своимъ положеніемъ и разнородными элементами, которые ее составляютъ. Бывшій военный, Салтыковъ хотя и принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Россіи, но самъ не получилъ такого воспитанія, которое могло бы развить въ немъ способность руководить умомъ и сердцемъ будущаго императора всероссійскаго. Хитрый и ловкій царедворецъ, онъ былъ даже опасенъ на вѣрномъ ему посту. Для того чтобы удержать вліяніе при дворѣ, личные интересы повелѣвали ему лавировать, а онъ ставилъ свои личные интересы выше всѣхъ общественныхъ и легко подлаживался къ обстоятельствамъ. Непмѣя опредѣленныхъ правилъ, коими онъ руководствовался бы въ своей общественной дѣятельности, онъ былъ только отголоскомъ взглядовъ своего монарха и его любимцевъ. Этою отличительною чертою была отмѣчена вся его общественная карьера, продолжавшаяся свыше 40 лѣтъ.

Лагарпъ былъ еще менѣе способенъ руководить занятіями русскихъ великихъ князей. Его философскіе взгляды и политическіе принципы слишкомъ хорошо извѣстны для того, чтобы распространяться о томъ, какъ неприлично было подчинять дѣтей русскаго царственнаго дома вліянію философа XVIII вѣка, швейцарца, челоѣка совершенно чуждаго Россіи и по всей вѣроятности относившагося втайнѣ недоброжелательно къ ея политическому строю и къ религіи, исповѣдуемой въ Россіи, которую католическая и протестантская Европа считаетъ ересью, а энциклопедисты и философы всѣхъ отгѣнковъ считаютъ смѣшной и идолопоклоннической; между тѣмъ какъ эта религія была единственнымъ цементомъ, связующимъ общественное зданіе и придававшимъ монархической власти ту сверхъестественную силу, которая свергла татарское иго, власть поляковъ и самого Наполеона.

Россіи нечего опасаться политическихъ переворотовъ. Нашествіе французовъ въ 1812 году вполне доказало это. Она можетъ быть взволнована внутренними смутами, но политической цѣли при этомъ не можетъ быть. Огромное протяженіе страны, невѣжество большинства ея жителей, варварство полудикарей, именуемыхъ татарами, вотяками, сибирскими инородцами, самоѣдами, камчадалами, различіе вѣ-

роисповѣданій и степени образованія финовъ, лифляндцевъ, курляндцевъ, поляковъ, армянъ, великоруссовъ, малоруссовъ и черноморскихъ, донскихъ и уральскихъ казаковъ,—всѣ эти разнородные элементы не допускаютъ мысли, чтобы въ Россіи могло существовать единство взглядовъ, цѣлей и образа дѣйствія. Для Россіи политика существуетъ только въ отношеніи къ ея границамъ. Россія, обезпеченной отъ нападенія извнѣ крѣпостями, нечего опасаться внутри кромѣ отдѣльныхъ вспышекъ, которыя могутъ мигомъ быть усмирены картечью. При твердомъ правительствѣ, опирающемся на религію, нравственность и справедливость, въ Россіи еще двѣсти или триста лѣтъ не можетъ быть политическаго переворота. Екатерина знала это, но философія ея вѣка заставила ее слишкомъ пренебрегать религіей и общественной нравственностью.

Она философствовала съ европейскими философами, которые были тогда въ модѣ; сочиняла сказки для своего любимаго внука Александра, наслаждалась прелестями Эрмитажа и Царскаго Села со своимъ фаворитомъ Зубовымъ, въ обществѣ посланника Кобенцеля, француза, котораго революція выбросила въ Россію, и знатныхъ путешественниковъ, коихъ влекло въ Россію любопытство. Въ дѣлахъ же внутренняго управленія она полагалась на своего генераль-прокурора, на сенатъ и на генераль-губернаторовъ.

Ея послѣдній фаворитъ, князь Зубовъ, былъ всемогущъ точно такъ же, какъ и ея послѣдній генераль-прокуроръ Самойловъ. Эти два лица играли въ то время слишкомъ выдающуюся роль въ дѣлахъ внутренняго управленія точно такъ же, какъ князь Потемкинъ, командовавшій молдавской арміей.

Екатеринѣ было уже за 60 лѣтъ въ то время, когда эти три лица находились въ апогеѣ своего величія и власти. Говоря объ Екатеринѣ, въ обществѣ восхваляли только ея умъ или осуждали недостатки ея царствованія. Когда заходила рѣчь о власти, руководившей дѣлами государства, и отъ которой зависѣлъ ходъ внутренняго управленія Имперіи, то имѣли въ виду только Зубова, Самойлова и Потемкина. Непосредственное вліяніе на дѣла имѣлъ также канцлеръ Безбородко, коего поддерживали Потемкинъ и Зубовъ.

Зубовъ, дворянинъ по происхожденію, былъ незначительнымъ поручикомъ гвардіи въ то время, когда благоволеніе императрицы выдвинуло его изъ среды его товарищей. Получивъ болѣе тщательное воспитаніе, нежели всѣ его предшественники, онъ соединялъ съ пріятной наружностью познанія и ловкость обхожденія, упрочившія къ нему благоволеніе. Екатерина такъ привязалась къ Зубову, что Потемкинъ видѣлъ въ немъ соперника, который могъ уронить его во мнѣніи императрицы. Зубовъ былъ всемогущъ. Его вліяніе распространялось на дѣла внѣш-

нія и внутреннія. Въ качествѣ главнаго начальника артиллеріи, онъ имѣлъ вліяніе на всю армію; какъ человѣкъ, близкій къ престолу, онъ властвовалъ въ кабинетѣ и государственномъ совѣтѣ. Его канцелярія была государственной канцеляріей; ея директоры были всемогущи и могли оказывать покровительство или преслѣдовать тѣхъ, къ коимъ они благоволили или къ кому относились недоброжелательно въ своихъ собственныхъ видахъ.

Камеръ-фрау Екатерины, г-жа Перекусихина, имѣла доступъ къ фавориту, что давало ей вѣсъ въ глазахъ всѣхъ лицъ, стоявшихъ у власти. Ея близость къ государынѣ, которая уже сильно чувствовала свою старость, сохранила ея вліяніе у того, кто былъ вторымъ человѣкомъ въ государствѣ.

Самойловъ, дворянинъ незнатнаго происхожденія, но племянникъ Потемкина, достигъ, подобно своимъ родственникамъ, двумъ братьямъ Потемкинымъ, Энгельгадту и Высоцкому, высшихъ чиновъ въ арміи и былъ назначенъ генераль-прокуроромъ, — должность, соединявшую въ себѣ обязанности всѣхъ нынѣшнихъ министровъ; онъ былъ облеченъ такою же неограниченной властью, какою пользуется монархъ, и не подлежалъ никакому контролю и отвѣтственности. Высшая администрація, распределенная между коллегіями, сосредоточивалась въ особѣ генераль-прокурора, а этимъ прокуроромъ былъ Самойловъ, человѣкъ недалекаго ума, невѣжественный, какъ всѣ его сверстники, дворяне того времени. Не обладая умомъ, съ распушенной нравственностью, онъ подписывалъ все, что приказывалъ ему фаворитъ или его дядя, любовница и директоръ его канцеляріи или секретарь. Послѣднимъ, при кончинѣ Екатерины, былъ Ермоловъ, отецъ извѣстнаго генерала; онъ управлялъ канцеляріей генераль-прокурора Самойлова и самимъ Самойловымъ; тотъ, къ кому не благоволилъ Ермоловъ, не могъ ничего добиться. Во время кончины Екатерины Самойловъ былъ графъ, Андреевскій кавалеръ и человѣкъ всемогущій.

Потемкинъ, свѣтлѣйшій князь, владѣлъ колоссальнымъ состояніемъ, о чемъ свидѣлствуютъ принадлежавшіе ему нѣкогда Аничковскій и Таврическій дворцы. Генераль-губернаторъ Новороссійскаго края, фельдмаршалъ и главнокомандующій Молдавской арміей, онъ былъ облеченъ неограниченными полномочіями. Предъ нимъ все преклонялось. Екатерина не царствовала болѣе. Она только подписывала все то, что хотѣли Зубовъ и Потемкинъ. Верховная власть находилась фактически въ ихъ рукахъ.

Потемкинъ былъ нравственный гигантъ. Онъ увеличилъ блескъ царствованія Екатерины II своими побѣдами и территоріальными пріобрѣтеніями, сдѣланными имъ для расширенія Россіи. Назначенный главнокомандующимъ арміей, онъ далъ войску мундиръ, болѣе подходящій,

нежели тотъ, какой оно носило со времени организаціи на прусскій ладь или по образцу регулярныхъ европейскихъ войскъ.

Въ Яссахъ, въ Молдавіи, гдѣ проживалъ обыкновенно Потемкинъ, или въ главной квартирѣ арміи, коей онъ командовалъ, онъ жилъ, какъ монархъ, окруженный многочисленной свитою, греческими, грузинскими или армянскими епископами или монахами, молдавскими боярами, иностранцами и всякаго рода людьми, коихъ онъ привлекалъ къ себѣ или которые сами стремились къ нему съ различными предложеніями, планами и проектами. Изъ Яссъ онъ управлялъ Новороссійскимъ краемъ и всѣмъ, что было подчинено его власти. Онъ былъ окруженъ изящнѣйшими женщинами, женами его генераловъ и его племянницами, ухаживалъ за однѣми, прикидывался влюбленнымъ въ другихъ, исполнялъ всѣ ихъ прихоти, а также и свои собственныя; посылалъ въ Парижъ курьеровъ за послѣдними модами, въ Варшаву—за башмаками, которые онъ преподносилъ имъ вмѣстѣ съ драгоценными бездѣлками въ подарокъ на праздники; въ его галлерейхъ эти дамы качались на качеляхъ, подвѣшанныхъ на шелковыхъ Андреевскихъ лентахъ. Играя въ карты въ азартныя игры, онъ расплачивался вмѣсто денегъ неоправленными брилліантами. Онъ не зналъ, что значитъ слово невозможно. Всякое слово, вышедшее изъ его устъ, считалось безапелляціоннымъ приказаніемъ и немедленно приводилось въ исполненіе. Однажды въ Яссахъ въ его присутствіи говорили объ удивительной способности одного московскаго дворянина, который зналъ наизусть весь календарь и всегда могъ безошибочно назвать святаго, празднуемаго церковью въ извѣстный день. «Пошлите за нимъ»,—сказалъ Потемкинъ, и въ Москву тотчасъ полетѣлъ курьеръ за Спичинскимъ; это былъ дворянинъ, челоѣкъ со средствами, состоявшій въ родствѣ со многими знатнѣйшими фамиліями Россіи. Пока курьеръ ѣздилъ взадъ и впередъ, баловень судьбы позабылъ уже о календарѣ. По пріѣздѣ Спичинскаго въ Яссы, о немъ доложили и представили его князю, который потребовалъ календарь. «Какъ зовутъ святаго, память котораго празднуется тогда-то и тогда-то?» Отвѣтъ оказался вѣрный. Предложивъ еще нѣсколько вопросовъ въ этомъ родѣ, Потемкинъ сказалъ: «довольно».

Дворянинъ, не знавшій, зачѣмъ его привезли въ Яссы, былъ отправленъ обратно въ Москву ¹⁾.

Эти странности могли бы быть названы тиранствомъ со стороны фаворита, который не имѣлъ бы иныхъ правъ (на уваженіе) кромѣ благоволенія, коимъ онъ пользовался. Потемкинъ пользовался этимъ

¹⁾ Наполеонъ посылалъ ночью за актрисою Жоржъ, которую онъ отсылалъ обратно, не выдавъ ее. Гевій и сумасшедшій не могутъ подавить въ себѣ желаній, хотя бы и безрасудныхъ.

правомъ, чтобы показать, что онъ не придавалъ особеннаго значенія тѣмъ личностямъ, единственная заслуга которыхъ состояла въ независимомъ состояніи и знатномъ родствѣ. Вообще, онъ давалъ жестокіе уроки гордецамъ и низкопоклонникамъ. Если бы Потемкинъ родился лѣтъ пятьдесятъ позднѣе, то его геній не возвысился бы быть можетъ, до той высоты, до которой онъ достигъ. Онъ былъ бы самымъ обыкновеннымъ генераломъ или администраторомъ. Въ свое время онъ былъ однимъ изъ лучшихъ украшеній короны Екатерины. Его странности забыты, его дѣла не исчезнуть. У полумѣсяца остался всего одинъ только рогъ! Таврическій полуостровъ принадлежитъ Россіи. Одесса соперничаетъ съ первѣйшими портами Европы.

Раздѣливъ Россію на губерніи и организовавъ ихъ администрацію, Екатерина не могла избѣгнуть злоупотребленій власти и недоброжелательства. Къ концу ея царствованія правосудіе продавалось тому, кто больше за него предлагалъ. Губернаторы обогащались на счетъ казны и народа. Ихъ примѣръ былъ заразителенъ. Мелкіе чиновники поступали на службу только для того, чтобы поскорѣе разбогатѣть. Подобнаго рода злоупотребленія проникли также въ армію. Полковые командиры заставляли солдатъ работать въ имѣніяхъ, которыя они пріобрѣтали по близости отъ мѣста расположенія полка, заставляли ихъ копать пруды, осушать болота, вырубать лѣса и исполнять бесплатно множество иныхъ работъ. На жалобы и сѣтованія никто не обращалъ вниманія. Всѣ отрасли администраціи приходили въ упадокъ въ рукахъ шестидесятилѣтней Екатерины. Сила воли оставляла ее. Власть Зубова тяготѣла надъ вельможами, и Москва, во всемъ несогласная съ Петербургомъ, говорила, что императрица старѣется.

Послѣ казни Людовика XVI Петербургскій кабинетъ встрепнулся. О коалиціи между Россіей, Австріей и Пруссіей и о посылкѣ войскъ во Францію говорили не въ однѣхъ столицахъ; объ этомъ проектѣ писали даже въ газетахъ, но онъ не былъ осуществленъ. Хотя дипломатія считала еще въ то время возможнымъ потушить пожаръ чернилами и заставить революцію смолкнуть подъ ударами перьевъ, не прибѣгая къ штыкамъ, но упомянутый проектъ не осуществился. Екатерина не хотѣла вмѣшиваться въ дѣла Западной Европы. На войны, веденныя Людовикомъ XIV, смотрѣли какъ на турниры или карусели, которые устраивались для забавы короля, чтобы онъ могъ воображать, что онъ воинъ и побѣдитель. Вообще, почти всѣ великія державы континента были не высокаго мнѣнія о доблести французскаго оружія. Екатерина, императоръ священной Римской имперіи и Фридрихъ Великій не были Даниилами пророками, чтобы предвидѣть, что 25 лѣтъ спустя корсиканецъ положитъ конецъ всей ветоши, именуемой публичнымъ правомъ Европы, основаннымъ на трактатахъ; что римскій императоръ сдѣлается

императоромъ австрійскимъ, король прусскій будетъ обязанъ сохраненію короны (Александру); что французскія войска вторгнутся на русскую землю и что какой-то Наполеонъ взорветъ на воздухъ часть Кремлевскихъ стѣнъ. Могло ли вооруженное вмѣшательство великихъ державъ Европы предупредить переворотъ во Франціи, убійство короля, словомъ, все то, что принято называть французской революціей, которая обошла въ теченіе пятидесяти лѣтъ всю Европу, могло ли оно остановить ея развитіе и подавить ее въ самомъ зародышѣ.

Д'Аржансонъ говорилъ передъ революціей: «Новая философія вызоветъ страшную революцію, если ее не счумѣютъ обуздать». Писательница г-жа де-Жанлисъ утверждала, что «самая ужасная революція та, при которой мы переходимъ отъ невинности къ преступленію». На народъ надобно смотрѣть, какъ на отдѣльныя личности. Все различіе заключается въ численности или массѣ. Народъ или огромное его большинство можетъ быть развращенъ, деморализованъ точно такъ же, какъ и отдѣльная личность. Послѣдствія, вызванныя развратомъ и деморализаціей личности, бываютъ субъективны и ограничены, послѣдствія же, вызываемыя порчей и деморализаціей цѣлаго народа, цѣлой націи, — всеобъемлющи, безграничны.

Нравственный строй государства подчиняется тѣмъ же законамъ, какіе существуютъ для физическихъ тѣлъ. Перевороты въ физическомъ и нравственномъ отношеніи суть не что иное, какъ выраженіе протекашаго времени, извѣстной продолжительности какой-либо эпохи соціальной или физической жизни.

Человѣкъ не можетъ помѣшать этой эволюціи; онъ можетъ только предупредить ее, ослабить ея развитіе и предвидѣть, чѣмъ она кончится. Если тѣло катится по наклонной плоскости, то человѣкъ можетъ только употребить усиліе, чтобы помѣшать ему двигаться съ тою быстротою, какую сообщили ему его вѣсъ и объемъ, и заставить его покатиться обратно и тѣмъ отдалить моментъ, когда тѣло достигнетъ края этой плоскости, и будетъ увлечено въ своемъ паденіи. Болѣе этого не можетъ предусмотрѣть и слѣдовательно предотвратить самое мудрое, осмотрительное и энергичное правительство. При внимательномъ лѣченіи, больной, одержимый хроническимъ недугомъ, можетъ прожить до ста лѣтъ. Мы видимъ тому не мало примѣровъ. Острая же болѣзнь можетъ въ одну минуту унести въ могилу Геркулеса.

Французская революція зародилась въ Версалѣ и въ такъ называемомъ *Parc aux cerfs* ¹⁾; при Людовикѣ XV; развивалась во время

¹⁾ Такъ назывался принадлежавшій Людовику XV небольшой домикъ, въ Версальскомъ паркѣ, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ находился нѣкогда Оленій паркъ, и съ которымъ связано одно изъ самыхъ скандальныхъ вос-

управленія регента, сдѣлалась популярною, благодаря Мирабо, и національною, благодаря національному собранію. Это напоминаетъ развитіе въ организмѣ гангрены. Отнявъ частицу зараженнаго мизинца, можно спасти все тѣло. Дѣйствуя на болѣзнетворное начало рака, можно уменьшить до извѣстной степени страданія больного и продолжить его жизнь, но нельзя спасти его.

Что бы ни говорили люди, стремящіеся уравнять сословія, революція деморализуетъ всѣхъ и не научаетъ никого. Когда человѣкомъ руководитъ личный интересъ, то общественныхъ интересовъ для него не существуетъ. Обо всѣхъ вообще можетъ заботиться только одинъ Богъ.

Екатерина предчувствовала вѣроятно свою кончину, ибо, ѣдучи однажды на балъ, данный въ ея честь генераль-прокуроромъ Самойловымъ въ его прекрасномъ дворцѣ, на Адмиралтейской площади, гдѣ помѣщаются нынѣ присутственныя мѣста, и увидавъ, выходя изъ кареты, падучую звѣзду, которая, промелькнувъ надъ дворцомъ, скрылась за крѣпостью,—она сказала окружающимъ, что это дурное предзнаменованіе.

Смерть постигла ее въ гардеробной 6-го ноября 1796 г. Такъ окончила свое существованіе эта монархиня, заслужившая, какъ человѣкъ, по справедливости данное ей названіе Великой. Екатерина оставила своему преемнику великій трудъ, начатый Петромъ I и продолженный ею. Чтобы довершить его, понадобится не менѣе вѣка. Эра Петра съ нею не окончилась; новая эра началась для Россіи лишь съ воцареніемъ Александра.

III.

Вступленіе на престолъ императора Павла I. — Преобразование войскъ. — Перемены формы одежды.—Строгость службы.—Новая монета.—Гатчинскій дворъ и приближенные великаго князя: Графъ Ростопчинъ.—Плещеевъ.—Аракчеевъ.—Кушелевъ.—Обольяниновъ.—Князь Куракинъ.—Лопухинъ.—Коронаваніе императора.—Отношеніе Павла I къ старообрядцамъ.—Командированіе отца Рунича на Ирғизъ.—Назначеніе автора записокъ секретаремъ и переводчикомъ при посольствѣ въ Вѣнѣ.

Императору было 42 года въ то время, когда онъ взялъ въ руки бразды правленія. Быть можетъ, онъ полагалъ, что ему не прожить

поминаній французской монархіи. Это былъ родъ гарема, куда не проникъ ни одинъ смертный кромѣ короля и лицъ, заботившихся объ его развлеченіяхъ. Ни одинъ политическій фактъ не сдѣлалъ имя Людовика столь ненавистнымъ странѣ, какъ этотъ тайный гаремъ, пополнявшійся самыми молодыми дѣвушками низкаго происхожденія, которыми не могли имѣть ничего доступа ко двору.

В. Т.

еще столько же лѣтъ, или онъ страстно желалъ царствовать, не игравъ до тѣхъ поръ абсолютно никакой роли въ государственныхъ дѣлахъ, коими онъ могъ бы управлять лѣтъ 20. И потому онъ счелъ долгомъ дѣйствовать безъ устали, чтобы преобразовать все, что было по его мнѣнію испорчено или на что не было обращено вниманія. Онъ началъ съ гвардіи и арміи.

Тяжелый опытъ не научилъ его ничему. Онъ только ожесточилъ его, сдѣлалъ характеръ его необузданнымъ, хотя онъ обладалъ отъ природы наилучшими качествами ума и сердца, какими только можетъ обладать неограниченный монархъ. Это доказываетъ, что опытъ проходить безслѣдно для человѣка, который считаетъ себя независимымъ и стоящимъ выше обстоятельствъ. Въ жизни нерѣдко повторяется одно и то же: человѣкъ, живущій только настоящимъ, думаетъ, что «завтра» для него не существуетъ. Въ вѣчности не существуетъ прошлаго, настоящаго и будущаго. Время для нея не что иное, какъ одно изъ дѣлений часоваго циферблата.

Какъ только императрица скончалась, капитанъ л.-гв. Преображенскаго полка немедленно былъ посланъ въ Гатчино, загородный дворецъ и обычное мѣстопробываніе великаго князя, чтобы извѣстить наслѣдника о вступленіи на престолъ ¹⁾.

Павелъ I тотчасъ пожаловалъ прибывшему Голштинскій орденъ св. Анны 2 ст. Будучи гротмейстеромъ этого ордена, онъ раздѣлил его на 3 степени и раздавалъ его своимъ приближеннымъ. При большомъ дворѣ нѣкоторые лица имѣли только Анну 1 ст.

Орденъ этотъ былъ учрежденъ герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ, въ честь своей супруги дочери Петра I, великой княгини Анны Петровны. Девизомъ его было *Amantileus Justitiam Pietatem e Fidem*. Начальныя буквы этого девиза означали также *Anna Imperatori Pietro Figlia*. Эти инициалы были изображены также на обратной сторонѣ креста. Наслѣдникъ русскаго престола былъ гротмейстеромъ этого ордена съ тѣхъ поръ, какъ его отецъ Петръ III сдѣлался русскимъ императоромъ. Въ этомъ званіи онъ подписывалъ рескрипты о назначеніи новыхъ кавалеровъ. Орденъ 1 ст. имѣлъ ленту и звѣзду, орденъ 2 ст. носили на шеѣ, а орденъ 3 степени прицѣплялся къ эфесу шпаги. Лица, имѣвшія Анну 3 ст., которую великій князь раздавалъ по своему благоусмотрѣнію въ Гатчинѣ, прицѣпляли ее къ шпагѣ съ той стороны, которая была ближе къ тѣлу, чтобы онъ не былъ такъ замѣтенъ. Вступивъ на престолъ, Павелъ приказалъ носить его на виду, съ внѣшней

¹⁾ Съ этимъ извѣстіемъ былъ посланъ графъ Николай Зубовъ. Вообще къ разсказу Рунча надо относиться съ критикою, такъ какъ нѣкоторые факты онъ писалъ по слухамъ.

стороны. Всѣ лица, имѣвшія этотъ орденъ при вступленіи на престолъ императора Павла, получили великолѣпныя помѣстья и по 1000 душъ крестьянъ. Такъ по-царски наградилъ Павелъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ преданъ великому князю во время его нравственнаго несовершеннolѣтія, длившагося безъ малаго 30 лѣтъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Павелъ I поселился въ императорскомъ дворцѣ. Вслѣдъ за нимъ немедленно пришли въ столицу его батальоны, которые тотчасъ были включены въ полки императорской гвардіи, получившіе тогда же организацію этихъ образцовыхъ батальоновъ. Павелъ I объявилъ себя шефомъ Преображенскаго полка; наслѣдникъ былъ назначенъ шефомъ Семеновскаго полка. Командиръ конной гвардіи сталъ назначаться изъ генераловъ. Бывшая кавалергардская рота была распущена, но былъ сформированъ новый кавалергaрдскій полкъ. Гвардейскіе полки были раздѣлены на батальоны, коими командовали генералы; ротными командирами были полковники. Обмундированіе войскъ было измѣнено. Изящный, обшитый галуномъ мундиръ Екатериненскихъ временъ былъ замѣненъ весьма простымъ и неизящнаго покроя мундиромъ полинялаго зеленаго цвѣта. Особенное вниманіе было обращено на расторопность по службѣ. Каждый полкъ, стоявшій въ караулѣ, долженъ былъ заниматься ученіемъ. Впослѣдствіи по сосѣдству съ Зимнимъ дворцомъ былъ построенъ огромный манежъ, въ которомъ производились ученія гвардіи. Строгая дисциплина и самая мелочная требовательность раздражила вскорѣ старыхъ служакъ, офицеровъ и солдатъ. Несоблюденіе всѣхъ этихъ мелочныхъ требованій наказывалось лишеніемъ отпуска, отсылкою въ гарнизонъ, исключеніемъ изъ службы и даже арестомъ въ крѣпости. Это возбудило въ первое же время ропотъ, хотя вначалѣ довольно сдержанный. Многіе изъ старыхъ гвардейскихъ офицеровъ вышли въ отставку, а оставшіеся на службѣ быстро получили повышенія.

Петербургъ совершенно измѣнилъ свою фізіономію; на улицахъ только и видѣли солдатъ, только и раздавался барабанный бой. Офицеры не снимали съ плечъ мундира. На Дворцовой площади каждое утро происходили парады и ученія. Экипажи, встрѣчая императора или членовъ царской фамиліи, должны были останавливаться, мужчины должны были выйти и ставъ у дворецъ кареты безъ шубъ и плащей сдѣлать глубокій поклонъ; дамы не выходили изъ кареты, но лакеи должны были открывать дверцы. Было запрещено носить круглыя шляпы и (короткія?) панталоны точно такъ же, какъ фракъ, и велѣно носить платье французскаго покроя, называвшееся нѣмецкимъ платьемъ, и трехъ-уголку съ приподнятыми краями. Мундиры гражданскихъ чиновъ также были измѣнены. Прежде они дѣлались краснаго, голубаго и вишневаго цвѣта, отличаясь по губерніямъ цвѣтомъ воротниковъ, отворотовъ и обшлаговъ;

теперь же всѣ они были зеленаго цвѣта, однообразнаго покроя, односторонніе съ пуговицами, на которыхъ былъ изображенъ гербъ губерніи, съ краснымъ или желтымъ воротникомъ и обшлагами, подбитыми краснымъ, бѣлымъ или зеленымъ цвѣтомъ. Французскія моды были запрещены. Дворъ и вельможи облачились въ трауръ, наложенный на годъ съ подраздѣленіями, указанными въ церемоніалѣ. Придворныя кареты и экипажи высшихъ сановниковъ были обтянуты чернымъ. Спектакли, балы и общественныя собранія были приостановлены.

Императоръ приказалъ вырыть изъ могилы тѣло своего отца. Такъ какъ Петръ III скончался не бывъ коронованнымъ, то онъ былъ похороненъ не въ крѣпости, а въ Александро-Невской лаврѣ. Его гробъ былъ поставленъ рядомъ съ гробомъ императрицы. Зрѣлище необычное, долготѣ не виданное. Всѣмъ этимъ Павелъ думалъ упрочить свою власть. Графъ Алексѣй Орловъ, одинъ изъ бывшихъ при кончинѣ Петра III, былъ вызванъ въ Петербургъ и долженъ былъ стоять на часахъ при прахѣ того, кто скончался въ его объятіяхъ.

Несомнѣнно, эти мѣры возстановили противъ Павла всѣхъ приверженцевъ его матери и его собственныхъ враговъ. Оба гроба были выставлены въ теченіе шести недѣль, и погребеніе ихъ совершилось съ большою помпою. Послѣ этой церемоніи Орлову разрѣшено было уѣхать изъ Петербурга. Онъ оставилъ Россію, и три года спустя я встрѣтилъ его въ Дрезденѣ, гдѣ онъ жилъ какъ частный человѣкъ.

Внутреннее гражданское и военное управленіе также было преобразовано. Генералъ-губернаторы или «вице короли» были отставлены.

На ихъ мѣсто были назначены правительственные чиновники. Павелъ I по вступленіи на престолъ, ввелъ вновь въ обращеніе государственныя облигаціи, платимыя звонкою монетою. До тѣхъ поръ всѣ золотыя и серебряныя монеты чеканились съ изображеніемъ императора или императрицы. Онъ замѣнилъ это изображеніе своимъ вензелемъ, сдѣланнымъ такимъ образомъ, что четыре начальныхъ буквы его имени составляли крестъ посреди котораго стояла цифра 1, относящаяся къ этимъ четыремъ начальнымъ буквамъ, по образцу рублей, выпущенныхъ при Петрѣ I, на которыхъ была изображена та же цифра; на обратной сторонѣ Павелъ велѣлъ выбить стихъ 1-й 115-го псалма: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему». Хотѣлъ ли онъ сказать этимъ, что стоимость монеты зависитъ отъ ея дѣйствительной цѣнности, или же онъ хотѣлъ, чтобы не бросалось въ глаза отсутствіе сходства между нимъ и портретомъ Петра III, изображеннымъ на рублевыхъ монетахъ. Только медали, выбитыя въ память коронаціи, были сдѣланы съ его изображеніемъ. Впрочемъ, зная хорошо священное писаніе и даже богословіе, онъ бытъ можетъ хотѣлъ выразить вышеприведеннымъ стихомъ, что всякая слава принадлежитъ одному Богу. Такъ какъ всѣ

эти нововведенія создали много недовольныхъ въ высшемъ и въ среднемъ классѣ общества и среди военныхъ, то эту надпись критиковали, намекая на единицу, находившуюся подъ буквою П, что означаетъ по-русски покой. Говорили, что покоенъ только онъ одинъ. Строгость не могла сдержатъ насмѣшекъ и людскаго злословія.

У наружной стѣны дворца былъ прибитъ ящикъ, куда можно было опускать прошенія и письма на высочайшее имя. Ихъ было несмѣтное количество.

Павелъ также быстро награждалъ, какъ и наказывалъ. Его щедрость была по истинѣ царская. Екатерининскій генераль-прокуроръ Самойловъ былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ прокуроръ сената князь Алексѣй Куракинъ 1-й. Князь Зубовъ былъ сосланъ въ свои помѣстья Владимирской губерніи и отданъ подъ надзоръ мѣстныхъ властей.

Я не буду описывать въ настоящихъ запискахъ событія изо дня въ день, такъ какъ цѣль моя заключается не въ томъ, чтобы нагромоздить рядъ рассказовъ, представляющихъ только временный интересъ; я остановлюсь лишь на самыхъ характерныхъ явленіяхъ, которыя уясняютъ послѣдующія событія, вызванныя происшедшими переменами, и на которыя должна со временемъ пролить свѣтъ исторія. Одинъ шутникъ сказалъ: наша философія зависитъ отъ хорошаго или дурнаго состоянія нашего здоровья. Какъ часто мы видимъ тому примѣръ въ исторіи, гдѣ самыя ничтожныя причины вызвали перевороты въ государствѣ.

Для народа безразлично, страдаетъ ли онъ вслѣдствіе ударовъ судьбы, по волѣ Провидѣнія или вслѣдствіе каприза или недуга того, кто имъ управляетъ; такъ какъ въ наше время не вѣрятъ болѣе въ судьбу и въ Провидѣніе, то надобно указать причины, которыя могли вызвать крупныя перемены въ государствѣ. Людей убиваетъ не пуля и не желѣзо; пуля, спрятанная въ карманѣ, не можетъ причинить смерть; мечъ не разить, пока онъ въ ножнахъ! Но пуля, выпущенная изъ ружья, или мечъ, направленный рукою человѣка, производятъ дѣйствіе, причиняющее смерть. Не англійскіе правители отторгли Сѣверо-Американскіе штаты отъ метрополи, но англійское правительство 'дало имъ возможность довести озлобленіе американцевъ до крайности. Если Англія хотѣла сохранить эти провинціи, то ей не слѣдовало озлоблять населеніе, тѣмъ болѣе нельзя было вести дѣло такъ, чтобы можно было со дня на день ожидать съ ихъ стороны возстанія.

Въ теченіе 34-хъ лѣтънаго царствованія своей матери, Павелъ, достигшій совершеннолѣтія, убѣдился въ томъ, что Екатерина либо забывала о немъ среди своихъ развлеченій и успѣховъ, либо хотѣла устранить его отъ престола въ пользу его сына, къ коему она относилась съ исключительной нѣжностью. Это мнѣніе было всеобщее. Онъ видѣлъ,

какой неограниченной властью пользовались фавориты его матери, тогда какъ онъ не могъ высказать ни малѣйшаго изъ своихъ желаній. При большомъ дворѣ царя роскошь; при его дворѣ не было того, что приучаетъ народъ видѣть въ наслѣдникѣ престола своего будущаго монарха. Павелъ зналъ, что мать ненавидитъ его, считаетъ его неспособнымъ царствовать, насмѣхается надъ нимъ со своими приближенными; онъ понималъ, что большинство подданныхъ, въ видахъ своихъ собственныхъ интересовъ, должно было вторить этому. Подобное положеніе вещей, продолжавшееся 40 лѣтъ, должно было весьма естественно озлобить его.

До самой кончины Екатерины, Павелъ былъ увѣренъ, что страна ненавидитъ его, что никто не желаетъ его имѣть своимъ монархомъ и что всѣ замышляютъ погубить его. Вотъ почему онъ былъ чрезмѣрно щедръ и въ то же время жестокъ: расточалъ благодѣянія и внушалъ страхъ. Онъ хотѣлъ упрочить свою власть для того, чтобы совершенно измѣнить внѣшній обликъ своей Имперіи. Предубѣжденіе, укоренившееся въ обществѣ противъ Павла, было таково, что даже наше поколѣніе считаетъ его нравственно больнымъ, а все имъ сдѣланное считается сумасбродствомъ, безуміемъ и жестокостью. Что бы ни говорили всѣ тѣ, кои не признаютъ Божественнаго Промысла, но судьба государствъ зависитъ не отъ расточительности какого-нибудь Сарданапала, ни отъ тиранніи Нерона, Людовиковъ IX и XI, ни отъ безумія Георга III или отъ сумасбродствъ сына Филиппа Македонскаго или корсиканца Наполеона.

Павелъ, не будучи увѣренъ, что ему придется когда-либо царствовать, подготовлялъ однако въ Гатчинѣ и Павловскѣ въ теченіе 20 лѣтъ планъ своего царствованія. Будучи чужимъ своей матери, большому двору и всему государству, онъ не имѣлъ иныхъ приверженцевъ кромѣ людей, служившихъ въ его Гатчинскихъ батальонахъ, и тѣхъ лицъ, которые его окружали. Его Тристаномъ—отшельникомъ былъ Кутайсовъ, его Сюли—Плещеевъ, военнымъ министромъ—Аракчеевъ, адмираломъ—Кушелевъ, статсъ-секретаремъ—Оболяниновъ, а любимымъ царедворцемъ—Ростопчинъ. Всѣ эти будущіе сановники, столь близкіе къ великому князю, едва имѣли небольшой чинъ армейскаго майора. Ростопчинъ, снискавшій любовь великаго князя, былъ камергеръ большаго двора и офицеръ гвардіи. Случайность доставила ему благоволеніе великаго князя. Его, какъ наиболѣе скромнаго изъ камергеровъ, посылали обыкновенно въ Гатчину на дежурство къ великому князю въ тѣ дни, когда прочіе камергеры, болѣе знатнаго происхожденія, сказывались больными, чтобы избѣжать своей очереди. Вслѣдствіе этого Ростопчинъ имѣлъ однажды объясненіе съ однимъ изъ своихъ сотоварищей, княземъ Барятинскимъ; воспослѣдовала дуэль, и Ростопчинъ былъ уволенъ. Павелъ, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о немъ, и онъ достигъ

за это кратковременное царствованіе званія генераль-адъютанта, а впоследствии былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и кавалеромъ всевозможныхъ орденовъ.

Фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова была другомъ великой княгини и великаго князя. Клевета сдѣлала ее любовницей великаго князя и впоследствии императора. Только 40 лѣтъ спустя, уже послѣ ея смерти, было доказано вполне достоверно, какъ чиста была эта привязанность. Можно ли послѣ этого судить о людяхъ по положенію, которое они занимаютъ въ свѣтѣ, и по наружнымъ признакамъ.

Таковы были лица, окружавшія великаго князя въ Гатчино.

Плещеевъ, человѣкъ свѣтскій, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода. Обладая самыми высокими качествами ума и сердца и получивъ прекрасное воспитаніе, онъ не могъ, по слабости своего характера, занимать видное мѣсто въ администраціи. При всей своей привязанности и преданности великому князю, онъ былъ только его личнымъ другомъ и впоследствии генераль-адъютантомъ. Аракчеевъ, человѣкъ суровый и жестокій, не говорилъ ни на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Получивъ воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ, онъ былъ способенъ только къ мелочной исполнительности и являлся поэтому лишь рабскимъ исполнителемъ приказаній своего монарха или своихъ собственныхъ плановъ. Кушелевъ и Оболяниновъ, люди грубые, не воспитанные и не образованные, были точно такъ же пассивными исполнителями приказаній, коими они руководились въ своихъ дѣйствіяхъ. Кутайсовъ, по происхожденію армянинъ, соединялъ всѣ качества, присущія еврею и греку. Человѣкъ весьма ловкій, онъ сумѣлъ пріобрѣсти довѣріе великаго князя и такъ хорошо изучилъ его характеръ, что никогда не возбуждалъ его гнѣва. Вступивъ на престолъ, Павелъ держалъ его постоянно при себѣ, какъ человѣка, наиболѣе ему преданнаго.

Всѣ эти лица, за исключеніемъ Плещеева, который, благодаря своему спокойному характеру, или, лучше сказать, всѣмъ извѣстному равнодушію своему къ почестямъ и богатству, не внушалъ никому опасеній, были самыми выдающимися личностями въ теченіе пятилѣтняго царствованія Павла. Всѣ они достигли высшихъ чиновъ. Кутайсовъ и Кушелевъ получили званіе графа, также точно, какъ впоследствии Ростопчинъ, имѣли всѣ русскіе ордена и имъ были пожалованы большія помѣстья съ тысячами душъ крестьянъ, приносяшія громадныя доходы.

Любимцами императора были князья Куракины, изъ коихъ одинъ былъ назначенъ, при вступленіи его на престолъ, вице-канцлеромъ, а другой генераль-прокуроромъ. Ярославскій губернаторъ Лопухинъ, впоследствии одинъ изъ знатѣйшихъ вельможъ Россіи, получившій всѣ ордена и княжеское званіе съ титуломъ свѣтлости, и князь Гавріилъ Гагаринъ съ нѣсколькими вельможами Екатерининскихъ временъ обра-

зовали дворъ Павла I. Онъ повышалъ людей такъ быстро, что одного года было достаточно для того, чтобы тотъ, на кого императоръ обратилъ свой взоръ, возвысился изъ ничтожества, или чтобы человѣкъ вполне достойный утратилъ всякое значеніе.

Чтобы изгладить воспоминаніе о матери, Павелъ уничтожилъ Георгіевскій крестъ, учрежденный Екатериною и даваемый за военные подвиги, и Владимірскій крестъ, коимъ награждались гражданскія заслуги. Всѣ военныя и гражданскія лица, не достигшія генеральскаго чина или принадлежавшія къ 4-му классу, получали при Павлѣ Анненскій крестъ 2-й и 3-й степеней, а впослѣдствіи командорскій или кавалерскій крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго, когда императоръ объявилъ себя магистромъ этого ордена.

Бывали примѣры, что люди, служившіе въ гвардіи капитанами, достигали генеральскаго чина менѣе, нежели въ 5 лѣтъ.

Офицерскій чинъ давалъ потомственное дворянство. Говорятъ, будто въ теченіе 45 лѣтъ, протекшихъ послѣ вступленія на престолъ Павла, въ дворянскую книгу внесено болѣе 20 тысячъ семействъ...

Павелъ, первый изъ русскихъ монаховъ, сталъ давать ордена духовенству; высшимъ чинамъ церковной іерархіи онъ давалъ ленты Андреевскія, Александра Невскаго и Анненскія, прочимъ Анну 2 ст. Онъ же ввелъ обычай давать духовенству въ знакъ отличія наперсные кресты, митры и бархатныя камилавки. Надобно сказать правду, что всѣ отрасли управленія были при немъ значительно упорядочены по сравненію съ прежнимъ. Продажность должностныхъ лицъ не могла быть искоренена сразу; по крайней мѣрѣ правосудіе не продавалось болѣе съ публичнаго торго.

Послѣ того, какъ совершилось погребеніе Екатерины II и ея супруга Петра III, гвардія получила приказаніе выступить въ Москву на коронацію, происходившую 1-го апрѣля 1797 г. Всѣ гвардейскіе полки и армія были уже одѣты по прусскому образцу, съ напудренной головою, косами и буклями. Императоръ присутствовалъ лично при выступленіи cadaго полка.

Зима 1796 г. была суровая. Ежедневный парадъ и церемонія, коей сопровождалось выступленіе войскъ, продолжались около часа, а иной разъ и болѣе. Императоръ, наравнѣ съ послѣднимъ офицеромъ, стоялъ на морозѣ съ обнаженной головою въ то время, какъ полкъ дефилировалъ мимо него. Всѣ эти военныя зрѣлища были большою новинкою для Петербурга, гдѣ въ продолженіе 34 лѣтъ только изрѣдка видѣли взводъ солдатъ и еще рѣже доводилось видѣть ротное или полковое ученіе.

Коронованіе совершилось съ величайшимъ блескомъ и торжественностью. Дворъ сіялъ золотомъ и алмазами. Кавалергардскому полку

былъ данъ мундиръ прежнихъ рыцарей. Латы, каска и все вооруженіе были серебряныя. На это была употреблена вся серебряная посуда «вице-королей» или губернаторовъ, которая полагалась имъ отъ казны.

Павла I помазалъ на царство его бывшій законоучитель, московскій митрополитъ Платонъ. Во время церемоніи коронованія, былъ прочитанъ актъ о престолонаслѣдіи, составленный и торжественно обнародованный Павломъ I.

Этимъ актомъ опредѣлялись правила престолонаслѣдія со всѣми подробностями, для предупрежденія нарушенія этого закона, столь необходимаго для спокойствія Имперіи. По этому акту женщины могли достигнуть престола только въ случаѣ совершеннаго отсутствія прямого потомства мужскаго рода. Были учреждены удѣлы, для завѣдыванія имуществомъ лицъ императорской фамиліи.

Всѣ эти мѣры были весьма мудрыя и полезныя, какъ для царской фамиліи, такъ и для государства. За коронованіемъ слѣдовалъ рядъ великолѣпныхъ празднествъ, послѣ чего императрица съ дѣтьми и всѣмъ дворомъ возвратилась въ Петербургъ, а императоръ предпринялъ путешествіе во внутреннія губерніи до Казани.

Я долженъ прервать свой рассказъ и передать одинъ эпизодъ, случившійся до отъѣзда императора изъ Петербурга на коронацію.

Павелъ слишкомъ хорошо зналъ исторію своей страны, чтобы не быть дальновиднѣе всѣхъ, такъ называемыхъ государственныхъ людей, полагающихъ, что прошедшее проходить безслѣдно и не вліяетъ на будущее. Тяготѣвшая надъ нимъ мысль, что на его счетъ распространены въ государствѣ самые нелѣпые слухи, заставляла его дѣйствовать гораздо осмотрительнѣе, нежели можно было думать.

Онъ зналъ исторію разрушенія Соловецкаго монастыря въ царствованіе царя Алексія Михайловича, зналъ, что всѣ монахи, спасшіеся, при избіеніи противниковъ нововведеній патріарха Никона, и множество старообрядцевъ разбрелись по Россіи и главнымъ образомъ бѣжали за Волгу, и что Уральскіе и Донскіе казаки, и жители земель пограничныхъ съ Сибирью, Чернымъ моремъ и Балканскими горами, упорно придерживались старинныхъ обычаевъ и старой вѣры; онъ зналъ, что ихъ монахи, отшельники, и такъ называемые предсказатели, жившіе въ горахъ и пещерахъ, дѣятельно поддерживали Пугачева. Ему было извѣстно, что богатѣйшіе купцы или фабриканты Москвы, наполненной ихъ единовѣрцами, Саратова, Оренбурга, Екатеринбурга, Архангельска и Петербурга, находились съ ними постоянно въ сношеніяхъ и поддерживали всѣми средствами скиты, возникшіе въ Саратовской губерніи, между Иргизомъ и Узеньями, равно и всѣхъ отшельниковъ, жившихъ въ этихъ мѣстахъ. Вступивъ на престолъ, Павелъ не захотѣлъ отправиться въ Москву прежде, нежели удостовѣриться въ томъ, какой

духъ царствовалъ въ названныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, и узнать, какъ относились къ нему старовѣры, жившіе въ этихъ полудикихъ мѣстахъ, а также Уральскіе и Донскіе казаки. Онъ рѣшилъ послать туда человѣка, вполнѣ преданнаго ему, чтобы вывѣдать почву и сообщить достовѣрныя свѣдѣнія, сообразуясь съ которыми, онъ могъ бы составить извѣстный планъ дѣйствій по отношенію къ этимъ людямъ. Свое намѣреніе Павелъ сообщилъ Плещееву, сказавъ, что онъ возлагаетъ на него это важное порученіе, какъ на самаго преданнаго своего слугу, и приказалъ ему отправиться тотчасъ на мѣсто, чтобы разъяснить одинъ фактъ, по своей важности соотвѣтствующій довѣрію, которое онъ къ нему питаетъ.

Плещеевъ, какъ человѣкъ честный, сказалъ императору откровенно, что онъ не считаетъ себя способнымъ съ пользою выполнить вышеупомянутое приказаніе, и умолялъ его величество возложить это порученіе на другое лицо. Искреннее и чистосердечное признаніе имѣетъ всегда благіе результаты, оно усугубляетъ даже довѣріе.

Павелъ одобрилъ мысль Плещева подъ условіемъ, что онъ найдетъ лицо, способное выполнить его приказаніе.

Плещеевъ въ тотъ же вечеръ посовѣтовался по этому поводу со своими друзьями, которые нашли въ моемъ отцѣ качества и знаніе мѣстности, необходимыя для исполненія подобнаго рода порученія. Они основывались на участіи, которое мой отецъ принималъ въ слѣдствіи, произведенномъ генераломъ графомъ Панинымъ во время Пугачевского бунта. На слѣдующій день Плещеевъ сообщилъ императору, что онъ считаетъ возможнымъ возложить это порученіе на моего отца, и выборъ остановился на немъ.

Надобно замѣтить, что состояніе моего отца, жившаго въ Москвѣ 18 лѣтъ въ отставкѣ, было настолько разстроено, что это побудило его за три или за четыре года до кончины Екатерины поступить вновь на службу. Онъ обратился по этому поводу съ просьбою къ самой императрицѣ, которая знала его лично и приказала дать ему первую вакансію вице-губернатора. Къ несчастію, путь между монархомъ и подданнымъ наполненъ низшими властями, которыя не всегда являются отголоскомъ воли монарха. Самойловъ и директоръ его канцеляріи Ермоловъ не исполнили волю государыни, и мой отецъ остался безъ мѣста до ея кончины. Тотчасъ послѣ этого событія, отецъ, который былъ извѣстенъ императору Павлу и пользовался его благоволеніемъ, былъ вызванъ въ Петербургъ и нѣсколько времени спустя назначенъ гражданскимъ губернаторомъ во Владимірѣ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ находился въ Петербургѣ въ то время, когда Плещеевъ предложилъ императору возложить на него упомянутое секретное пору-

ченіе. Мой отецъ былъ тотчасъ призванъ къ императору и бесѣдовалъ съ нимъ съ глаза на глазъ.

Осторожность требовала, чтобы это дѣло обсуждалось не официально и даже секретно. Нельзя было затронуть господствующую церковь и признать официально права старообрядцевъ, которые считали свои скиты единственными монастырями православной вѣры ихъ отцовъ, тогда какъ правительство не признавало ни ихъ скитовъ, ни ихъ монаховъ. Они были только терпимы какъ общежитія, принадлежавшія удѣламъ.

Старообрядцевъ не преслѣдовали за ихъ вѣроисповѣданіе, и мѣстная полиція дѣлала видъ, что ей неизвѣстно, что священники, исполнявшіе требы въ этихъ скитахъ, были изъ бѣглыхъ. Надобно замѣтить, что когда первые священники, отдѣлившіеся отъ господствующей церкви при патріархѣ Никонѣ, перемерли, то старообрядцы, не имѣя епископовъ, которые могли посвящать въ священство, подкупали священнослужителей господствующей церкви, предлагая имъ большія деньги и преимущества, и убѣждали ихъ отложиться отъ православной вѣры и бѣжать къ нимъ, какъ кающіеся, коихъ силою удерживали въ новой ереси; право посвященія въ духовный санъ, какъ таинство, не могло быть отнято у нихъ, коли они однажды получили его. Монастырямъ не могло быть сдѣлано никакихъ законныхъ уступокъ.

Павелъ I нашелъ въ своемъ необыкновенномъ умѣ средство примирить непримиримое. Онъ далъ моему отцу собственноручное письмо, въ которомъ было сказано все и которое ни къ чему его не уполномочивало. Такъ какъ оно было написано на листъ простой почтовой бумаги, безъ соблюденія какой-либо законной формы, то оно не могло считаться документомъ, а тѣмъ менѣе указомъ или повелѣніемъ, имѣющимъ силу закона. Не проставивъ въ заголовкѣ имени моего отца, императоръ написалъ слѣдующее: «вы отправитесь въ Узени и Иргизъ и окрестныя мѣстности, чтобы увѣрить жителей въ моемъ благоволеніи и желаніи видѣть ихъ всегда спокойными и счастливыми. Павелъ».

Было рѣшено, что это письмо, которое служило для моего отца высочайшимъ повелѣніемъ, не будетъ опубликовано, какъ императорскій указъ и что оно не должно попасть въ копіи въ другія руки. Старообрядцы, жившіе на Иргизѣ, въ земляхъ войска Донскаго и Уральскаго, и всѣ старообрядческіе Несторы въ Москвѣ ничего бы не пожалѣли, чтобы имѣть эту бумагу въ своихъ рукахъ. Одно появленіе въ этихъ мѣстностяхъ высшаго сановника, посѣщеніе имъ скитовъ, вклады, сдѣланные имъ отъ имени государя, должны были убѣдить старообрядцевъ, что новый императоръ не желалъ преслѣдовать ихъ; послѣ этого нечего было опасаться, что ихъ удастся возмутить. Имъ былъ данъ ходатай и защитникъ у престола. Для того, чтобы выразить имъ высочайшую

волю, императоръ пожелалъ, чтобы въ этихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ мой отецъ роздалъ нѣсколько новыхъ рублей.

Два мѣсяца спустя отецъ мой возвратился въ Петербургъ, гдѣ его ожидалъ императоръ. Императоръ былъ весьма доволенъ его поѣздкою; осыпалъ его милостями и, оставивъ по-прежнему въ должности владимірскаго губернатора, объявилъ ему, что впредь всѣдѣла, относящіяся до старобрядцевъ Дона, Волги и Урала, будутъ возложены на него лично съ правомъ обращаться въ важныхъ случаяхъ непосредственно къ самому государю. Это назначеніе, установившее конфиденціальныя отношенія между императоромъ и моимъ отцомъ, сблизило его съ императорами Павломъ и Александромъ, который оказывалъ ему такое же довѣріе, какъ и его отецъ. Этотъ порядокъ вещей продолжался вплоть до учрежденія министерствъ въ 1802 году.

Императоръ успокоенный уѣхалъ въ Москву на коронацію.

Оставивъ военную службу и вступивъ на дипломатическое поприще, я былъ во время коронаціи прикомандированъ къ канцеляріи вице-канцлера князя Куракина и находился съ нимъ въ Москвѣ, а затѣмъ, будучи назначенъ секретаремъ и переводчикомъ при посольствѣ въ Вѣнѣ, я отправился въ этотъ городъ вскорѣ послѣ отъѣзда двора изъ Петербурга.

IV.

Вѣнское общество.—Баровъ Тугутъ.—Прибытіе въ Вѣну французскаго посла Бервадота.—Манифестація вѣнцевъ противъ трехцвѣтнаго французскаго флага.—Война Австріи съ Франціею.

Я пріѣхалъ въ Вѣну въ то время, когда былъ заключенъ миръ въ Кампо-Форміо.

Вѣна произвела на меня впечатлѣвіе веселаго города; нельзя было и подумать, что французы только-что были у ея воротъ. Поголовное ополченіе было распушено, но въ городѣ можно было встрѣтить не мало лицъ изъ высшаго общества, украшенныхъ медалью, которая была выбита и раздавалась по этому случаю. Эта медаль была серебряная съ изображеніемъ императора Франца II, и носилась въ петлицѣ на желтой лентѣ съ черными краями. Добрые вѣнцы считали, что они одержали надъ французами большую побѣду.

Изъ всѣхъ столицъ Европы Вѣна была въ то время единственнымъ городомъ, въ которомъ находилось весьма много извѣстныхъ эмигран-

товъ. Высшее и низшее общество было переполнено поляками, французами, италянцами и брабантцами.

Парижъ, объятый революціоннымъ пламенемъ, не былъ уже центромъ, куда стремились, какъ до революціи, знаменитости изъ всѣхъ странъ. Вѣна заступила мѣсто Парижа. Жизнь въ этомъ городѣ представляла всѣ прелести европейской цивилизаціи и полную безопасность, какой не было въ иныхъ мѣстахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она отличалась большою дешевизною.

Австрію и ея правительство никогда такъ не поносили, какъ въ наше время. Ее не называютъ открыто странюю столь варварскою, какъ Россія, только потому, что рабство уже отмѣнено въ ней закономъ; тѣмъ не менѣе, въ отношеніи цивилизаціи, Австрія считается до сихъ поръ странюю отсталою. Современные политическіе дѣятели признаютъ лишь ту цивилизацію, которая считаетъ народъ единственнымъ источникомъ верховной власти, отвергаетъ Божественное право и утверждаетъ, что монархъ долженъ царствовать, а не управлять. Это безумное, чудовищное ученіе никогда не признавалось въ Австріи; но политическія права гражданъ никогда не попирались ею, какъ утверждаютъ нѣкоторые; австрійское правительство всегда спокойно и справедливо: собственность въ Австріи уважается, всѣ пользуются одинаково правами, даруемыми закономъ, и несмотря на огромное различіе, существующее между отдѣльными классами общества, отношеніе правительства къ низшему сословію не хуже, чѣмъ въ Англіи. Австрійскій вельможа не требовательнѣе англійскаго лорда. И ежели австрійскій магнатъ относится ко всѣмъ людямъ, стоящимъ ниже его, свысока, то не забудемъ, что англійскій лордъ относится къ нимъ съ пренебреженіемъ. Богатые люди пользуются вездѣ и въ Англіи преимущественно правомъ попирать ногами всѣхъ тѣхъ, кто живетъ въ бѣдности и нуждѣ, въ особенности тамъ, гдѣ существуетъ еще рабство. Французская революція, не признавая родовой аристократіи, признаетъ аристократію финансовую, что еще хуже.

Въ то время, когда я пріѣхалъ въ Вѣну въ 1797 году, высшее общество составляли князья Кауницъ, Эстергази, Розенбергъ, Шварценбергъ, графы Коллоредъ, Коловратъ и многія другія лица, отличавшіяся знатностью рода и богатствомъ. Къ составу дипломатическаго корпуса принадлежали посланники: русскій графъ Разумовскій, неаполитанскій маркизъ Гвилло, англійскій кавалеръ Иденъ (Eaden), португальскій графъ Лина, испанскій, фамилію коего я не запомню, и посланники прочихъ второстепенныхъ дворовъ Европы, которые увеличивали блескъ столицы бывшей священной Римской имперіи. Впослѣдствіи число дипломатовъ увеличилось съ пріѣздомъ генерала Бернадота, посланника единой и нераздѣльной Французской и Цизальпинской республикъ.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Австріи былъ баронъ Тугутъ. Война прекратилась временно въ открытомъ полѣ, но республиканскіе элементы вели еще войну съ монархическими принципами въ кабинетахъ. Вообще въ то время полагали, что *statu quo*, существовавшее на континентѣ, не могло быть терпимо и что со временемъ Европѣ придется вернуться къ общественному праву, установленному трактатами.

Наполеонъ получилъ командованіе арміей, посланной въ Италію. Физіономія Европы измѣнилась. Появленіе въ мірѣ великаго генія вліяетъ на всѣхъ подобно тому, какъ солнце вліяетъ на весь земной шаръ.

Я не коснусь войнъ, опустошавшихъ Европу до конца XVIII вѣка, и мирныхъ переговоровъ, коими надѣялись все уладить, и ровно ничего не уладили. Эти военные и политическіе романы были описаны столькими искусными перьями, что я поставилъ себѣ цѣлью только набросать картину событій, на взглядъ менѣ выдающихся, и сохранить для потомства воспоминаніе о нѣкоторыхъ эпизодахъ, которые могутъ убѣдить людей въ томъ, что въ мірѣ не все зависитъ отъ ума и предусмотрительности людей или отъ силы оружія. Всѣ войны приблизительно сходны между собою въ своемъ теченіи, всѣ приносятъ болѣе или менѣе одинакіе плоды, такъ же точно, какъ всѣ трактаты походятъ оданъ на другой. Вся разница въ томъ, кто ими руководить, кто ихъ направляетъ. Это напоминаетъ живопись и музыку. Краски и кисти, инструменты и пальцы, одни и тѣ же, вся разница въ игрѣ. Пальцы Рафаэля и Рубенса, Фильда и Роде не одинаковы съ пальцами тѣхъ пачкуновъ, которые малюютъ картины дюжинами, и тѣхъ любителей, которые, играя на роялѣ и на скрипкѣ, считаютъ возможнымъ превзойти артистовъ.

Успѣхи французскаго оружія въ Голландіи, Германіи, Швейцаріи и Италіи, и занятіе французскими войсками владѣній Венеціанской республики заставили встрепенуться европейскіе кабинеты, въ коихъ Парижъ не былъ еще законодателемъ. Втайнѣ выработывались планы коалицій, а Французская республика все дѣлала успѣхи.

Пріѣздъ въ Вѣну посланника этой республики, которую всѣ ненавидѣли и въ то же время боялись, произвелъ впечатлѣніе, аналогичное съ тѣмъ, какое производитъ въ человѣческомъ тѣлѣ рвотное. Дворъ, дипломатія и высшее общество придерживались монархическихъ принциповъ. Аристократія предъявляла свои исконныя права, а генералъ Бернадотъ громко заявлялъ республиканскіе принципы: его свита говорила о правахъ человѣка. Можно себѣ представить, какія это могло породить столкновенія. При дворѣ смотрѣли крайне недоброжелательно на представителя единой и нераздѣльной республики, а между тѣмъ ее надобно было шадить!

Старинному австрійскому и нѣмецкому дворянству не нравились манеры, заимствованныя у санжюлотовъ, а между тѣмъ имъ приходилось скрывать свое неудовольствіе. Представители европейскихъ державъ не признавали Французскую республику, избѣгали встрѣчи съ ея уполномоченнымъ.

Въ исходѣ 1798 года вспыхнула революція. До этого времени французскіе посланники пользовались нѣкоторыми особыми правами, между прочимъ правомъ имѣть на своемъ домѣ французскій гербъ. Посланникъ Французской республики хотѣлъ воспользоваться этимъ правомъ.

На французскомъ гербѣ былъ изображенъ пѣтухъ, дерево, фригійская шапка и трехцвѣтное знамя. Не знаю, пожелалъ ли посланникъ воспользоваться этимъ правомъ по повелѣнію своего правительства или только въ силу данныхъ ему полномочій, но это обстоятельство вызвало обмѣнъ дипломатическихъ нотъ. Вѣнскій кабинетъ со своей обычной осторожностью счумѣлъ затянуть переговоры, но нетерпѣніе республиканскаго правительства или составленный имъ заранѣе планъ дѣйствій ускорили событія.

Однажды вечеромъ, въ тотъ моментъ, когда можно было менѣе всего ожидать этого, надъ балкономъ отеля, занимаемаго посланникомъ нераздѣльной республики, взвился трехцвѣтный флагъ. Эта вѣсть разнеслась по городу въ тотъ же вечеръ.

Около 10-ти часовъ публика разбѣжжалась изъ театровъ; вечеромъ вся Вѣна бываетъ на улицѣ. Излюбленное мѣсто прогулки вѣнцевъ — Грабенъ и бастионы; этимъ путемъ ѣдутъ съ предмѣстій на Пратеръ. Я возвращался домой по Мясному рынку (Fleisch Markt), какъ вдругъ увидѣлъ толпу народа, бѣжавшаго къ Грабену, и узналъ причину, по которой всѣ стремились въ улицу, гдѣ находился отель генерала Бернадота. Я пошелъ за толпою и сталъ напротивъ отеля. Улица, довольно длинная и узкая, какъ всѣ улицы Вѣны, была вскорѣ дотого запружена народомъ, что экипажи не могли двигаться. Крики и гоготаніе толпы свидѣтельствовали, что цѣль ея стремленій была близка: «Долой флагъ», кричали со всѣхъ сторонъ; изрѣдка слышалось: «да будутъ прокляты французы». Такъ какъ полиція не вмѣшивалась, а крики и брань усиливались, то посланникъ появился съ нѣсколькими лицами своей свиты на балконѣ съ ружьемъ въ рукахъ! Ворота уже были заперты. Какъ только онъ показался, въ окна полетѣли камни; никто не слушалъ увѣщаній и угрозъ, неистовые крики продолжались, народъ не переставалъ кидать камни и выламывать ворота. Генералъ прицѣлился и выстрѣлилъ на воздухъ. Только этого и не доставало, чтобы народъ бросился разносить его домъ. Всѣ стекла въ окнахъ были выбиты, народъ вскочилъ на балконъ, выломалъ двери, сорвалъ флагъ и торжественно

понесъ его при громогласныхъ крикахъ въ предмѣстье; позади торжественно тащили двѣ парадныя кареты посланника, которыя были изломаны и сожжены вмѣстѣ со знаменемъ. Въ концѣ улицы показались два кирасира верхами. Улица была очищена отъ народа, и къ отелю приставлена стража. Съ наступленіемъ ночи посланникъ потребовалъ свой паспортъ. Я видѣлъ на другой день, какъ онъ проѣхалъ мимо церкви св. Михаила со всей своей свитою въ дорожныхъ экипажахъ. На всѣхъ углахъ были расклеены воззванія правительства, коими увѣщевали народъ уважать права частныхъ лицъ; народъ смотрѣлъ съ величайшимъ спокойствіемъ на уѣзжавшаго посланника и его свиту, конъ всѣ имѣли на шляпѣ національную кокарду. Улицы были переполнены зрителями.

Не берусь судить о томъ, какъ надобно смотрѣть на описанный мною эпизодъ и какъ его можно объяснить, точно такъ же, какъ не берусь объяснить совершенное въ Раштадтѣ чудовищное убійство трехъ французскихъ уполномоченныхъ, возвращавшихся во Францію по окончаніи конгресса. Предоставляю разяснить всѣ эти факты исторіи, которая должна доискиваться причинъ всѣхъ описываемыхъ ею событій. Что касается меня, то я замѣчу, что республиканское правительство не могло уполномочить своего посланника вызвать войну столь страннымъ способомъ; надобно развѣ допустить, что у нея не нашлось къ тому болѣе благовиднаго предлога и что въ ея интересахъ было вызвать разрывъ. Если же допустить, что посланникъ вызвалъ разрывъ, безъ разрѣшенія своего правительства, то придется сказать, что участь страны зависѣла въ то время отъ пустышнаго каприза посланника; иное дѣло убійство уполномоченныхъ. Всякое государство имѣетъ право мстить за столь варварское нарушеніе общественнаго и личнаго права, если оно не подготовило это событіе само или если это событіе совершилось не по его приказанію; но начинать войну изъ-за флага или изъ-за выстрѣла изъ ружья холостымъ зарядомъ такъ странно, что здравый смыслъ не можетъ найти этому оправданія; надобно признать, что это слишкомъ легкомысленное отношеніе къ войнѣ.

Въ Вѣнѣ, послѣ отъѣзда генерала Бернадота, водворились такая тишина и спокойствіе, какъ будто они ничѣмъ не нарушались. Населеніе, не видя болѣе въ городѣ трехцвѣтныхъ кокардъ и шарфовъ, чувствовало, какъ будто оно одержало побѣду. Тотъ, кому было суждено превратить римскаго императора въ императора австрійскаго, не возвратился еще изъ Египта.

Война съ Франціей возобновилась при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ. Весною 1799 г. Суворовъ, назначенный главнокомандующимъ австро-русской арміи, прибылъ въ Вѣну, предшествуемый русскимъ войскомъ подъ командою генералъ-аншефа Розенберга; числен-

ность этого отряда доходила до 22-хъ тысячъ человѣкъ. Принятый въ Вѣнѣ и при дворѣ, какъ освободитель Европы, Суворовъ доказалъ передъ лицомъ всего міра, что русскаго солдата не могутъ остановить ни Альпы, ни самыя непроходимыя дороги. Въ теченіе одного лѣта онъ очистилъ отъ непріятеля Италію, преодолѣлъ всѣ препятствія и тѣмъ не менѣе былъ побѣжденъ происками и кознями бюрократической политики, которая обратила въ ничто всѣ сдѣланныя имъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ усилія. Русскимъ войскамъ было приказано возвратиться на родину.

Я уѣхалъ изъ Вѣны тотчасъ по полученіи извѣстія о первой побѣдѣ, одержанной Суворовымъ при Требін, и находился въ Берлинѣ въ то время, когда было получено извѣстіе объ убійствѣ трехъ французскихъ уполномоченныхъ: Бартельми, Ив. Дебри и Робержо, возвращавшихся изъ Раштадта съ конгресса. Я былъ посланъ русскимъ посланникомъ при прусскомъ дворѣ Н. Панинымъ съ депешей къ императору Павлу I, въ которой онъ извѣщалъ государя объ этомъ событіи. Въ Петербургѣ я былъ прикомандированъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и оставался въ столицѣ до тѣхъ поръ, пока не получилъ новаго назначенія за границу, которое заставило меня снова разлучиться съ семьей.

Обстоятельства, обыкновенно не зависящія отъ человѣка, измѣнили мое положеніе или, лучше сказать, произвели въ немъ рѣшительный переворотъ. Я уѣхалъ изъ Петербурга только въ половинѣ 1800 года во внутреннія губерніи Имперіи.

Перев. В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

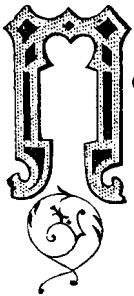

Изъ записокъ Д. П. Рунича.

V¹).

Императоръ Павелъ и его отношенія къ эмигрантамъ.—Принятіе имъ магистерства ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.—Вѣна въ 1798—1799 г.—Гр. Андрей Разумовскій и Суворовъ въ Вѣнѣ.—Общество траппистовъ.—Герцогъ Зюдерманландскій, впослѣдствіи шведскій король Карлъ XIII.—Герцогъ Энгіенскій.—Возвращеніе Рунича въ Петербургъ.—Нелидова.—Лопухина.—Актриса Шевалье.—Кв. Василій Горчаковъ.—М. М. Сперанскій.—Сближеніе императора Павла съ Наполеономъ.—Вопросъ объ островѣ Мальтѣ.—Церемонія сожженія костровъ.—Кончина императора Павла I.

Послѣдніе годы XVIII вѣка такъ богаты событіями, въ особенности 1798 и 1799 гг., что я не могу не коснуться нѣкоторыхъ подробностей, которыя могутъ освѣтить факты величайшей важности; но я не буду указывать времени, когда произошли эти событія, и чиселъ, которыя не трудно возстановить всякому интересующемуся хронологіей событій.

Послѣ заключенія мира въ Кампо-Формію, который коснулся главнымъ образомъ интересовъ Австріи и Италіи, политическія тревоженія продолжали занимать европейскіе кабинеты.

Великодушный императоръ Павелъ I взялъ на себя роль покровителя во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ правосудіе требуетъ поддержки власти и безкорыстія. Онъ призвалъ въ Россію армию французскихъ принцевъ, пожертвовавшихъ всѣми личными выгодами для того, чтобы поддержать

¹) См. „Русскую Старину“, 1901 г. январь.

права своего законнаго монарха, и предложилъ въ своей столицѣ пріютъ потомку знаменитаго Конде. Онъ далъ, какъ великій монархъ, пріютъ несчастному королю Людовику XVIII съ его дворомъ въ бывшей столицѣ Курляндіи. Трапписты ¹⁾, не имѣвшіе болѣе во Франціи ни пяди земли и считавшіе въ числѣ своихъ монахинь герцогиню Бурбонскую, получили на Волыни въ полную собственность монастырь, гдѣ имъ разрѣшено было поселиться; многіе французскіе эмигранты знатнѣйшихъ фамилій были приняты въ русскую армію, которая увидѣла въ своихъ рядахъ Ришелье, Ланжероновъ, Сень-При и многихъ другихъ французскихъ аристократовъ. Принцу Конде былъ пожалованъ въ Петербургъ обширнѣйшій дворецъ, принадлежащій нынѣ герцогу Лейхтенбергскому.

Мальта, коей завладѣли англичане, не была уже мѣстопробываніемъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Этотъ древній орденъ знаменитъ въ исторіи тѣмъ, что его приверженцы выказывали постоянно самыя благородныя, безкорыстныя, истинно рыцарскія чувства. Этотъ духъ сильно мѣшалъ распространенію среди нихъ новыхъ идей; и это обстоятельство, а равно владѣніе ими островомъ Мальтою, который Англія давно облюбовала, было въ значительной степени причиною уничтоженія ордена! Послѣ того какъ онъ былъ распущенъ, высшія сановныя лица Мальтійскаго ордена отдали себя подъ могущественное покровительство императора Павла I, предложивъ ему званіе гротмейстера. Новый Баярдъ, рыцарь безъ страха и упрека, Павелъ принялъ предложеніе, сдѣланное ему депутаціей этого ордена, которая прибыла въ Петербургъ съ драгоцѣнной для всего христіанскаго міра реликвіей, правой рукою св. Іоанна Крестителя Предтечи Христова. Онъ объявилъ себя магистромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, пожелалъ, чтобы капитулъ его находился въ Петербургѣ, и помѣстилъ его во дворцѣ Чернышева, нынѣ Пажескій корпусъ, поднявъ этимъ значеніе этого знаменитаго ордена, существованіе котораго оскорбляло французскихъ революціонеровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшало планамъ Англіи на всемірное владычество на морѣ. Хотя Мальта находилась уже въ рукахъ англичанъ, но новый гротмейстеръ назначилъ командующимъ островомъ генералъ-лейтенанта князя Дмитрія Михайловича Волконскаго. Императоръ учредилъ въ Россіи командорства, назначилъ нѣсколько

¹⁾ Трапписты, монашескій орденъ, основанный въ 1122 г., преобразованъ въ 1664 г. де-Рансе, давшимъ ему суровый уставъ. Члены ордена ходили безъ рубашекъ, питались хлѣбомъ, рисомъ и картофелемъ и строго соблюдали обѣтъ молчанія. Во время французской революціи трапписты разсѣялись по Швейцаріи, Пруссіи и Россіи и повсюду встрѣчали недружелюбный пріемъ. Въ 1817 г. они вернулись въ свое аббатство во Франціи, а въ 1880 г. изгнаны изъ предѣловъ этой страны.

человѣкъ командорами и кавалерами этого ордена, который давался также въ награду офицерамъ и генераламъ, совершившимъ кампанію въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи, такъ какъ Павелъ не давалъ болѣе никому Георгіевскаго и Владимірскаго крестовъ, учрежденныхъ его матерью. Къ ложамя французской, нѣмецкой и италіанской присоединилась русская ложа.

Мальтійскій мундиръ остался такимъ же, какимъ его носили въ нѣмецкой ложѣ, съ черными бархатными отворотами, обшлагами и воротникомъ. Изъ-за обладанія Мальтою, отъ которой Англія не хотѣла отказаться, возникъ со временемъ споръ и разногласіе между с.-петербургскимъ и сентъ-джермскимъ кабинетами. Всѣ перечисленныя мною событія требовали бы болѣе обстоятельнаго описанія, но главный ихъ интересъ заключается не въ подробностяхъ.

Событія суть не что иное, какъ внѣшнее проявленіе идей, коими они порождаются; эти идеи могутъ быть велики или ничтожны. Послѣдствія никогда не зависятъ отъ воли человѣка. Тотъ, кто вздумалъ бы судить о людяхъ по результатамъ, проистекающимъ изъ плановъ, порожденныхъ ихъ геніемъ или умомъ, неминуемо впалъ бы въ ошибку! По результатамъ можно судить только о дѣйствіи механическихъ силъ, которое можетъ быть заранѣе опредѣлено на основаніи точнаго расчета.

Могъ ли самый умный и предусмотрительный человѣкъ предсказать, что корсиканецъ, воспитанникъ артиллерійской школы во Франціи, менѣе нежели черезъ 15 лѣтъ будетъ императоромъ французовъ, сотретъ съ лица земли все то, что существовало вѣками, и станетъ полновластнымъ повелителемъ имперіи болѣе обширной, нежели была имперія Карла Великаго?

Обозрѣвая прошедшее и сравнивая его съ настоящимъ, все представляется въ высшей степени интереснымъ. Боссюэтъ сказалъ великую истину, что надобно быть непричастнымъ къ событіямъ для того, чтобы судить о нихъ. Актеры, играя на сценѣ, не могутъ замѣтить своихъ главныхъ недостатковъ и своихъ достоинствъ,—ихъ увлекаетъ дѣйствіе. Поглощенные главной цѣлью, какъ можно вѣрнѣе передать изображаемый ими оригиналъ, они не слѣдятъ за собою и не могутъ видѣть себя. О нихъ могутъ судить только зрители. Слѣдовательно, для того, чтобы наблюдать и судить, надобно быть зрителемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ.

Всѣ люди, такъ или иначе причастные къ извѣстнымъ событіямъ, не могутъ безпристрастно судить о нихъ. Событія, ознаменовавшія собою три послѣдніе, достопамятные года конца XVIII вѣка, и лица, появившіяся въ это время на міровой сценѣ, безъ сомнѣнія, представляютъ большой интересъ для исторіи развитія человѣческаго ума и для исторіи народовъ.

Сказавъ о томъ, какую фізіономію представляла собою Вѣна въ іюнѣ мѣсяцѣ 1797 г., когда я пріѣхалъ въ этотъ городъ, я упомяну еще, не придерживаясь хронологіи, о нѣкоторыхъ событіяхъ, совершившихся въ теченіе 1798—1799 гг., когда я жилъ въ столицѣ австрійской имперіи, и о выдающихся личностяхъ, которыя не должны быть забыты, подобно простымъ смертнымъ или подобно огромному большинству людей, живущихъ только для того, чтобы удобрять почву.

Вѣнскій кабинетъ слишкомъ спокоенъ, остороженъ и предусмотрителенъ для того, чтобы дѣйствовать когда-либо подъ вліяніемъ минуты. Онъ всегда предвидитъ будущее и хотя излишняя осторожность или недоувѣренность вовлекаетъ его иногда въ ошибки, но это бываетъ обыкновенно въ ущербъ не ему, а его союзникамъ; что касается Австріи, то ей удастся обыкновенно вознаградить себя за потери, причиненныя ей этою политикою.

Изъ дипломатовъ наибольшее вліяніе на вѣнскій кабинетъ, во главѣ котораго стоялъ баронъ Тугутъ, безспорно, имѣлъ въ то время русскій посланникъ, графъ Андрей Разумовскій.

Вельможа по происхожденію, сынъ человѣка, возвысившагося благодаря случаю, онъ обладалъ огромнымъ состояніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми качествами государственнаго человѣка. Въ немъ все было необычайно. Знаніе свѣта, проницательный умъ, обширное образованіе, хитрость, представительная наружность, обаятельная любезность, даръ слова, въ особенности умѣніе излагать свои мысли письменно по самымъ важнымъ вопросамъ,—всѣ эти качества поставили его во главѣ дипломатическаго корпуса, придавали ему вліяніе въ дѣлахъ и политическихъ сдѣлкахъ, въ которыхъ интересы его страны требовали примѣненія его выдающихся способностей. Врагъ республиканскихъ санкюлотовъ по убѣжденію и по своему положенію въ свѣтѣ, онъ всѣми силами старался сдѣлать изъ своего монарха союзника и помощника Австріи; но не въ его власти было заставить австрійскій кабинетъ и его знаменитый Kriegrath (военный совѣтъ) измѣнить взгляды, коими они руководились въ своихъ планахъ и мѣропріятіяхъ, благодаря которымъ Суворовъ потерпѣлъ неудачу въ Италіи, а императоръ Павелъ былъ вынужденъ отозвать свои войска.

Павелъ не любилъ Разумовскаго. Онъ зналъ, что Разумовскій былъ весьма близокъ къ его первой женѣ, но онъ дорожилъ имъ, какъ чело-вѣкомъ высокаго незауряднаго ума. Я не знаю, чѣмъ было вызвано временное отозваніе изъ Вѣны этого бывшаго соперника великаго князя. Какъ бы то ни было, онъ былъ отозванъ незадолго до моего отъѣзда изъ этого города, и на его мѣсто былъ назначенъ Колычевъ, бывший посланникомъ въ Голландіи. Но отсутствіе Разумовскаго продолжалось не долго; онъ возвратился вскорѣ на мѣсто посланника. За нѣсколько

недѣль до своего отозванія, Разумовскій показывалъ мнѣ великолѣпные алмазные знаки св. Андрея Первозваннаго, большой цѣнности, присланные ему его отцомъ-фельдмаршаломъ въ томъ предположеніи, что, имѣя уже Владиміра 1-й степени и Александра Невскаго, онъ долженъ былъ вскорѣ получить и этотъ орденъ. Первые два ордена онъ имѣлъ еще въ царствованіе Екатерины. Этотъ подарокъ, полученный имъ столь несвоевременно, былъ, однако, какъ бы счастливымъ предзнаменованіемъ, такъ какъ, будучи вновь назначенъ посланникомъ, онъ получилъ вскорѣ и Андреевскую ленту. По всей вѣроятности, Павелъ I, недовольный помѣхами со стороны вѣнскаго кабинета, которыя тормозили дѣйствія Суворова, выместилъ свое неудовольствіе на Разумовскомъ. Разумовскій, получившій въ царствованіе Александра I княжескій титулъ, долго оставался на посту посла въ Вѣнѣ и участвовалъ во всѣхъ конгрессахъ, которые созывались послѣ паденія Наполеона. Онъ растратилъ свое огромное состояніе, женился вторично, когда ему было уже болѣе шестидесяти лѣтъ, и умеръ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ жилъ съ истинно царской роскошью!

Суворовъ пріѣхалъ въ Вѣну и остановился въ отелѣ русскаго посла. Его камердинеръ, пріѣхавшій впередъ, попросилъ позволеніе осмотрѣть квартиру, отведенную для генералиссимуса, и выбралъ только одну комнату для его спальни. Изъ нея вынесли всю мебель и зеркала; вмѣсто нихъ было принесено нѣсколько пучковъ соломы, служившей обыкновенно князю Италійскому постелью, и ведро воды, изъ котораго онъ обмывалъ свое тѣло. Въ обществѣ онъ показывался не иначе, какъ въ полной парадной формѣ. Въ тотъ день, когда онъ представлялся императору Францу, дворъ былъ въ полномъ блескѣ. Всѣ улицы и дворцовый дворъ были полны народа. Суворовъ былъ въ мундирѣ австрійскаго генералиссимуса, сверкавшего брильянтами. Послѣ аудіенціи онъ отправился въ церковь св. Михаила, гдѣ преклонилъ колѣна передъ алтаремъ, хотя онъ былъ православный. Онъ не отказался отъ своихъ странностей и отъ своей лаконической рѣчи, которая не всегда гармонировала съ австрійской спѣсью; но довѣріе, которое всѣ питали къ его военнымъ талантамъ и къ его личной храбрости, было причиною, что на эти странности не обращали вниманія. Всѣ были увѣрены, что гдѣ Суворовъ, тамъ и побѣда.

Русская армія, пришедшая въ Австрію до прибытія генералиссимуса, была разставлена на квартирахъ въ окрестностяхъ Вѣны. Я видѣлъ эту армію близъ Шёнбрунна, когда Суворовъ производилъ ей смотръ передъ ея отправленіемъ въ Италію. Онъ послѣдовалъ за арміей, и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, крѣпости и вся страна были очищены отъ непріятеля.

Суворовъ приказалъ отслужить благодарственный молебенъ въ той са-

мой базиликѣ, своды которой оглашались нѣсколько сотъ лѣтъ передъ тѣмъ церковнымъ пѣснопѣніемъ впервые благодаря заботамъ св. Амвросія ¹⁾).

Въ одномъ изъ монастырей въ окрестностяхъ Вѣны я увидѣлъ въ первый разъ французскихъ траппистовъ, направлявшихся къ новому убѣжищу, предложенному имъ великодушнымъ монархомъ всероссійскимъ. Основатель этого монашескаго ордена вѣроятно постигъ неземное существованіе, ибо иначе онъ не могъ бы отказаться отъ живаго слова и обречь себя на вѣчное молчаніе. Слово есть выраженіе жизни духа, ибо жить только для того, чтобы ѣсть, пить, спать и удовлетворять требованія своихъ чувствъ значить жить исключительно животною и даже растительною жизнію! Когда человѣкъ не говоритъ, то онъ думаетъ или предается размышленіямъ, если онъ не идиотъ. Думать значить говорить! Вся разница между мыслию и словомъ заключается въ томъ, что другой человѣкъ не можетъ знать нашихъ мыслей, если онѣ не выражены языкомъ; тотъ, кто предается размышленіямъ, слушаетъ самого себя, свой собственный голосъ. Слово, переданное звукомъ нашего голоса, есть нечто иное, какъ способъ нашего общенія съ другими людьми. Когда человѣкъ привыкнетъ бесѣдовать самъ собою или, что то же, привыкнетъ думать, то онъ не стремится слушать то, что говорятъ другіе, или говорить для того, чтобы они могли его слышать! Вотъ что долженъ былъ испытать и передумать тотъ, кто основалъ орденъ траппистовъ! Можно легко привыкнуть ко всевозможнымъ лишеніямъ, къ самымъ суровымъ правиламъ, но трудно привыкнуть къ безмолвію. Человѣкъ хочетъ говорить или слышать, какъ говорятъ другіе. Почему? Потому что слово и дѣятельность суть синонимы жизни. Отказаться отъ слова и отъ дѣятельности значить умереть физически; поэтому такъ трудно молчать, а еще болѣе трудно жить, соблюдая полное безмолвіе! Я не хочу защищать правила траппистовъ или доказывать ихъ пользу: я хочу только указать, какое необычайное явленіе представляетъ собою постоянное безмолвіе живаго существа, находящагося въ обществѣ себѣ подобныхъ. Можно смѣяться надъ траппистами сколько угодно, но нельзя сказать, чтобы они были идиоты или плуты. Никто не будетъ молчать для того, чтобы обманывать людей, съ которыми онъ избѣгаетъ общенія и даже встрѣчи.

Полезны ли подобныя учрежденія обществу? Да, положительно по-

¹⁾ Святой Амвросій, епископъ, патронъ г. Милана (род. около 340, ум. 397 г.), имѣлъ большія заслуги въ области церковнаго пѣнія, въ качествѣ составителя духовныхъ пѣсень: имъ введенъ такъ называемый Амвросіанскій напѣвъ, за образецъ котораго имъ взяты напѣвы православной церкви; онъ похороненъ подъ алтаремъ Амвросіанской базилики. В. Т.

лезны. Въ натурѣ человѣка есть черты, свойственныя тигру, гіенѣ, шакалу и лисицѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ одаренъ волею, которая не повируется инстинкту. Если бы человѣкъ среди себѣ подобныхъ не встрѣчалъ людей, способныхъ подавить въ себѣ эти свойства, то онъ не повѣрилъ бы даже въ возможность жить иначе, чѣмъ онъ живетъ, и сдѣлался бы, какъ это показываетъ исторія, хуже тигра, гіены, шакала и лисицы! Человѣческіе законы дѣйствуютъ на тѣла. Только примѣры и убѣжденіе могутъ дѣйствовать на совѣсть и на волю. Нельзя сравнивать всѣхъ прочіе монашескіе ордена съ траппистами. Они пользуются еще для сношенія между собою и съ остальнымъ міромъ гибкой человѣческой рѣчью. Траппистъ безмолвствуетъ. Онъ умеръ для міра, и міръ умеръ для него. Не бойтесь, господа говоруны, среди людей никогда не найдется много траппистовъ. Человѣческое общество не пострадаетъ отъ примѣра, который не можетъ быть заразителенъ. Монастырь траппистовъ не сулитъ ни богатствъ, ни удовольствій, ни хорошаго стола, ни удовлетворенія честолюбія.

Монастырь, о которомъ я говорю, состоялъ во время моего путешествія изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей обоого пола, которые сходились только на молитву въ церкви. Они помѣщались отдѣльно и подчинялись аббату Детранжъ, бывшему нѣкогда драгунскимъ офицеромъ. Меня поразило спокойствіе, здоровье и самоотверженіе этихъ безмолвныхъ дѣтей. Я не обратилъ вниманія ни на ихъ растительную пищу, ни на ихъ одежду, сдѣланную изъ грубаго сукна, ни на ихъ повиновеніе. Меня изумило безмолвіе взрослыхъ и дѣтей, среди которыхъ были шаловливыя и веселыя лица, значить, можно жить въ обществѣ, не разговаривая другъ съ другомъ, и не сойти съ ума или не умереть отъ скуки!

Я видѣлъ въ Вѣнѣ же герцога Зюдерманландскаго, вполнѣдствіи Карль XIII, и герцогиню, будущую королеву, его супругу, женщину, одаренную умомъ, привѣтливостью и изящною простотою обращенія; эти качества очаровывали всѣхъ, кого она удостоивала своимъ посѣщеніемъ. Конечно ни я, ни самые тонкіе дипломаты того времени, не могли предугадать, что старый герцогъ займетъ на шведскомъ престолѣ мѣсто молодого короля, и что его смѣнятъ въ свою очередь французскій генераль, посоль Французской республики въ Вѣнѣ. Какъ было бы интересно сопоставить въ одной книгѣ всѣ разочарованія дипломатіи, которая имѣетъ претензію все предвидѣть и все согласовать.

Сколько знаменитостей прошло передъ моими глазами въ этой прекрасной Вѣнѣ, бывшей въ то время единственнымъ центромъ, куда стекались всѣ эти знаменитости. Герцогъ Ангіенскій обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Его не сожалѣли, въ немъ видѣли молодого принца, покинувшаго свою родину, потому что ужасный терроръ и его привер-

женцы заставили это дѣтище Франціи покинуть свое отечество. Не имѣя иной поддержки кромѣ своихъ поправленныхъ правъ, всѣмъ и вездѣ чужой, онъ пользовался однако всеобщимъ сочувствіемъ. Принужденный искать гдѣ-либо убѣжище, онъ не былъ въ безопасности даже вдали отъ родной земли, которую онъ обогрилъ въ послѣдствіи своей чистой, невинной кровью, пролитой во рву Венсенскаго замка. Была ли его насильственная смерть дѣломъ политики или же ненасытною жаждою беззаконія, захотѣвшаго упиться крови законнаго представителя монархіи?

Въ то время когда я жилъ въ Вѣнѣ, въ этомъ городѣ находились многія знаменитости артистическаго міра: Гайдень, Гуммель, Бетховенъ, люди—великаны, голосъ которыхъ звучалъ такъ же громко, какъ голосъ первыхъ пѣвицъ міра, и даже превосходилъ ихъ своею силою и обширностью. Маркези и Кресцентини (Crescentini) плѣняли слухъ людей доступныхъ мелодіи, тому божественному искусству, которое называется музыкою. Угано летала на подмосткахъ, какъ птичка, рѣющая въ воздухѣ; ея грація могла только сравняться съ колыханіемъ розы на стебелькѣ. Словомъ, Вѣна была очаровательнымъ городомъ въ то время, какъ Парижъ, мѣсто котораго она заняла, не представлялъ инаго зрѣлища кромѣ гильотины и страннѣхъ ужимокъ республиканскихъ вакханокъ или грубыхъ «incroyables» (неимоверныхъ), превращавшихъ человѣка въ какую-то отвратительную обезьяну.

Краниологія доктора Галля, которая такъ шумѣла въ послѣдствіи въ Европѣ, не произвела особеннаго впечатлѣнія въ той столицѣ, гдѣ она возникла. Люди шли смотрѣть коллекцію череповъ краниолога, слушали его разясненія, но никто не увлекался его системой, вѣрной или фальшивой, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на ея принципы. Я видѣлъ доктора Галля и его черепа, начиная отъ черепа австрійскаго генерала Вурмзера до черепа мыши, которые красовались въ одномъ шкапу. Если придерживаться принципа, что умъ и душа развиваются сообразно съ развитіемъ черепа, то придется смотрѣть на человѣка съ матеріалистической точки зрѣнія, и тогда надобно будетъ проститься со свободою человѣка или, говоря схоластически, со свободою воли. Если придти къ заключенію, что черепъ образуется соотвѣтственно душѣ, которая одушевляетъ безформенную матерію, то придется увѣровывать въ Предопредѣленіе и признать, что человѣкъ рождается прямо добрымъ или злымъ, умнымъ или глупымъ, добродѣтельнымъ или мошенникомъ, и въ такомъ случаѣ также придется проститься со свободою воли.

Все это ошибочно. Наука нерѣдко заблуждается. Злодѣй, черепъ котораго украшенъ всѣми выпуклостями или шишками, свидѣтельствующими о преступныхъ наклонностяхъ, можетъ сдѣлаться добродѣтельнымъ, если онъ того захочетъ. Воля не подчинена ни выпу-

кlostямъ черепа, ни его углубленіямъ. Краніологія доктора Галля надѣла подобно менуэту: теперь всѣ увлекаются только вальсомъ.

Незадолго до моего отъѣзда, въ Вѣну пріѣхалъ второй сынъ императора Павла I, великій князь Константинъ Павловичъ, отправлявшійся въ армію генералиссимуса Суворова, чтобы познакомиться со стратегіей подъ выстрѣлами непріятеля.

Я остановился на обратномъ пути въ Россію на нѣсколько дней въ Дрезденѣ, гдѣ праздновали въ то время первую побѣду Суворова. Я осмотрѣлъ картинную галерею, собраніе драгоценностей и предметовъ искусства, кабинетъ древностей. Въ Берлинѣ я видѣлъ знаменитаго эксъ-аббата Сіесса и Лукезини, министра иностранныхъ дѣлъ. Эти лица заслуживали не меньшаго вниманія, нежели головки Деннера ¹⁾ въ Дрезденской галлерей! Сіессъ любезничалъ съ дамами, что не составляло для него ни малѣйшаго труда, такъ какъ онъ былъ воплощенная любезность. Послѣ Вѣны, Берлинъ производитъ впечатлѣніе пасмурнаго неба послѣ чудеснаго солнечнаго восхода. Уѣхавъ изъ Берлина курьеромъ, я не помню по пути ничего болѣе интереснаго той превосходной рыбы, которую я ѣлъ въ рыбацкой хижинѣ на берегу Неруны (La Neruna?).

Я пріѣхалъ въ Петербургъ въ половинѣ іюня и тотчасъ представлялся, какъ курьеръ, привезшій депеши вице-канцлеру, графу Кочубею. Графъ Ростопчинъ впалъ въ то время въ немилость и покинулъ столицу.

Императоръ Павелъ все еще былъ занятъ осуществленіемъ своихъ плановъ преобразованія внутренняго управленія имперіи, но по отношенію къ западнымъ державамъ онъ держался прежней политики. Онъ хотѣлъ побороть вліяніе Великобританіи, объявилъ себя ея противникомъ и присоединился къ политикѣ Франціи, которой руководилъ Наполеонъ, сдѣлавшійся первымъ консуломъ.

Занимаясь дѣлами внѣшняго и внутренняго управленія и преобразованіемъ войска, императоръ вздумалъ выстроить дворецъ на подобіе крѣпости, который служилъ бы ему резиденціей во время его пребыванія въ столицѣ и въ которомъ онъ могъ бы укрыться въ случаѣ надобности. Михайловскій замокъ былъ сооруженъ весьма быстро и окруженъ рвами, черезъ которые были перекинуты подъемные мосты. На площади передъ замкомъ Павелъ приказалъ поставить сдѣланную изъ бронзы, ковную статую Петра Великаго съ надписью: «правнукъ—прадѣду»; на фронтонѣ замка была помѣщена огромными буквами надпись, заимствованная изъ псалма XCII стихъ 5: «Дому Твоему, Господи, при-

¹⁾ Деннеръ, знаменитый портретистъ, р. 1635 † 1747 г.

надлежитъ святость на долгіе дни» и т. д., но этотъ стихъ былъ измѣненъ, и надпись, сохранившаяся на дворцѣ до сихъ поръ, гласитъ: «Дому Твоему подобаеъ святѣннѣ Господнѣ въ долготу дней».

Но эта маленькая фальсификація, эти рвы и подъемные мосты не продлили царствованія Павла I, точно такъ же, какъ и заявленіе, сдѣланное на конной статуѣ Петра Великаго о томъ, что онъ его правнукъ! Онъ окончилъ жизнь въ томъ же Михайловскомъ замкѣ.

Петербургъ со временъ Петра I развивался быстрыми шагами, становясь великолѣпнѣйшею столицею Европы; но въ немъ не было древняго собора, подобнаго тому, какой мы видимъ въ Вѣнѣ и Парижѣ; Петропавловскій соборъ (въ крѣпости) нельзя считать собственно городскою церковью. Павелъ вздумалъ построить соборъ Казанской Божіей Матери на мѣстѣ старинной деревянной церкви, которая стояла ближе къ Невскому проспекту, чѣмъ великолѣпный соборъ, начатый и оконченный постройкою его сыномъ Александромъ I. Составить планъ этого собора и построить его по образцу собора св. Петра въ Римѣ было поручено архитектору изъ бывшихъ крѣпостныхъ графа Строганова.

Если возводить зданіе меньшихъ размѣровъ, чѣмъ тотъ образецъ, которому хотѣтъ подражать, то подражаніе рѣдко бываетъ удачно и обыкновенно напоминаетъ оригиналъ только въ ущербъ себѣ.

Отдѣльныя части Казанскаго собора великолѣпны, но въ общемъ онъ далеко не такъ величественъ, какъ долженъ бы быть, судя по затраченной на него весьма значительной суммѣ денегъ.

Въ то время когда Павелъ былъ еще великимъ княземъ, онъ жилъ очень уединенно, былъ хорошимъ мужемъ и хотя говорили о его связи съ дѣвицей Нелидовой, но время показало, что это предположеніе было несправедливо. Дружба императрицы Маріи Ѳеодоровны къ г-жѣ Нелидовой, продолжавшаяся до кончины императрицы, и документы, найденные послѣ смерти Нелидовой, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что ея отношенія къ императору были основаны единственно на взаимномъ уваженіи и дружбѣ.

Надобно быть сверхъ-человѣкомъ, чтобы не увлечься неограниченной властью. Достаточно одного воображенія для того, чтобы поколебать самую твердую волю, а чего не сдѣлаетъ воображеніе, то можетъ быть дополнено льстецами, заинтересованными въ томъ, чтобы имѣть вліяніе на всемогущаго монарха. Приближенные постарались обратить вниманіе Павла I на дѣвицу Лопухину, дочь ярославскаго губернатора. Она понравилась императору, вниманія котораго никто не добивался, пока онъ былъ великимъ княземъ; супружеская вѣрность должна была уступить мѣсто увлеченію, вызванному услужливой преданностью царедворцовъ къ монарху; случайное увлеченіе перешло въ прочное чувство. Менѣе чѣмъ въ три года отецъ Лопухиной получилъ званіе князя

съ титуломъ свѣтлости, быть назначенъ генераль-прокуроромъ и получилъ всевозможные знаки отличія и огромныя помѣстья, а дочь его была выдана замужъ за генераль-адъютанта князя Гагарина.

Семейства Лопухиныхъ и Гагариныхъ были связаны дружбою за долго до смерти Екатерины II. Дружескія отношенія между родителями сближаютъ дѣтей; надъ молодымъ Гагаринымъ постоянно шутили, что онъ влюбленъ въ Лопухину; онъ этого не отрицалъ.

Съ вступленіемъ на престолъ Павла, военная молодежь принялась ретиво за службу, и князь Гагаринъ попыталъ счастья на полѣ битвы въ Италіи подъ командою Суворова. Канцлеръ, князь Безбородко, дружившій съ семействомъ Лопухиныхъ, вздумалъ сблизить императора съ молодой и хорошенькой дѣвицей Лопухиной для того, чтобы доставить вліяніе ея отцу, человѣку хитрому и очень умному. Безбородко не боялся, что Лопухинъ подставитъ ему ногу, напротивъ, онъ рассчитывалъ имѣть въ немъ силу, которая будетъ служить ему поддержкой, и надѣялся, что они будутъ дѣйствовать заодно. Планъ этотъ удался. Лопухина понравилась императору, и Безбородко и Лопухинъ сдѣлались всемогущи! Гагаринъ былъ въ то время въ арміи; онъ имѣлъ еще въ предшествовавшее царствованіе чинъ маіора, сталъ быстро повышаться по службѣ и въ моментъ кончины Павла I былъ генераль-адъютантомъ и имѣлъ Анну I степени.

Бывъ въ отсутствіи изъ Петербурга, я не знаю хорошенько, когда именно совершился его бракъ съ фавориткою. Она получила отъ Павла великолѣпный домъ возлѣ дворца, на набережной, и у ея дверей каждый день стояла карета съ гербомъ великаго магистра того ордена, коего кавалеры проносили обѣтъ цѣломудрія.

Въ ту эпоху было одно довольно могущественное средство, которое можно было пустить въ ходъ всякій разъ, когда желали добиться чего-нибудь; весь вопросъ заключался въ томъ, былъ ли человѣкъ въ состояніи щедро заплатить. Этимъ средствомъ была актриса французской оперы Шевалье. Она была на содержаніи у Кутайсова, который, сдѣлавшись оберъ-егермейстеромъ и Андреевскимъ кавалеромъ, и владея колоссальнымъ состояніемъ, могъ содержать эту театральную знаменитость. Она дѣлала изъ своего любовника, горячаго, какъ климатъ его родины, все, что соотвѣтствовало ея выгодамъ. Какой-то князь Горчаковъ, мимолетное явленіе чудовищной милости, былъ обязанъ этою милостью актрисѣ Шевалье.

Въ то время когда я былъ еще причисленъ къ русскому посольству въ Вѣнѣ, и когда императоръ Павелъ далъ въ Воыни убѣжище арміи Конде, множество личностей, принадлежавшихъ къ этой арміи, находились въ Вѣнѣ и являлись въ канцелярію посольства, чтобы визировать паспорта для въѣзда въ Россію. Князь Горчаковъ, о которомъ я

говорилъ выше, находился при арміи въ качествѣ военнаго комиссара. Онъ выдавалъ паспорта всѣмъ тѣмъ, которые по своимъ личнымъ дѣламъ оставляли армію съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ ней потомъ уже въ Волыни. Эти паспорта надлежало визировать. Каково было мое удивленіе однажды, когда мнѣ былъ предъявленъ первый подобный паспортъ, и я увидѣлъ, что въ заголовкѣ его красовалась царская формула: «Мы, Василій князь Горчаковъ, маіоръ въ свитѣ его императорскаго величества» и т. д. и т. д. Мнѣ было совѣстно, что соотечественникъ, на котораго было возложено столь выдающееся порученіе, выказалъ полное незнаніе общепринятыхъ формальностей; но по приѣздѣ Горчакова въ Вѣну я скорѣ измѣнилъ свой взглядъ. Его тонъ, манеры, всѣ его движенія указывали на то, что выборъ этого человѣка не былъ случайностью. Въ 1800 г. я встрѣтился съ нимъ вторично въ Петербургѣ; онъ былъ уже генераломъ-маіоромъ, имѣлъ Анну I ст., ленту баварскаго ордена, св. Губерта I ст. и множество другихъ орденовъ; пользовался величайшей милостью у императора, былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ кумирами дня, велъ жизнь миллионера, словомъ, былъ на дорогѣ, чтобы сдѣлаться человѣкомъ всесильнымъ. Постъ моего отъѣзда во внутреннія губерніи Имперіи въ 1800 г. онъ занималъ постъ военнаго губернатора въ Ревелѣ. Затѣмъ я потерялъ его изъ вида, но впослѣдствіи слышалъ, что въ царствованіе Александра I онъ попробовалъ поддѣлать чьи-то подписи, былъ обличенъ, бѣжалъ за границу, но былъ пойманъ, судимъ, лишенъ чиновъ и сосланъ въ Сибирь. Я часто видѣлъ и хорошо зналъ этого человѣка, когда онъ былъ въ апогеѣ своего величія. Зная его умъ и тактичность, я никакъ не могъ думать, чтобы онъ рѣшился сдѣлать что-либо подобное. Впрочемъ, ни умъ, ни тактъ не заставляютъ человѣка поступить такъ, какъ повелѣваетъ ему долгъ, если у него не достаточно развита совѣсть и если онъ преслѣдуетъ исключительно свои личные интересы. Если человѣку везетъ слѣпое счастье и благодаря ему онъ выходитъ изъ ничтожества, то счастье прежде всего ослѣпляетъ его, ибо иначе тотъ, кому оно покровительствуетъ, взялъ бы верхъ надъ судьбою, а она этого не допускаетъ. До тѣхъ поръ, пока вертится колесо фортуны, тотъ, кто вертится вмѣстѣ съ нимъ, можетъ сломать себѣ шею.

Упомянувъ о баловнѣ судьбы, который былъ только баловнемъ счастья, я упомяну о другомъ человѣкѣ, который появился въ ту же эпоху, быстро возвысился, едва не сломалъ себѣ шею во время одного изъ случившихся съ нимъ паденій, но снова всталъ на ноги и умеръ 40 лѣтъ спустя сильнѣе и могущественнѣе, чѣмъ онъ былъ до своего паденія—я говорю о Сперанскомъ.

Сынъ сельскаго священника Владимірской губерніи, Сперанскій, подобно всѣмъ своимъ сверстникамъ, дѣтямъ духовнаго званія, былъ

помѣщенъ въ епархіальную семинарію. Необходимо замѣтить, что русское духовенство составляетъ особую касту, имѣющую свои особенныя права, коимъ подобныхъ не имѣетъ никакое другое сословіе. Ни одинъ русскій подданный, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, не можетъ переступить привилегію бѣлаго духовенства—сдѣлаться священникомъ и получить приходъ. Для того, чтобы воспользоваться этимъ правомъ, надобно происходить изъ духовнаго званія. Монашество доступно всякому, но чтобы достигнуть высшихъ ступеней церковной іерархіи, чтобы быть служителемъ церкви, надобно происходить изъ духовенства за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда подобное назначеніе дѣлается по высочайшей волѣ. До царствованія Екатерины въ бѣлое духовенство принимались лица всѣхъ сословій, за исключеніемъ крѣпостныхъ; это именно и поддерживало невѣжество духовенства, ибо какія богословскія познанія могъ имѣть купецъ, мѣщанинъ или дворянинъ, получившій приходъ, не имѣя соотвѣтственныхъ познаній, не изучивъ предварительно исторію церкви и догматовъ нашей вѣры. Какимъ духовнымъ пастыремъ могъ быть человѣкъ, бросающійся послѣ разсѣянной жизни изъ личныхъ видовъ или по недостатку средствъ въ духовное званіе. Еще въ половинѣ XVIII вѣка существовали священники неграмотные и не имѣвшіе инаго понятія о религіи кромѣ навыка совершать требы и таинства, чему ихъ учили послѣ ихъ посвященія въ духовный санъ, точно такъ же, какъ читать богослужебныя книги, которыхъ они не понимали. Семинаріи не были доступны для тѣхъ, кто переходилъ въ духовное званіе въ извѣстныя лѣта по убѣжденію или отъ нечего дѣлать; да и эти семинаріи были только школами латинскаго языка и схоластическаго богословія, единственной цѣлью которыхъ были диспуты. Невѣжество духовенства, пренебреженіе, съ коимъ относились къ нему высшіе классы общества, и распушенность его нравовъ, проистекавшая отъ соприкосновенія съ низшими классами народа, съ которой тщетно боролись въ теченіе двухъ вѣковъ патріархъ Никонъ, св. Дмитрій и нѣкоторые другіе выдающіеся іерархи православной церкви, много способствовали поддержанію въ народѣ религіознаго невѣжества и возникновенію многочисленныхъ сектъ и ересей.

Послѣ Петра Великаго на образованіе духовенства, столь необходимое для благосостоянія государства, было обращено больше вниманія. При Екатеринѣ II тѣ чудовищныя факты, о которыхъ я говорилъ, сдѣлались рѣже. Изъ духовныхъ академій и семинарій духовенство выходило болѣе образованнымъ и болѣе благовоспитаннымъ, и надобно сказать правду, еслибы въ низшихъ и высшихъ духовныхъ училищахъ обращали такое же вниманіе на воспитаніе нравственности, съ какимъ трудятся въ нихъ надъ образованіемъ риторовъ, писателей и

лингвистовъ, то эти училища можно бы и теперь еще считать гораздо полезнѣе и выше свѣтскихъ школъ. Всѣ университетскіе профессора русскаго происхожденія и школьные учителя состоятъ исключительно изъ семинаристовъ; воспитанники семинаріи охотно принимаются и въ наше время казенными стипендіатами въ университеты и въ лѣкарскія и хирургическія школы.

Сперанскій получилъ свое первоначальное образованіе въ Владимірской семинаріи, откуда онъ поступилъ въ Московскую академію ¹⁾. Вслѣдствіе обнаруженныхъ имъ способностей, фамилія, которую онъ носилъ въ семинаріи, была составлена изъ латинскаго слова *S p e s* (надежда), такъ какъ онъ питалъ надежду достигнуть высшихъ чиновъ (?); въ высшихъ духовныхъ училищахъ существуетъ обычай давать воспитаннику фамилію, смотря по обнаруженнымъ имъ способностямъ и качествамъ, вмѣсто того, чтобы называть его именемъ прихода, въ которомъ служить его отецъ. Изъ Московской академіи Сперанскій былъ переведенъ въ Петербургскую ²⁾, гдѣ занялъ профессорскую кеедру. Такъ какъ онъ былъ на пути къ достиженію священническаго и епископскаго сана, то онъ былъ посвященъ въ младшій духовный чинъ, чтобы имѣть право говорить проповѣди.

Къ концу царствованія Павла I онъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ проповѣдниковъ Александро-Невской лавры. Тѣ изъ воспитанниковъ академіи, которые не хотятъ посвятить себя монашескому званію, чтобы сдѣлаться современемъ епископами, женятся по окончаніи курса и получаютъ приходы, смотря по тому, какую они имѣли степень въ академіи. Тѣ же, которые хотятъ выйти изъ духовнаго званія, получаютъ право поступить на гражданскую службу съ чиномъ, соотвѣтствующимъ ихъ академической степени.

Генераль-прокуроръ князь Куракинъ, человѣкъ не особенно набожный, а тѣмъ менѣе богословъ, былъ однажды въ Александро-Невской лаврѣ на проповѣди Сперанскаго, и карьера проповѣдника была сдѣлана. Судьба или простая случайность, счастье или игра случая, но впечатлѣніе, произведенное на генераль-прокурора краснорѣчіемъ Сперанскаго, и правдивость, которою дышала его проповѣдь, вызвали въ немъ желаніе взять Сперанскаго въ воспитатели своего маленькаго сына. Предложенія, сдѣланныя ему въ этомъ смыслѣ Куракинымъ, были приняты. Кеедра потеряла краснорѣчиваго проповѣдника; гражданское вѣдомство приобрѣло даровитаго человѣка, который поднѣлъ сословіе русскихъ судебныхъ писцовъ и достигъ высшихъ чиновъ. Поступивъ на службу къ князю Куракину, Сперанскій получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ Какъ здѣсь, такъ и далѣе біографическія свѣдѣнія о Сперанскомъ во многомъ не вѣрны.

²⁾ Это не вѣрно.

мѣсто въ канцеляріи генераль-прокурора. Дѣнадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ Сперанскій отказался отъ клобука, онъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ, статсъ-секретаремъ и кавалеромъ св. Александра Невскаго. Онъ скончался въ 1839 г. графомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и Андреевскимъ кавалеромъ, оставивъ весьма значительное состояніе своей дочери, которая была замужемъ за самымъ обыкновеннымъ сенаторомъ. Такова игра счастья или случая, если вѣрить въ эти языческія божества!

Сперанскій оставилъ Александро-Невскую лавру, чтобы вступить на поприще, не имѣвшее ничего общаго съ тѣмъ, къ которому онъ готовился, т. е. съ священническимъ саномъ и съ епископскою каедрой; сорокъ лѣтъ спустя его бранные останки были преданы землѣ въ той же лаврѣ, какъ останки одного изъ первѣйшихъ сановниковъ Имперіи. Остается предположить, что либо Сперанскій былъ очень великъ, либо его вѣкъ былъ очень ничтоженъ.

Вступивъ на новое поприще, Сперанскій тотчасъ сбросилъ монашескую одежду, усвоилъ всѣ приемы современнаго ему свѣтскаго человѣка и англійскій покрой платья, такъ какъ онъ лучше всего скрывалъ неловкость его семинарскихъ манеръ. Онъ завелъ себѣ друзей въ бюрократіи, которой онъ явился впослѣдствіи преобразователемъ, женился на англичанкѣ, бывшей гувернанткою въ домѣ Шувалова; три или четыре года спустя онъ былъ уже директоромъ канцеляріи генераль-прокурора. Сестра его жены была замужемъ за сыномъ извѣстнаго виннаго откупщика Злобина, считавшаго свое состояніе милліонами, а между тѣмъ умершаго на соломѣ. Онъ былъ оракуломъ министерства финансовъ и имѣлъ въ своемъ распоряженіи огромныя суммы казенныхъ денегъ, которыя выдавались ему на его финансовыя операціи. Откупщики вездѣ всемогущи. Это маги и волшебники современнаго общества. Одно знакомство съ откупщикомъ уже приноситъ выгоду. Сперанскій не пренебрегалъ этимъ знакомствомъ, онъ отлично понималъ, какъ вести свои дѣла ¹⁾).

Надобно сказать кстати нѣсколько словъ объ откупахъ въ Россіи.

Я не буду говорить о возникновеніи этого бича въ Россіи. Право винокурения и продажи вина, по всей вѣроятности, принадлежало въ Россіи вездѣ, какъ принадлежитъ еще теперь въ Украинѣ, владѣльцамъ имѣнія или двора; такъ какъ всякое произведеніе земли и промышленности должно принадлежать тому, кто владѣетъ имѣніемъ, или хотя бы клочкомъ земли, или можетъ заниматься какимъ-нибудь промысломъ.

Финансовый духъ, который развивается вмѣстѣ съ цивилизаціей

¹⁾ Во всемъ выше сказанномъ есть много неясностей.

и пользуется всёмъ для народнаго блага, сдѣлалъ въ концѣ царствованія Екатерины II винокурёніе одною изъ главныхъ отраслей государственныхъ доходовъ. Въ 1840 г. оно составляло если не треть, то навѣрно четверть доходовъ всей Имперіи и приносило сто милліоновъ рублей дохода. Если предположить, что таможенный и гербовый сборы давали такую же сумму или немного менѣе, мы увидимъ, что эти три предмета составляли главные статьи государственнаго дохода. При Екатеринѣ II винный откупъ не приносилъ и пятой части того, что онъ приноситъ въ настоящее время.

Вино продается въ настоящее время въ пятьдесятъ разъ дороже, чѣмъ оно продавалось пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, однако большая часть народа тратитъ все, что можетъ, на пьянство. Водка, гербовый сборъ и роскошь поглощаютъ всё деньги, которыя пущены въ обращеніе произведеніями земли и промышленности. Эта игра, выгодная для казны, принесла также не мало выгодъ откупщикамъ. За послѣднія 50 лѣтъ, люди самаго низкаго происхожденія сдѣлались милліонерами, и многіе изъ ихъ потомковъ обладаютъ огромнымъ богатствомъ. Одинъ откупщикъ, Рюминъ, сдѣлавшійся изъ кабацкаго сидѣльца менѣе нежели въ 30 лѣтъ дворяниномъ и землевладѣльцемъ, оставилъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ болѣе 12 тысячъ душъ крестьянъ, великолѣпныя помѣстья и огромные капиталы. Благодаря откупамъ, болѣе сорока семействъ вышли за послѣднія сорокъ лѣтъ изъ грязи и ничтожества, разбогатѣли и приобрѣли права дворянства. Никогда торговля не можетъ такъ обогатить того, кто ею занимается, какъ откупъ.

Винокурёніе составляетъ главный доходъ помѣщиковъ; въ Россіи курятъ вино вездѣ, гдѣ только есть лѣсъ, рожь и рабочія руки. Винокурёніе или перегонка водки изъ ржи приноситъ Россіи такой же доходъ, если не болѣе, какъ винодѣліе Франціи.

Сперанскій, какъ сила, появился на жизненномъ поприщѣ только въ первые годы царствованія императора Александра. Я буду говорить объ немъ въ свое время.

Разрывъ Павла I съ Англіей и его сближеніе съ Наполеономъ измѣнили положеніе дѣлъ въ ущербъ легитимизму. Людовикъ XVIII, Конде и трапписты должны были покинуть владѣнія монарха, предложившаго имъ съ такимъ безкорыстіемъ и великодушіемъ убѣжище въ Россіи. Политика, власть и такъ называемые государственные интересы составляютъ такое чудовищное обаяніе, которое подавляетъ всякое чувство справедливости, чести и прямодушія. Какія преступленія не совершались во имя дипломатической необходимости, благосостоянія государствъ и ихъ безопасности. Я убѣжденъ, что всё эти преступленія предопредѣлены Провидѣніемъ, которое одно имѣетъ власть превратить зло въ добро; тѣмъ не

менѣе люди, являющіеся орудіемъ Провидѣнія, не должны бы, по крайней мѣрѣ, хвалиться своимъ великимъ умомъ, справедливостью и человѣколюбіемъ. Палачъ можетъ быть не злымъ, но дѣло, которое онъ совершаетъ, остается все-таки безчеловѣчнымъ. Передъ судомъ человѣческой совѣсти или даже здраваго смысла, политика всѣхъ временъ никогда не сѣмѣетъ оправдать тѣ злодѣянія, которыя она себѣ позволяетъ и которыя составляютъ основаніе ея мудрыхъ соображеній. Она всегда жертвуетъ всѣмъ, чтобы выиграть что-нибудь. Сокровеннымъ желаніемъ новаго гротмейстера Мальтійскаго ордена было обладаніе Мальтою. Стремленіе перваго консула унижить Англію согласовалось съ враждебными замыслами по отношенію къ этой державѣ Павла I. Англіи втайнѣ готовились нанести ударъ. Но на свѣтѣ нѣтъ той тайны, которая не сдѣлалась бы со временемъ явной. Къ тому же поведеніе императора было слишкомъ откровенно, чтобы сентъ-джемскій кабинетъ оставался въ бездѣйствіи, видя, что были затронуты самые существенные его интересы.

Мысль, что Мальтою владѣютъ англичане, раздражала императора, который не упускалъ ничего изъ того, что могло поддержать существованіе ордена, гротмейстеромъ котораго объявилъ себя. Онъ основалъ въ Россіи командорства, побуждалъ высшее дворянство основывать таковыя въ своихъ семействахъ; создавалъ командоровъ и кавалеровъ и раздавалъ орденъ св. Іоанна въ воздаяніе за гражданскія и военные заслуги. Капитулъ ордена былъ составленъ на основаніи старинныхъ правилъ; въ помѣщеніи Мальтійскаго ордена была сосредоточена вся его администрація; тамъ же находилась великолѣпная католическая церковь для кавалеровъ нѣмецкихъ, французскихъ и италіанскихъ ложъ; церковь была построена по рисункамъ архитектора Гваренги и въ 1800 г. въ обширномъ дворѣ Мальтійскаго дома, находившагося противъ гостинаго двора, была торжественно отпразднована церемонія «сожженія костровъ».

Церемонія эта происходила 24-го іюня, день, въ который празднуется память св. Іоанна Крестителя, покровителя ордена. Павелъ, какъ глава православной церкви, не счелъ удобнымъ лично присутствовать при торжествѣ католическаго ордена; за отсутствіемъ гротмейстера церемоніей руководилъ старшина ордена (*grand baillis*).

Шествіе спустилось съ парадной лѣсницы дома во дворъ, гдѣ было сложено девять костровъ; девять главныхъ должностныхъ лицъ шли съ факелами въ рукахъ, въ своихъ широкихъ плащахъ изъ чернаго бархата, имѣя на лѣвомъ плечѣ орденскій знакъ «страсти Христовы»; за ними слѣдовало множество командоровъ и кавалеровъ въ темныхъ камзолахъ и плащахъ, съ шляпами, украшенными страусовыми перьями на головѣ. Шествіе обошло три раза костры и они были зажжены; послѣ чего процессія вернулась въ залу капитула. Стеченіе народа было огромное. Новизна зрѣлища привлекла большую толпу народа. Всѣ задавали себѣ во-

прось, что означаетъ это торжество, и въ теченіе нѣсколькихъ дней въ салонахъ и среди народа ходили тысячи самыхъ нелѣпыхъ и смѣшанныхъ толковъ и предположеній. Императоръ былъ въ это время въ Гатчинѣ, своей любимой лѣтней резиденціи.

Императоръ, какъ гротмейстеръ ордена, назначилъ конференцъ-секретаря академіи художествъ Лабзина исторіографомъ ордена. Онъ приказалъ напечатать эту исторію въ шести томахъ и сохранилъ свое званіе до послѣднихъ дней существованія Мальтійскаго ордена въ Россіи. Такъ какъ императоръ Александръ отказался отъ званія гротмейстера, то при восшествіи своемъ на престолъ орденъ и его капитулъ исчезли изъ Петербурга и изъ Россіи какъ дымъ, какъ исчезаетъ все то, что не имѣетъ подъ собою почвы.

Лѣто 1801 года, послѣднее въ царствованіе Павла I, ознаменовалось смертію генералиссимуса двухъ имперій—Суворова, совершившаго въ Швейцаріи и въ Италіи чудеса храбрости, которыя не принесли никакой пользы кромѣ того, что доставили ему титулъ князя Италійскаго. Такъ оканчиваются всѣ человѣческія предпріятія, если они не согласуются съ тайными пѣлями Провидѣнія. Господь говоритъ морю: ты дойдешь до сихъ поръ и не пойдешь далѣе, и море повинуетъ его велѣнію: оно выходитъ изъ береговъ, затопляетъ пѣлыя страны, разрушая и уничтожая все на своемъ пути, и останавливается передъ полевымъ цвѣткомъ, который ребенокъ срываетъ дѣтскою рукою для своей забавы.

Гиганту-Суворову не суждено было помѣряться силами съ новымъ гигантомъ, рожденнымъ на островѣ Средиземнаго моря. Онъ еще не возвращался изъ Египта для того, чтобы поборотъ французскую революцію и сдѣлаться императоромъ французовъ и половины Европы.

Возвратившись въ Петербургъ, Суворовъ не получилъ опредѣленнаго назначенія и помѣстился въ домѣ своей племянницы, графини Хвостовой, рожденной княжны Горчаковой, оба брата которой отличились въ Италіанской кампаніи. Преклонный лѣтами, истомленный 50-тью годами, проведенными въ лагеряхъ и битвахъ, Суворовъ отдалъ, какъ всѣ смертные, дань природѣ: онъ угасъ. Его бранные останки были выставлены на парадномъ катафалкѣ, окруженные всѣми орденами, которыми его монархъ и монархи всей Европы думали вознаградить за заслуги; катафалкъ, на которомъ покоилось его тѣло, былъ окруженъ множествомъ военныхъ. У подъѣзда его дома стояла на часахъ рота лейбгвардіи Преображенскаго полка, мундиръ котораго онъ носилъ. Онъ былъ погребенъ, съ отданіемъ обычныхъ воинскихъ почестей, въ Александро-Невской лаврѣ. Всѣ гвардейскіе полки были выстроены шпалерами отъ дома Хвостова, который находился на Крюковомъ каналѣ, близъ Никольскаго собора, до воротъ Лавры. Въ Благовѣщенской церкви

Александров-Невскаго монастыря и теперь еще виденъ мѣдный гербъ, окруженный лаврами и воинскими доспѣхами, со слѣдующей скромной надписью: «Здѣсь погребенъ Суворовъ, скончавшійся въ 1801 г.». По этому поводу можно сказать: *Sic transit gloria mundi*. Если бы великіе міра сего чаще думали объ этомъ масонскомъ изреченіи, то они избавились бы отъ многихъ укоровъ совѣсти.

Нельзя утверждать, что Павелъ дѣйствительно имѣлъ вмѣстѣ съ первымъ консуломъ Французской республики намѣреніе напасть на англійскія владѣнія въ Индіи, но этого нельзя также и отрицать; между тѣмъ нѣкоторые лица, до конца оставшіяся вѣрными Павлу, считаютъ это обстоятельство главною причиною его преждевременной кончины; иные же приписываютъ его смерть исключительно всеобщему озлобленію, вызванному его безпощадной строгостью. Исторіи надлежитъ поднять эту двойную завѣсу и пролить на это обстоятельство истинный свѣтъ. Я ограничусь передачею подробностей, предшествовавшихъ кончинѣ императора Павла, предоставляя читателю свободу остановиться на одномъ изъ этихъ двухъ мнѣній.

Правда, что императоръ нисколько не умѣрялъ своей строгости касательно военной службы, требуя во всѣхъ отношеніяхъ самой точной исполнительности, точно такъ же, какъ онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго снисхожденія гражданскимъ властямъ, когда онѣ дѣйствовали противозаконно или несогласно съ его волею; однако нельзя приписывать ему всѣ несправедливости, которыя дѣлались его именемъ. Самодержавный монархъ, онъ оказывалъ безграничное довѣріе тому, кого онъ считалъ достойнымъ этого довѣрія, на комъ останавливалъ свой выборъ и кого облакалъ неограниченной властью. Это довѣріе породило множество злоупотребленій, но вообще народъ не терпѣлъ притѣсненій; даже солдаты, которые всегда жалуются на самое легкое подчиненіе, не тяготились суровыми требованіями службы, такъ какъ они получали все, что имъ полагалось, и могли дослужиться до самыхъ высшихъ чиновъ, несмотря на свое низкое, плебейское происхожденіе. Торговля была возвышена дарованными ей новыми правами, слѣдовательно, только одни дворяне могли быть недовольны тѣмъ, что императоръ не обращалъ вниманія на ихъ права, оскорбляя ихъ проявленіемъ своей самодержавной власти, но что могло сдѣлать дворянство Имперіи, состоявшее на треть изъ старинныхъ дворянъ, владѣвшихъ недвижимыми имуществами и на двѣ-трети изъ пришлаго элемента, вступившаго въ ряды дворянства со временъ Петра Великаго и число коихъ значительно увеличено самимъ Павломъ I; многіе изъ нихъ не имѣли на пяди земли. Слѣдовательно, всеобщаго неудовольствія, которое могло бы породить заговоръ, не существовало. Онъ могъ возникнуть только за границей или быть дѣломъ партіи недовольныхъ, коихъ поддерживали деньгами

изъ-за границы. Это было наиболѣе распространенное мнѣніе въ то время, когда въ обѣихъ столицахъ разнеслась вѣсть о кончинѣ Павла I.

Будучи назначенъ состоять при моемъ отцѣ, владимірскомъ губернаторѣ, я уѣхалъ изъ Петербурга въ 1800 г.

Конецъ 1800 г. не ознаменовался никакимъ особеннымъ событіемъ, кромѣ возвращенія въ Петербургъ князя и его брата графа Зубовыхъ. Графъ былъ назначенъ въ это время директоромъ кадетскаго корпуса. Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ императора Павла, фаворитъ князь Зубовъ и его братъ, графъ Валеріанъ, были сосланы въ свои помѣстья Владимірской губерніи и отданы подъ непосредственный надзоръ моего отца. Они не имѣли права выѣзжать изъ своихъ деревень; уѣздный полицейскій надзиратель долженъ былъ зорко слѣдить за ихъ поступками и замѣчать, сколько времени оставались въ ихъ домѣ тѣ лица, которыя ихъ посѣщали. Ихъ неожиданное возвращеніе въ Петербургъ страшно взволновало моего отца, человека, всею душою преданнаго императору, который удостоивалъ его особаго довѣрія. Отецъ мой тотчасъ подумалъ, что противъ Павла былъ составленъ заговоръ.

Вскорѣ пронесся слухъ о немилости, постигшей графовъ Ростопчина и Аракчеева. Они оба были преданы императору и могли раскрыть всякій замыселъ, направленный противъ его личной безопасности. Они были неподкупны. Для того, чтобы достигнуть цѣли, надобно было устранить ихъ съ дороги. Императоръ хотя и былъ убѣжденъ въ ихъ преданности, но поддался внушенію, которое называютъ обыкновенно судьбою. Они лишились милости и не имѣли болѣе никакихъ сношеній съ императоромъ.

Графъ Паленъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Онъ стоялъ во главѣ заговора. Какъ человеку хитрому и ловкому, ему не трудно было втереться въ довѣріе къ Павлу, который, къ несчастію, былъ слишкомъ довѣрчивъ. Его бывший «Тристанъ-отшельникъ», оберъ-егермейстеръ графъ Кутайсовъ, при всей проницательности, свойственной армянамъ, не видѣлъ далѣе своего носа. Человѣкъ тщеславный и сладострастный, онъ проводилъ обыкновенно время у своей любовницы, актрисы Шевалье, или на конюшнѣ, со своими великолѣпными лошадьми. Онъ не только ничего не зналъ и ничего не предвидѣлъ, но даже пренебрегъ предостереженіемъ, полученнымъ имъ отъ неизвѣстнаго лица, который называлъ ему имена заговорщиковъ. Отправляясь къ Шевалье, Кутайсовъ положилъ эту бумагу въ карманъ и вспомнилъ о ней только въ тотъ моментъ, когда его арестовали. Говорятъ, будто императоръ, услыхавъ наканунѣ о существованіи заговора, задалъ по этому поводу вопросъ Палену, который отвѣчалъ, не смущаясь, что ему это извѣстно, и что онъ дѣлаетъ видъ, будто онъ самъ принимаетъ участіе въ заговорѣ, для того, чтобы узнать имена

заговорщиковъ и раскрыть ихъ тайные замыслы. Павелъ повѣрилъ этому и вечеромъ, передъ своею кончиною, былъ въ салонѣ императрицы любезнѣе, чѣмъ когда-либо....

Павелъ вступилъ на престолъ послѣ 34-хъ лѣтняго царствованія его матери, которая не только устраняла его все время отъ дѣлъ, но даже хотѣла лишить законныхъ его правъ. Какъ покорный сынъ, онъ не возвышалъ голоса. Онъ терпѣлъ всевозможныя непріятности и униженія, не жалуясь. Онъ зналъ, что на его счетъ распространяли неблагопріятныя слухи тѣ фавориты его матери, которые сами расхищали доходы государства, злоупотребляли властью, продавали правосудіе, допускали всевозможныя злоупотребленія, чтобы создать себѣ приверженцевъ. Вступивъ на престолъ, онъ хотѣлъ искоренить эти злоупотребленія. Онъ былъ строгъ, но справедливъ, требователенъ, но всегда шедръ и великодушенъ....

VI.

Вступленіе на престолъ императора Александра I.—Рожденіе его, юность и воспитаніе.— Великій князь Константинъ Павловичъ.— Воспитатели ихъ: графъ Н. И. Салтыковъ и Лагарпъ.—Первые дни царствованія.—Образованіе министерствъ.—Сперанскій и Новосильцевъ.—Отношеніе Россіи къ Франціи.—Л. Магницкій и его дѣятельность.—Ссылка Сперанскаго и Магницкаго.

Манифестъ, возвѣщавшій о кончинѣ Павла и о вступленіи на престолъ Александра, есть единственный достовѣрный документъ, на основаніи котораго можно предполагать, что новый императоръ хотѣлъ дать народу залогъ своихъ конституціонныхъ намѣреній. Въ манифестѣ говорилось, что императоръ «будетъ управлять Богомъ врученнымъ ему народомъ по законамъ и по сердцу своей бабки».

Не было надобности принуждать императора Александра дать странѣ конституцію. Это была его излюбленная мечта. Обстоятельства удержали его отъ этого. Трудно идти противъ теченія. Я докажу это впоследствии.

Со смертью Павла окончился вѣкъ Петра Великаго; съ воцареніемъ Александра началась новая эра. Вѣкъ, въ который мы живемъ, и будущій вѣкъ будутъ называться «вѣкомъ Александра». Совершившееся возрожденіе страны не имѣетъ ничего общаго съ прошлымъ. Она идетъ къ своей цѣли; вѣтъ возможности остановить ее. Для этого надобно было бы обладать сверхъестественною силою.

Екатерину упрекали въ томъ, что она умышленно не заботилась о своемъ сынѣ для того, чтобы сдѣлать свое царствованіе на вѣки достопамятнымъ. Какъ женщину умную, ее трудно обвинять въ столь пустомъ желаніи. Еслибы у нея явилась подобная мысль, то она должна была предвидѣть, что ея сынъ, будучи человѣкомъ неспособнымъ, не долго могъ остаться на престолѣ; она могла также предвидѣть, чѣмъ будетъ внукъ, царствованіе котораго превзошло блескомъ ея собственное. Между тѣмъ она особенно заботилась о воспитаніи этого внука, которому, какъ говорятъ, хотѣла оставить престолъ, обойдя его отца. Не объявивъ его своимъ наслѣдникомъ при жизни, она должна была знать, что его отецъ будетъ царствовать послѣ нея; намѣреніе лишить Павла престола не было приведено въ исполненіе, вѣроятно, потому, что монархи такъ же точно, какъ простые смертные, не любятъ думать о своей кончинѣ; къ тому же Екатерина надѣялась вѣроятно прожить дольше. Намѣреніе, которое ей приписываютъ, не могло быть основано на серьезномъ соображеніи, такъ какъ она старалась дать своему внуку возможно лучшее, по ея мнѣнію, воспитаніе. Допустивъ, что онъ долженъ былъ вступить на престолъ вскорѣ послѣ нея, она не могла надѣяться жить вѣчно въ памяти своего народа и Европы, давая Александру либеральное воспитаніе, которое, по ея убѣжденію, могло сдѣлать его хорошимъ монархомъ. Накакая человѣческая сила не можетъ вліять на будущее! Думали ли Мирабо, Лафайетъ, Дантонъ, Робеспьеръ, что они работали для Наполеона! Знали ли они это?

Трудно сказать, какими соображеніями руководствовалась Екатерина, воспитывая своего внука, въ которомъ она видѣла своего преемника, въ принципахъ, діаметрально противоположныхъ свойствамъ народа, коимъ онъ былъ призванъ править неограниченно, ибо Александръ доказалъ въ теченіе своего долготѣннаго царствованія, что онъ не былъ намѣренъ держать страну въ варварствѣ и царствовать такъ, какъ его предшественникъ Іоаннъ Грозный.

Александръ I, императоръ всероссійскій, сынъ Павла I и принцессы Маріи Виртембергской, родился 12-го декабря 1777 г. Его рожденіе праздновалось при дворѣ съ необычайною радостію. Екатерина видѣла въ немъ осуществленіе самыхъ заветныхъ своихъ надеждъ. Вся Россія, — думала она, — должна была успокоиться на счетъ своей дальнѣйшей судьбы. Поэтъ Державинъ воспѣлъ рожденіе порфиророднаго младенца.

Годъ спустя, великая княгиня Марія разрѣшилась отъ бремени вторымъ сыномъ, Константиномъ.

Престолонаслѣдіе было, повидимому, упрочено. Екатерина, какъ глава императорскаго дома, взяла на себя заботы о воспитаніи обоихъ внуковъ. Рожденіе этихъ двухъ дѣтей ни въ чемъ не измѣнило положеніе ихъ отца, наслѣдника цесаревича; оно сдѣлалось, пожалуй, еще

двусмысленнѣе, такъ какъ его мать имѣла въ лицѣ этихъ дѣтей предлогъ держать его въ неизвѣстности относительно его собственной судьбы, ибо въ Россіи не существовало никакого основнаго закона, опредѣлявшаго порядокъ престолонаслѣдія.

Она имѣла нѣкоторое право сказать: «я царствую потому, что не-совершеннолѣтіе моего внука не позволяетъ мнѣ еще гласно объявить объ отстраненіи отъ престола моего сына по неспособности его царствовать». Сильная и многочисленная партія приверженцевъ Екатерины поддерживала это мнѣніе и распространяла въ обѣихъ столицахъ и по всей Имперіи самые не лестные отзывы о Павлѣ.

Когда юные великіе князья достигли семи и восьми-лѣтняго возраста, они были отданы подъ непосредственный надзоръ графа Николая Салтыкова. Лагарпъ былъ призванъ руководить ихъ нравственнымъ воспитаніемъ и образованіемъ; обоими воспитателями руководила непосредственно сама Екатерина. Она сочинила на плохомъ русскомъ языкѣ или велѣла перевести съ французскаго инструкцію для Салтыкова, предписывавшую ему, какъ вести себя относительно его царственныхъ питомцевъ. Это было собраніе совѣтовъ и указаній, касающихся ихъ физическаго и нравственнаго воспитанія, основанныхъ на ходячей философіи того времени и на принципахъ современнаго ей естествознанія.

Лагарпъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы говорить здѣсь о его философскихъ взглядахъ. Нельзя было сдѣлать худшаго выбора, отдавъ будущаго монарха Россіи въ руки такихъ людей, какими были Салтыковъ и Лагарпъ. Первый, хитрый и ловкій царедворецъ, человекъ слабаго характера, пресмыкавшійся передъ послѣднимъ корыстолюбивымъ и скупымъ фаворитомъ, не былъ въ состояніи воспитать характеръ будущаго царя.

Второй—либераль на-подобіе французскихъ философовъ, снисходительный, низкопоклонный, старавшійся угодить неограниченной монархинѣ, довѣрившей ему воспитаніе своего будущаго наслѣдника, не могъ имѣть инаго желанія, какъ только не уронить себя въ ея мнѣніи.

Екатерина ловко сдумѣла высказать свои виды на Востокъ, научивъ великихъ князей греческому языку и окруживъ младшаго товарищами греками. Въ обществѣ говорили, что великая монархиня предназначала своего внука Константиномъ въ императоры Греціи. Многіе думали, что Екатерина могла уже располагать Константинополемъ потому только, что она назвала своего внука Константиномъ!

Воспитаніе великихъ князей не могло быть удачнымъ. Отдаленные отъ отца, они никогда не слыхали о немъ при большомъ дворѣ.

Когда ихъ возили въ Гатчину, то тамъ никогда не упоминали при нихъ о большомъ дворѣ. Все, что они видѣли въ Гатчинѣ, было діаме-

трально противоположно образу жизни въ Зимнемъ дворцѣ и въ Царскомъ Селѣ.

Императрица отдаляла ихъ отъ всего военнаго и заставляла носить французское платье. Когда они достигли юношескаго возраста и пріѣзжали въ Гатчину или Павловскъ, отецъ заставлялъ ихъ надѣвать военный мундиръ и пріучалъ ихъ владѣть оружіемъ. Все запретное всегда нравится. Это вѣчный законъ, руководящій самолюбіемъ. Въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ на великихъ князей смотрѣли какъ на царственныхъ дѣтей; въ Гатчинѣ и Павловскѣ съ ними обходились какъ съ великими князьями, но по-военному. Ружье, мундиръ и барабанъ отрываютъ часто отъ игръ даже дѣтей и когда они могутъ подражать солдату или офицеру, то они охотно дѣлаютъ это. Юные великіе князья быстро пристрастились ко всему военному и сохранили эту любовь на всю жизнь. Можно было бы представить не мало доказательствъ того, что великіе князья должны были неизбѣжно пристраститься къ военному; на это могло повліять хотя бы одно сознаніе, что императрица, какъ женщина, не могла любить военное, или что съ ними обходятся не такъ, какъ должно, тогда какъ отецъ пріучаетъ ихъ къ правиламъ военной жизни, которыя онъ самъ свято соблюдалъ.

До вступленія на престолъ Павла I его старшіе сыновья не имѣли ни военнаго чина и не несли никакихъ военныхъ обязанностей.

Когда имъ минуло 18-ть лѣтъ, императрица позаботилась объ ихъ женитьбѣ. Старшій, Александръ, женился на принцессѣ Баденъ-Дурлахской, получившей въ православіи имя Елисаветы Алексѣевны; годъ спустя Константинъ Павловичъ обвѣнчался съ принцессой Саксенъ-Кобургской, извѣстной подъ именемъ Анны Ѳеодоровны.

Александръ было всего двадцать два года, когда онъ принялъ бразды правленія. Онъ былъ окруженъ врагами своего отца и тѣми лицами, которыя возложили вѣнецъ на его голову. Надобно было обладать большою опытностію, чтобы принять какое-нибудь опредѣленное рѣшеніе. Ему пришлось со многими помириться, чтобы дѣйствовать по своему собственному убѣжденію. Надобно было выждать время. Для того чтобы выказать блестящимъ образомъ свою власть и свою независимость отъ какой-либо партіи, надобно было завоевать прежде всего довѣріе общества. Не имѣя еще всѣхъ этихъ данныхъ, онъ долженъ былъ ко многому быть нѣмъ и глухъ и быть ласковымъ съ окружающими. Онъ пощадилъ враговъ своего отца и показывалъ до коронаціи такой либерализмъ, который вызвалъ неодобреніе всѣхъ лицъ, которыя хорошо знали народъ, съ коимъ новому императору приходилось имѣть дѣло; но этотъ либерализмъ ободрилъ враговъ Павла и ихъ единомышленниковъ, успокоивъ ихъ вполне на счетъ ихъ дальнѣйшей судьбы.

Чтобы снискать любовь арміи, Александръ ослабилъ немного суро-

выя требованія военной службы; онъ оказалъ вниманіе жалкимъ остаткамъ вельможъ временъ своей бабки и обласкалъ ихъ, чтобы усыпить; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выказывалъ въ мелочахъ либерализмъ, льстившій тщеславію всѣхъ ничтожностей, которыя видѣли въ этомъ либерализмѣ лишь должную дань ихъ уму и достоинствамъ.

Въ началѣ царствованія Павла I, Александръ былъ назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, вскорѣ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. Константинъ командовалъ только Измайловскимъ полкомъ. Въ награду за свои военныя дѣйствія въ Италіи онъ получилъ званіе цесаревича, хотя этотъ титулъ принадлежалъ по праву только наслѣднику престола.

Александръ имѣлъ отъ жены только двухъ дочерей, умершихъ въ дѣтствѣ. Его младшіе братья, Николай и Михаилъ, были еще дѣтьми и находились подъ непосредственнымъ присмотромъ своей матери, вдовствующей императрицы.

До коронаціи всѣ нововведенія ограничивались тѣмъ, что всѣмъ классамъ общества была предоставлена большая свобода, которая переходила иногда въ распушенность.

Вступивъ на престолъ, Александръ хотѣлъ чѣмъ-либо заявить о себѣ. Права и привилегіи дворянства и городовъ были возстановлены; манифестомъ (2-го апрѣля 1801 г.) было объявлено объ упраздненіи тайной экспедиціи. Въ первый же годъ царствованія Александра былъ заложенъ соборъ Казанской Божіей Матери; этотъ годъ ознаменовался также добровольнымъ присоединеніемъ къ Россіи Грузіи. На слѣдующій годъ были сдѣланы первые шаги къ конституціоннымъ порядкамъ. Было учреждено восемь министерствъ и этимъ измѣнена существовавшая до тѣхъ поръ коллегіальная форма управленія, во главѣ которой стоялъ генераль-прокуроръ, подчинявшійся только одному монарху и контролировавшій всѣ остальные части администраціи.

При неограниченномъ монархическомъ образѣ правленія не существуетъ общественнаго права, которое основывается на свободѣ прессы, несмѣняемости должностныхъ лицъ, гласности и отвѣтственности министровъ.

Обычное право существуетъ, разумѣется, и въ странахъ съ самымъ неограниченнымъ образомъ правленія, но оно примѣняется только къ преступленіямъ, къ наказаніямъ и къ тяжбамъ, возникающимъ между частными лицами; это не есть политическое право. Поэтому въ такихъ странахъ самой естественной является коллегіальная форма правленія. Министръ есть безапелляціонный хозяинъ въ своемъ министерствѣ, его совѣтники или директоры не суть равныя ему лица, но его подчиненные, участь которыхъ всецѣло зависитъ отъ министра; а онъ, въ свою очередь, не боится никакой отвѣтственности кромѣ немилости своего

монарха и является только исполнителемъ его воли. Пренія коллегіи, во главѣ которыхъ стоялъ президентъ и нѣсколько членовъ, были юридическими или административными учрежденіями, рѣшенія которыхъ можно было обжаловать генераль-прокурору. Министерства суть не что иное, какъ большія канцеляріи, подчиненныя непосредственно министру; когда русскій министръ говоритъ о своемъ министерствѣ, то онъ говоритъ о самомъ себѣ. Будучи единственнымъ докладчикомъ у монарха, онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ выразителемъ его воли и не подлежитъ никакой отвѣтственности, никакому контролю, не можетъ встрѣтить никакой оппозиціи. То же самое можно сказать о всѣхъ его подчиненныхъ. Они только исполняютъ его предписанія или его волю. Поэтому во всѣхъ неконституціонныхъ государствахъ отсутствуютъ главнѣйшіе элементы конституціоннаго образа правленія:—свобода прессы, гласность и отвѣтственность министровъ; имя министра является вмѣсто другого имени, но это не измѣняетъ дѣла по существу. Все равно какъ если бы мы назвали Диванъ въ Турціи государственнымъ совѣтомъ, визиря—предсѣдателемъ совѣта, пашей—министрами. Дѣло не въ названіи. Безъ свободы слова и безъ личной свободы конституціонная форма правленія приноситъ болѣе вреда, нежели пользы. Я распространяюсь о характерѣ конституціонныхъ правъ и учреждений не для того, чтобы восхвалять представительный образъ правленія, но для того, чтобы доказать, что они не могутъ быть допущены въ чисто монархическомъ государствѣ. Республиканскія права и республиканскій образъ правленія прилчествуютъ только республикѣ. Наполеонъ хотѣлъ сочетать французскую республику со своей неограниченной властью, погубилъ и республику и свою власть. Если бы король великобританскій захотѣлъ имѣть такую же неограниченную власть, какъ Наполеонъ, то англійская конституція тотчасъ перестала бы существовать. Двѣ противоположныя натуры могутъ произвести на свѣтъ только чудовище. Конституціи не даются и не берутся силою; онѣ должны созрѣть и появиться на свѣтъ своевременно.

Учрежденіе Александромъ министерствъ взволновало администрацію страны, привыкшую въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ видѣть въ лицѣ своихъ царей второе Провидѣніе. Создавъ министерства, надобно было найти цѣлый рой образованныхъ людей, чтобы замѣнить чиновниковъ стараго закала. Самое главное министерство въ ту эпоху было министерство внутреннихъ дѣлъ. Старый дипломатъ графъ Кочубей былъ переименованъ изъ вице-канцлера въ министры; молодой графъ Строгановъ, присутствовавшій при разрушеніи Бастиліи, былъ назначенъ его товарищемъ, а Сперанскій—директоромъ министерства(?) Въ числѣ вновь учрежденныхъ министерствъ, въ Россіи впервые появилось министерство народнаго просвѣщенія. Менѣе чѣмъ въ 5 лѣтъ

были преобразованы университеты Дерптскій, Виленскій и Московскій, основаны университеты въ Казани и Харьковѣ, Педагогическій институтъ и Медико-хирургическая академія въ Петербургѣ и Лицей въ Царскомъ Селѣ.

Позднѣ Государственный Совѣтъ и министерства были вновь преобразованы; всѣ эти перемѣны совершились въ первыя десять лѣтъ царствованія Александра I; недоставало только конституціи съ двумя палатами по примѣру государствъ съ представительной формой правленія.

Я уже предупреждалъ моихъ читателей, что я не буду говорить въ этихъ запискахъ о войнахъ, конгрессахъ и другихъ дипломатическихъ сдѣлкахъ, такъ какъ обо всемъ этомъ много разъ писали авторы, труды которыхъ извѣстны всему читающему міру; поэтому я ограничусь здѣсь разсказомъ того, что касается непосредственно Россіи съ времени вступленія на престолъ императора Александра до его смерти.

Эта эпоха богатая событіями; ея началась новая эра русской исторіи; заслуживающая по справедливости названія «вѣка Александра». Все, что произошло съ тѣхъ поръ и что произойдетъ въ будущемъ, есть только естественное послѣдствіе толчка, даннаго этимъ императоромъ.

Первою заботою Александра было возстановить миръ съ Европой. Войны, которыя онъ велъ съ Наполеономъ, не могли облегчить ему это дѣло. Аустерлицъ и прусскій походъ парализовали его планы въ этомъ отношеніи, Тильзитскій миръ и свиданіе русскаго монарха съ императоромъ французомъ совершенно измѣнили положеніе дѣлъ въ Европѣ и въ Россіи. Двѣ необъятныя силы стали дѣйствовать заодно. Пруссія обязана своимъ спасеніемъ только заботливости о ней Александра. Континентальная система упрочилась къ великому ущербу Англіи; тѣсное сближеніе Александра съ Наполеономъ пробудило снова опасеніе о французскомъ вторженіи въ Англію и занятіи русскими войсками англійскихъ владѣній въ Индіи. Эти два событія положили основаніе колоссальному могуществу, опирающемуся на Францію и Россію, и тогда двумъ императорамъ было бы легко потрясти не только Европу, но и весь земной шаръ. Но судьбы человѣческой политики не суть судьбы Провидѣнія. 1812, 1813, 1814 и 1815 годы доказали это какъ нельзя лучше. Я перечислилъ почти все сдѣланное императоромъ Александромъ для преобразованія страны съ тѣхъ поръ, какъ, воспріявъ въ свои руки власть, онъ могъ открыто высказать свои намѣренія и осуществить ихъ. Время, протекшее со вступленія его на престолъ до 1810, 11 и 12 годовъ, будетъ на вѣки достопамятнымъ, какъ эпоха созданія настоящаго положенія Россійской имперіи въ половинѣ XIX вѣка. Россія подвинулась на цѣлое столѣтіе къ политическому возрожденію, которое можетъ совершиться только въ концѣ XIX или въ началѣ XX вѣка.

Учрежденіе министерствъ и введеніе конституціонныхъ порядковъ

въ русскую администрацію перевернули верхъ дномъ всѣ правовыя отношенія, всю юрисдикцію. Самодержавіе царя сочеталось съ властью Государственнаго Совѣта.

Трудно сказать, имѣлъ ли императоръ Александръ серьезное намѣреніе отказаться отъ своихъ неограниченныхъ правъ и дать странѣ конституцію. Либеральныя идеи, привитыя ему Лагарпомъ, могли, разумѣется укорениться въ немъ: французская революція въ свою очередь могла поддержать ихъ.

Петръ Великій какъ нельзя лучше придумалъ и составилъ планъ преобразованія страны. Онъ подражалъ солнцу, которое освѣщаетъ, оживляетъ и согреваетъ земной шаръ не изнутри или изъ центра земли, а съ недосыгаемой высоты, на огромномъ разстояніи отъ нашей планеты. Это былъ расчетъ вполне естественный и неоспоримый. Окруженный дикими, невѣжественными и суевѣрными элементами, которыхъ онъ хотѣлъ просвѣтить, Петръ подвергался въ Москвѣ всевозможнымъ опасностямъ; этотъ центральный пунктъ Имперіи былъ слишкомъ отдаленъ отъ периферіи. Если бы императорская резиденція находилась въ 1812 г. въ Москвѣ, то пришлось бы заключить постыдный миръ или бѣжать внутрь страны, чтобы избѣгнуть этого.

Москва, занятая непріателемъ, не парализовала силу, дѣйствовавшую за 700 верстъ отъ нея; всѣ остальные пункты Имперіи находились подъ вліяніемъ этой силы; занятіе непріателемъ нѣкоторыхъ пунктовъ русской территоріи не препятствовало этой силѣ дѣйствовать на всѣ остальные.

Петръ I, какъ единственный настоящій основатель Россійской имперіи, понималъ, какъ я уже сказалъ выше, нравственный законъ, который я старался пояснить на основаніи закона физики, и его планъ вполне удался. Находясь среди болотъ Ингрии у входа въ Балтійское море, онъ царствовалъ властно надъ государствомъ до отдаленнѣйшихъ нѣдръ Сибири.

Хотѣлъ ли Александръ дѣйствительно дать конституцію или только хотѣлъ выказать это намѣреніе, сказать трудно; ему нечего было опасаться. Если бы попытка удалась, то онъ могъ бы пойти на этомъ пути далѣе; если нѣтъ, если бы она вызвала смятеніе, то, находясь внѣ центра дѣйствія, онъ всегда могъ потушить разгорѣвшееся пламя.

Правда, въ описываемое мною время Россія еще не созрѣла для конституціи, такъ же точно, какъ она не подготовлена къ ней и въ настоящій моментъ. Со временъ Іоанна Грознаго русскіе монархи всегда стремились парализовать въ своей странѣ двѣ силы: свѣтскую, сосредоточенную во власти бояръ, и духовную, находившуюся во власти духовенства, какъ такъ эти двѣ силы имѣли непосредственное вліяніе на народъ. Слѣдовательно, Александру можно было опасаться только реак-

ціи со стороны дворянства; русское духовенство составляющее отдѣльное сословіе, не можетъ никогда слить своихъ интересовъ съ интересами дворянства, а тѣмъ болѣе народа, который держитъ себя очень далеко отъ своихъ духовныхъ пастырей. Слѣдовательно, конституція была бы невыгодна только для одного сословія, составляющаго самую меньшую часть народа, которой насчитываютъ не болѣе 25 тысячъ. на 52 милліона жителей Россіи.

Здѣсь выступаетъ на сцену Сперанскій, послѣ Александра самый видный дѣятель. Сдѣлавшись директоромъ(?) министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ съумѣлъ, съ его познаніями и способностями, свискать полное довѣріе своего министра Кочубея, несвѣдущаго въ дѣлахъ администраціи, и сдѣлаться вскорѣ лично извѣстнымъ императору. Обладая пріятной, симпатичной наружностью, онъ обладалъ удивительнымъ умѣніемъ писать императору представляемыя записки и проекты совершенно инымъ слогомъ отъ того, который былъ принятъ до него; отлично говорилъ по-французски и по-англійски, имѣлъ основательныя познанія по исторіи и юриспруденціи. Онъ былъ мастеръ своего дѣла и зналъ наизусть Блэкстона и Монтескье. Какъ человѣкъ весьма ловкій и тактичный, онъ приобрѣлъ вскорѣ огромное вліяніе на дѣла. Безъ него министерская система пришла бы скоро въ упадокъ. Новые министры не были въ состояніи оправдать ожиданій императора и осуществить его намѣреній; ихъ помощники только и бредили о *habeas corpus*. Правосудіе находилось въ рукахъ князя Лопухина и его помощника, Новосильцова, человѣка свѣтскаго, который, чтобы придать себѣ цѣну въ глазахъ общества, дѣлалъ видъ, что онъ обладаетъ глубокими свѣдѣніями въ юриспруденціи. Онъ завѣдывалъ дѣлами коммисіи по пересмотру законовъ, но къ счастью для этой коммисіи одинъ ученый лифляндецъ, Розенкампфъ, основательно изучившій право, собралъ въ послѣдствіи множество матеріаловъ, послужившихъ для составленія свода законовъ, изданнаго въ царствованіе императора Николая. Министерствомъ финансовъ управлялъ графъ Васильевъ, старый рутинеръ. Министерство народнаго просвѣщенія было въ рукахъ графа Завадовскаго, бывшаго фаворита Екатерины, добродушнаго малоросса, любившаго поѣсть и поиграть въ карты.

Таковъ былъ одновременно и составъ комитета министровъ и Государственнаго Совѣта, коего Сперанскій былъ назначенъ въ послѣдствіи статсъ-секретаремъ. Министры военный и морской дополняли составъ министровъ.

Въ каждой странѣ не любятъ новыхъ порядковъ, нарушающихъ прежній порядокъ вещей. Въ началѣ у насъ роптали на нововведенія, потомъ стали насмѣхаться надъ ними. Сперанскій сдѣлался ненавистнымъ дворянству и былъ идоломъ разночинцевъ. Онъ хорошо зналъ, какъ

дѣйствовать. Вскорѣ дворянство было оскорблено указомъ, воспрещавшимъ производство въ чинъ ассесора или въ 8-й классъ, дающій права потомственного дворянства, тѣхъ чиновъ гражданскаго вѣдомства, кои не имѣли университетскихъ аттестатовъ. Этотъ указъ значительно тормозилъ карьеру дворянъ, служившихъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, и давалъ возможность быстро повыситься лицамъ духовнаго званія и разночинцамъ, окончившимъ курсъ въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ или семинаріяхъ. Это и была цѣль, которую преслѣдовалъ Сперанскій; онъ этимъ приобрѣлъ многочисленныхъ сторонниковъ среди духовенства и среднего сословія. Онъ наполнилъ министерства людьми знающими, учеными или имѣвшими ярлыкъ учености, и окружилъ себя сотоварищами или людьми, коимъ онъ покровительствовалъ. Безъ него ничего нельзя было добиться. Власть бывшаго генераль-прокурора была распредѣлена между министрами; двигателемъ всей этой машины былъ Сперанскій, находившійся въ непосредственномъ сношеніи съ императоромъ.

Въ то время какъ всѣ эти преобразованія совершались въ Россіи, европейская политика не смѣла сдѣлать шага безъ созволенія Наполеона.

Исчезали царства, новые цари возсѣли на престолы Вестфалии, Неаполя, Испаніи. Италія сдѣлалась французской провинціей такъ же, какъ древняя Римская имперія сдѣлалась авангардомъ Франціи. Пруссія была парализована такъ же, какъ Австрія. Папа забывалъ свой санъ въ присутствіи римскаго губернатора Міоллиса. Между Александромъ и Наполеономъ продолжала существовать дружба; континентальная система медленно подтачивала Англію.

Дюрокъ, Савари, Лористонъ, Коленкуръ, одинъ за другимъ бывшіе послами Наполеона при Петербургскомъ дворѣ, были желанными гостями въ первѣйшихъ салонахъ столицы; о французской революціи, о Бурбонахъ, о легитимизмѣ болѣе не говорили, и хотя величіе Наполеона подавляло даже величіе могущественнаго русскаго монарха, но союзъ съ нимъ успокаивалъ самые робкіе умы и придавалъ имъ твердую увѣренность, что Россіи не угрожаетъ нашествіе враговъ, а тѣмъ болѣе раздробленіе.

Наполеонъ, пользуясь своимъ временнымъ могуществомъ, не терялъ драгоценнаго времени и, руководствуясь человѣческими соображеніями, рѣшилъ, что союзъ болѣе тѣсный, нежели политическій договоръ, могъ бы упрочить за нимъ его новый престолъ. Онъ открылъ Александру свои брачныя виды и, разведясь съ Жозефиной, просилъ руки сестры императора Екатерины. Быть можетъ, это предложеніе не встрѣтило бы отказа со стороны Александра, но оно вызвало цѣлую бурю со стороны его матери, вдовствующей императрицы. Предложеніе было отвергнуто, и

нѣкоторое время спустя сестра императора вышла замужъ за герцога Ольденбургскаго, который поселился въ Россіи. Таково было положеніе вещей; французское вліяніе на петербургскій кабинетъ не уменьшалось. Французскій посланникъ и консулы какъ бы говорили русскимъ: «благодарите Бога за то, что Наполеонъ вамъ покровительствуетъ, иначе ваша варварская страна превратилась бы въ оазисъ».

Между тѣмъ Сперанскій поддерживалъ въ императорѣ мысль о необходимости даровать странѣ излюбленную имъ конституцію. Дѣло зашло такъ далеко, что въ теченіе 1811 года въ Государственномъ Совѣтѣ разрабатывался уже планъ реформы, говорили о хартіи, о палатахъ и обо всѣхъ подробностяхъ, какія влечетъ за собою конституція ¹⁾. Сперанскій былъ всеиленъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ сдѣлалъ своего друга Магницкаго однимъ изъ секретарей Государственнаго Совѣта. Магницкій, котораго я близко зналъ и который занялъ мое мѣсто въ Вѣнѣ въ 1799 году, былъ человѣкомъ вполне подходящимъ для разработки такого проекта, который обсуждался въ то время въ Совѣтѣ. Краснорѣчивый, хитрый, онъ зналъ, что преимущества всегда на сторонѣ современной философіи и что тотъ, кто не воспользуется ею, потеряетъ, можетъ быть на всегда, выгодный случай. Но онъ забылъ, что тѣ, которые начинаютъ переворотъ, никогда не оканчиваютъ его. Они или трудятся для другихъ, для тѣхъ, которые появятся послѣ нихъ, или платятся сами, если ихъ планъ не удастся. Такъ и случилось. Магницкій помогалъ Сперанскому со всѣмъ усердіемъ рѣшительнаго человѣка, видящаго, что передъ нимъ открывается широкій путь. Ихъ связь была дружеская, короткая; она казалась даже искреннею Сперанскому такъ же точно, какъ поведеніе его друга относительно его казалось ему чистосердечнымъ и безкорыстнымъ.

Новый приказный слогъ былъ введенъ въ высшія административныя учрежденія. Всѣ министерскіе чиновники гордились своими учеными степенями. Старинный порядокъ вещей называли во всеуслышаніе варварскимъ. Либерализмъ вошелъ въ моду. Сбросивъ съ себя рясу, Сперанскій совершалъ передъ обѣдомъ прогулку верхомъ, въ сюртукѣ англійскаго покроя; люди, которымъ онъ покровительствовалъ, держали себя надменно, вызывая этимъ смѣхъ и вооружая противъ себя всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе быть съ ними въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Словомъ, самый недалъновидный человѣкъ понималъ, что вскорѣ наступятъ новые порядки, которые перевернутъ верхъ дномъ весь существующій строй. Объ этомъ уже говорили открыто, не зная еще, въ чемъ именно состоитъ угрожающая опасность. Богатые помѣщики, имѣвшіе крѣпостныхъ, теряли голову при мысли, что конституція уничтожитъ

¹⁾ Все это не точно.

крѣпостное право и что дворянство должно будетъ уступить шагъ впередъ плебеямъ. Недовольство высшаго сословія было всеобщее.

Послѣ замужества сестры императора съ герцогомъ Ольденбургскимъ, этотъ послѣдній былъ назначенъ ярославскимъ, тверскимъ и новгородскимъ генералъ-губернаторомъ; въ то же время онъ былъ назначенъ главноуправляющимъ путями сообщеній. Для его постоянного мѣстопребыванія былъ избранъ городъ Тверь, гдѣ воздвигли великолѣпный дворецъ для помѣщенія сестры императора.

Таково было положеніе вещей въ то время, когда Наполеонъ вторгнулся на территорію герцогства Ольденбургскаго. Это былъ, какъ увидимъ далѣе, сигналъ нашествія, которое онъ предполагалъ сдѣлать на Россію, чтобы положить конецъ независимости этой имперіи и подчинить ее своей власти, которой подчинялась почти вся Европа. Онъ думалъ, судя по отчетамъ своихъ посланниковъ и прочихъ агентовъ, что Россія только и ждала его появленія, чтобы стать на его сторону, и что не слѣдуетъ откладывать намѣренія нанести рѣшительный ударъ существованію этой страны, которая мѣшала его планамъ безапелляціоннаго владычества надъ Европою.

Оккупация Ольденбургской территоріи вызвала жалобы и пререканія, которыя только еще сильнѣе раздражили Наполеона. Ожидали разрыва; но не допускали даже мысли о возможности вторженія Наполеона на русскую землю.

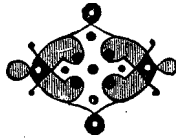
Въ это время въ Петербургѣ былъ составленъ обширный заговоръ съ цѣлью помѣшати осуществленію проекта императора Александра дать Россіи конституцію и погубить Сперанскаго, какъ главнаго двигателя, работавшаго надъ осуществленіемъ этого проекта.

Во главѣ этого заговора стояла вдовствующая императрица, со своей дочерью, герцогиней Ольденбургской. Второстепенными участниками заговора были: графъ Армфельдъ, графъ Ростопчинъ, жившій въ отставкѣ въ Москвѣ, и Балашовъ, министръ полиціи въ Петербургѣ. Общій планъ заговора и мѣры, коими рассчитывали достигнуть цѣли, хранились въ глубочайшей тайнѣ. Ростопчинъ часто ѣздилъ въ Тверь къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, которая поддерживала его всѣмъ своимъ вліяніемъ, какое давала ей нѣжная привязанность, которую императоръ питалъ къ своей сестрѣ. Не только было рѣшено погубить во что бы то ни стало Сперанскаго, но также и сломить шею Магницкому, коего считали самымъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ. Магницкій съумѣлъ между тѣмъ дотога овладѣть довѣріемъ Александра, что кромѣ занимаемаго имъ мѣста въ Государственномъ Совѣтѣ ему было поручено самимъ императоромъ составить для руководства положеніе «О Большой дѣйствующей арміи». Этотъ трудъ былъ составленъ съ большою поспѣшностью и оконченъ въ началѣ 1812 года.

Сперанскій и Магницкій при всей своей хитрости не предвидѣли угрожавшей имъ опасности. Однажды утромъ, когда они менѣе всего этого ожидали, министръ полиціи Балашовъ явился, чтобы арестовать ихъ и отправить подъ конвоемъ полицейскихъ офицеровъ — Сперанскаго въ Нижній Новгородъ, а Магницкаго въ Симбирскъ, гдѣ они были отданы подъ надзоръ мѣстныхъ губернаторовъ.

Перев. В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Изъ записокъ Д. П. Рунича.

VII ¹).

Вторженіе Наполеона въ предѣлы Россіи.—Сперанскій и графъ Ростопчинъ.—Князь Н. И. Салтыковъ.—Г-жа Сталь.—Почтъ-директоръ Ключаревъ.—Москва передъ вступленіемъ непріятеля.—Казнь Верещагина.—Пожаръ Москвы.—Художникъ Тончи.—Сперанскій въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Москва послѣ отступленія непріятеля.—Священный союзъ трехъ императоровъ.

Наполеонъ приближался къ русской границѣ съ несмѣтной арміей. Въ Польшѣ и въ Литвѣ онъ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями, и вскорѣ обѣ эти страны были объаты возстаніемъ. Русская армія отступала. При переходѣ черезъ Нѣманъ, Наполеонъ издалъ прокламацію, въ которой, обращаясь къ солдатамъ, говорилъ со своей обычной самоувѣренностью, что «Россія увлечена рокомъ!»

Въ это время я пріѣзжалъ по семейнымъ дѣламъ въ Петербургъ. Всѣ извѣстія, доходившія изъ арміи, сообщали объ ея отступленіи въ глубь страны. Обѣ арміи, коими командовали Барклай-де-Толли и князь Багратіонъ, были отрѣзаны и не имѣли возможности соединиться. Никто не могъ объяснить себѣ подобнаго образа дѣйствій, и всѣ споры на этотъ счетъ оканчивались припѣвомъ, что Сперанскій продалъ свою родину Бонапарту.

Императоръ Александръ не выказывалъ опасенія по поводу того,

¹) См. «Русскую Старину» февраль 1901 г.

что его имперіей завладѣетъ Наполеонъ, и ободрялъ народный духъ, но онъ былъ весьма озабоченъ. Его мучили происходившія козни противъ Сперанскаго, который—онъ это зналъ—былъ невиненъ. Его заставили силою согласиться на эту жертву; онъ счелъ нужнымъ уступить необходимости. Та же интрига, которая была пушена въ ходъ, чтобы погубить Сперанскаго, выдвинула на сцену Ростопчина. Онъ былъ переименованъ изъ отставнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника въ генерала-отъ-инфантеріи, назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ и облеченъ такою же властью, какую имѣлъ главнокомандующій большой дѣйствующей арміи.

Приблизительно около этого времени Тормасовъ, командовавшій корпусомъ въ Литвѣ, одержалъ надъ французами побѣду близъ г. Кобрина въ Гродненской губерніи, и спустя нѣкоторое время императоръ получилъ извѣстіе, что арміи Барклая и Баграціона соединились близъ Смоленска. Въ своемъ донесеніи императору Барклай говорилъ, что «армія занимаетъ надежную позицію».

7-го или 8-го августа въ Москвѣ узнали о взятіи Смоленска.

Я, какъ уже сказалъ, находился въ это время въ Петербургѣ. Состоя по женѣ въ близкомъ родствѣ съ фельдмаршаломъ Салтыковымъ, председателемъ Государственнаго Совѣта, я узналъ отъ него содержаніе донесенія Барклая, которое государь привезъ ему лично, и замѣтилъ по этому поводу, что соединеніе двухъ армій не представляетъ еще ничего утѣшительнаго и что даже вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще признакъ окончательной гибели Россіи, если только императоръ не рѣшится заключить миръ для того, чтобы спасти древнюю столицу въ ущербъ національной чести. Тогда старый фельдмаршалъ, котораго мое замѣчаніе какъ будто наэлектризовало, увѣрилъ меня, что не только занятіе Москвы, но даже вторженіе непріятеля въ Петербургъ никогда не заставятъ императора заключить миръ съ Наполеономъ. Въ послѣдствіи Александръ подтвердилъ это своимъ манифестомъ, въ которомъ онъ объявилъ, что не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока на русской землѣ останется хотя одинъ французъ.

До взятія Смоленска Александръ ѣздилъ въ Москву, гдѣ онъ былъ встрѣченъ восторженно. Дворянство и купечество предложили ему громадныя средства, чтобы вести самую безпощадную войну съ непріателемъ, осквернившимъ русскую землю своимъ святотатственнымъ вторженіемъ.

Окончивъ свои дѣла, я возвратился въ Москву на свой постъ помощника московскаго почтъ-директора. На полупути я встрѣтилъ на одной станціи г-жу де-Сталь, которая возвращалась изъ Москвы въ Петербургъ въ сопровожденіи Шлегеля; особый курьеръ былъ назначенъ сопровождать ее. Она именовалась супругой французскаго посланника

при шведскомъ дворѣ. Любопытствуя видѣть эту знаменитую женщину, я воспользовался званіемъ помощника почтъ-директора и явился къ ней подъ предлогомъ освѣдомленія, не имѣетъ ли она какихъ-либо жалобъ на непріятности или задержки въ пути. Она приняла меня съ тою французскою любезностью, которая придавала еще болѣе прелести ея выдающемуся уму и знанію свѣта. Послѣ первыхъ привѣтствій она обратилась ко мнѣ съ обычнымъ въ то время вопросомъ: что знаютъ о Наполеонѣ и гдѣ онъ находится? и когда я отвѣтилъ, что трудно опредѣлить, гдѣ онъ, что онъ вездѣ и нигдѣ, г-жа Сталь сказала:

— Ахъ, милостивый государь, донинѣ онъ вполне доказалъ справедливость перваго; императору Александру выпало на долю доказать второе.

Она сказала мнѣ, какъ русскому, такимъ образомъ, пріятный комплиментъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ея слова оказались пророческими.

Я пріѣхалъ въ Москву 5-го августа 1812 г. Городъ былъ взволнованъ. Я скорѣе узналъ, что Ростопчинъ уже началъ кровавую трагедію, что онъ задумалъ подкопаться подъ директора почты въ Москвѣ, Ключарева, котораго онъ рѣшилъ погубить. Живя со времени своей отставки въ Москвѣ, Ростопчинъ часто ѣздилъ въ Тверь и не скрывалъ своего взгляда на счетъ настоящаго положенія дѣлъ. Злой и язвительный, онъ постоянно направлялъ свои насмѣшки на Наполеона, его маршаловъ и министровъ и на Сперанскаго. Узнавъ, что Ключаревъ позволялъ себѣ высказывать объ немъ неслестное мнѣніе, онъ воспыалъ къ нему непримиримую враждою вслѣдствіе уязвленнаго самолюбія и подозрѣнія, что тайна его переписки была нарушена и что его частыя поѣздки въ Тверь были истолкованы Ключаревымъ въ своихъ письмахъ къ петербургскимъ знакомымъ съ очень подозрительной точки зрѣнія. Зная немилость, постигшую Сперанскаго, и то обстоятельство, что онъ не могъ болѣе покровительствовать Ключареву, съ которымъ онъ былъ очень хорошъ, Ростопчинъ, сдѣлавшись главнокомандующимъ Москвы, старался удалить почтъ-директора чрезъ посредство фельдмаршала Салтыкова, въ надеждѣ, что послѣдній, желая посадить меня на мѣсто Ключарева, поддержитъ его просьбу передъ государемъ. Фельдмаршалъ говорилъ со мною объ этомъ, показавъ предварительно письмо Ростопчина императору, но Александръ зналъ Ключарева съ слишкомъ хорошей стороны и отказалъ смѣнить его, говоря, что «теперь не время дѣлать подобныя перемѣщенія». Стараясь навлечь подозрѣніе на Ключарева, Ростопчинъ употребилъ для этого преданнаго ему человѣка и личнаго врага Ключарева—Брокера, служившаго прежде въ почтовомъ вѣдомствѣ и потомъ назначеннаго московскимъ полицеймейстеромъ. Въ Москвѣ былъ арестованъ молодой человѣкъ, купеческій сынъ, по фамиліи Верещагинъ, обвиненный въ распространеніи переведенныхъ на русскій языкъ про-

кламацій Наполеона, изданныхъ имъ при переправѣ черезъ Нѣманъ; Верещагину вѣрно было говорить, что онъ получилъ ихъ отъ одного изъ сыновей Ключарева въ нумерѣ газеты, запрещенной цензурой.

Началось слѣдствіе, клонившееся къ тому, чтобы обвинить Ключарева отца. Верещагинъ былъ осужденъ и посаженъ въ тюрьму.

7-го августа былъ схваченъ одинъ почтовый чиновникъ и препровожденъ въ Петербургъ по подозрѣнію, что онъ распространяетъ посредствомъ писемъ страхъ и безнадежность внутри Имперіи. Это великое открытіе было сдѣлано также патріотомъ Брокеромъ. Въ дѣйствительности же онъ подкупилъ одного бѣднаго служащаго и убѣдилъ его украсть письмо вышеупомянутаго чиновника. Къ несчастью, онъ былъ плохой диалектикъ и еще болѣе плохой литераторъ; въ его письмѣ была слѣдующая ничего незначащая фраза: «Наполеонъ можетъ быть побить, но не можетъ быть побѣжденъ».

Послѣ извѣстія о взятіи Смоленска, Ростопчинъ не могъ долѣе сдерживать своей злобы; онъ отправился 10-го августа около полуночи въ почтамтъ, арестовалъ директора и отправилъ его въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ внутри Имперіи. Директоръ былъ тайный совѣтникъ и имѣлъ Владиміра и Анну 1 ст. Не прошло и двухъ недѣль съ тѣхъ поръ, какъ императоръ наотрѣзъ отказалъ уволить его и во время посѣщенія Москвы оказывалъ ему особое благоволеніе. Такова бываетъ въ смутное время судьба самаго преданнаго слуги государя, когда клевета поклялась погубить его.

Московскій главнокомандующій извѣстилъ меня объ отсутствіи директора тотчасъ по его отъѣздѣ, поручивъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ исполненіе его обязанностей и приказавъ написать о случившемся донесеніе министру. Верещагинъ, обвиненный въ государственной измѣнѣ, былъ заключенъ въ острогъ, гдѣ содержатся важные преступники.

Поведеніе Ростопчина въ тотъ короткій промежутокъ времени, который протекъ съ его назначенія главнокомандующимъ до сдачи Москвы, въ полномъ смыслѣ слова непонятно. Нельзя объяснить мотивы, побуждавшіе его совершать тѣ жестокости, которыя, при всемъ ихъ произволѣ, говорили бы въ его пользу, если бы онъ могли отвратить по крайней мѣрѣ хоть тѣнь опасности, угрожавшей Москвѣ, ибо Москва, хотя и не составляла всей Имперіи, но безъ сомнѣнія дѣйствовала своимъ примѣромъ на всю страну.

Тотчасъ послѣ назначенія и по пріѣздѣ въ Москву, Ростопчинъ сталъ разыгрывать изъ себя «друга народа»; онъ высказывалъ увѣренность, что Наполеонъ не осмѣлится двинуться на Москву, но эта увѣренность успокоивала только простой народъ. Полиція распространяла каждое утро по городу бюллетени, печатаемые по его приказанію и написанные площаднымъ языкомъ, въ которыхъ говорилось то о слабости фран-

цузскихъ солдатъ, которые такъ же легки, какъ снопы, которые русскій свободно поднимаетъ простой вилою, то писалось, что жители могутъ спокойно оставаться у своихъ очаговъ, что трусы хорошо сдѣлаютъ, если удалятся, то говорилось, что готовится громадный воздушный шаръ, въ лодку котораго будутъ посажены вооруженные люди, чтобы бросать съ высоты разрушительный огонь во французскіе легіоны; что прежде Ростопчинъ смотрѣлъ однимъ глазомъ, а теперь онъ будетъ смотрѣть въ оба. Занимая, съ одной стороны, этими глупыми шутками праздношатающихся, онъ вселялъ, съ другой стороны, ужасъ, проявляя свою власть такими жестокими мѣрами, которыя заставляли всѣхъ трепетать. Напримѣръ, по донесенію одного мальчишки, онъ приказалъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, наказать кнутомъ своего повара-француза и сослать его въ Сибирь, но поваръ умеръ подъ кнутомъ.

За нѣсколько дней до Бородинскаго сраженія Ростопчинъ приказалъ полиціи собрать всѣхъ французовъ, жившихъ въ Москвѣ, купцовъ, модистокъ и другихъ, какъ мужчинъ, такъ женщинъ и дѣтей, на пристани, отъ которой отправлялись большія баржи, ходившія по Окѣ и Волгѣ, велѣлъ посадить ихъ всѣхъ на одно большое судно и самъ лично отправился на берегъ, откуда произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь, сочиненную имъ въ подражаніе наполеоновскимъ прокламаціямъ къ арміи. Между прочими громкими фразами онъ сказалъ слѣдующее:

— Французы! васъ увлекаетъ злой рокъ! ваша безопасность будетъ завистъ отъ васъ самихъ, отъ вашего спокойствія и отъ того, какъ спокойно вы будете себя держать; но знайте, что малѣйшее упрямство превратить эту мирную ладью въ барку Харона!

Всѣ эти французы были отвезены въ Казань; ихъ имущество сдѣлалось добычею французскихъ солдатъ и русскихъ, послѣ ихъ возвращенія въ Москву, когда непріятель оставилъ городъ.

Послѣ кровопролитнаго сраженія, происшедшаго 26-го августа въ 30 верстахъ отъ Москвы, все это пространство было наполнено множествомъ гелѣгъ, на коихъ перевозили въ Москву раненыхъ русскихъ и иностранцевъ. Ростопчинъ приказалъ временно помѣстить плѣнныхъ, до ихъ отсылки во внутреннія губерніи, на Воробьевыхъ горахъ, находившихся въ четырехъ или пяти верстахъ отъ города. Вторая половина августа была холодная и дождливая; плѣнныхъ кормили только чернымъ хлѣбомъ и водою, вслѣдствіе чего между ними свирѣпствовала сильный кровавый поносъ, отъ котораго весьма многіе умерли. Жители Москвы толпами выходили на встрѣчу раненымъ, приносили имъ бѣлый хлѣбъ и деньги, не дѣлая различія между русскими и плѣнными.

Среди этого хаоса, среди этихъ различныхъ сценъ, Ростопчинъ, преслѣдуя съ большимъ хладнокровіемъ тотъ планъ, который былъ имъ составленъ, или, быть можетъ, указанъ ему, просилъ московскаго архіепис-

скопа служить молебны и совершать крестные ходы. Онъ поддерживалъ среди всѣхъ слоевъ общества убѣжденіе, что Москва будетъ сдана непріятелю, только послѣ большой битвы подъ стѣнами города.

1-го сентября всѣ еще говорили о томъ, что на слѣдующій день будетъ дано сраженіе. Но никто не подумалъ, что подъ Москвою не было такого поля, на которомъ могло бы произойти рѣшительное сраженіе между двумя арміями численностью въ 500.000 человѣкъ и болѣе двухъ тысячъ орудій, и что если битва при Бородино не могла рѣшить участи войны, то столь несмѣтному количеству войска и подавно нельзя было помѣриться силами подъ самыми стѣнами столицы.

Признаюсь, я самъ, увлеченный мелочнымъ страхомъ за свою личную безопасность, занятый разными распоряженіями для спасенія кассъ почтовыхъ конторъ, въ которыхъ хранились громадныя суммы денегъ, принадлежавшія какъ частнымъ лицамъ, такъ и казнѣ, и принятіемъ различныхъ мѣръ на тотъ случай, если оккупация Москвы французскими войсками прервала бы сообщеніе прочихъ губерній съ Петербургомъ, я самъ, говорю, повѣрилъ одну минуту въ возможность дать еще одну битву и остановить Наполеона. Въ два часа ночи, отдавъ всѣ приказанія, которыя могли облегчить быстрый отъѣздъ, я бросился одѣтый на диванъ, чтобы краткимъ сномъ поддержать мои ослабѣвшія силы. Не успѣлъ я сомкнуть глазъ, какъ мой братъ, бывший начальникомъ канцеляріи московскаго главнокомандующаго, явился ко мнѣ и предупредилъ меня, чтобы я не ожидалъ болѣе официальнаго увѣдомленія о сдачѣ Москвы, что Ростопчинъ потерялъ голову, когда фельдмаршалъ князь Кутузовъ объявилъ ему, что Москву нельзя спасти, и что, захвативъ предупредить меня о томъ, онъ самъ тотчасъ покидаетъ городъ, увозя изъ канцеляріи все то, чего нельзя оставить въ рукахъ непріятеля; братъ сказалъ, что русская армія проходитъ черезъ городъ вслѣдствіе того, что заключено перемиріе, что полиція съ пожарнымъ обозомъ удаляется изъ столицы, а Ростопчинъ отправляется къ фельдмаршалу.

Я тотчасъ приказалъ готовиться къ отъѣзду. Кромѣ старыхъ ненужныхъ бумагъ всѣ деньги и счетныя книги были захвачены. Къ двѣнадцати часамъ дня я уже проѣхалъ Ярославскую заставу и былъ на большой дорогѣ, но такъ какъ путь былъ прегражденъ арміей послѣ ея ухода изъ столицы, то я не могъ, согласно распоряженію, данному мнѣ генералъ-губернаторомъ еще въ половинѣ августа, направиться на Владиміръ, гдѣ находились архивы и бумаги разныхъ присутственныхъ мѣстъ, перевезенныя изъ Москвы, и куда предполагали перевести и самыя присутственныя мѣста. Въ то время какъ я былъ занятъ приготовленіями къ отъѣзду, я узналъ объ убійствѣ несчастнаго молодого купца Верещагина.

Вотъ убійство, которое невозможно объяснить, не очерняя памяти

Ростопчина. Онъ выслалъ всѣхъ арестантовъ изъ московскаго острога и помѣстилъ ихъ въ мѣстахъ недоступныхъ непріятелю; почему же онъ оставилъ въ Москвѣ одного Верещагина? Онъ вѣдь хорошо зналъ, что эта несчастная жертва была ни въ чемъ неповинна. Убивая Верещагина, онъ погружалъ во мракъ неизвѣстности все это дѣло и клеймилъ навсегда отца и сына Ключаревыхъ подозрѣніемъ, которое оправдывало его поступокъ. Онъ хотѣлъ только повредить Ключареву и излить на него черную, несправедливую и безчеловѣчную месть.

Невинность Ключарева была доказана впослѣдствіи, и Ростопчинъ, какъ я скажу далѣе, прибѣгъ ко лжи, чтобы не подвергнуться отвѣтственности передъ закономъ. Къ несчастію, когда не существуетъ уликъ и нѣтъ аппелляціи, то всякое дѣло бываетъ правымъ.

Ростопчинъ приказалъ привести къ себѣ Верещагина изъ острога наканунѣ сдачи Москвы. Въ тотъ же день онъ издалъ бюллетень, въ которомъ приглашалъ всѣхъ жителей Москвы, способныхъ носить оружіе, явиться къ нему, чтобы отправиться подъ его начальствомъ на непріятельское войско и рубить его. На разсвѣтъ рѣшетка, отдѣлявшая обширный дворъ его дома отъ улицы, ломилась подъ натискомъ огромной толпы, состоявшей изъ самыхъ низменныхъ, отчаянныхъ подонковъ столицы. Ворота были заперты. Ростопчинъ вышелъ на дворъ съ Верещагинымъ, котораго вели два жандарма. Онъ обратился къ толпѣ съ рѣчью и, указывая на Верещагина, сказалъ: что «измѣнникъ своей родины, приготовившій путь врагамъ, достоинъ смерти!» и тотчасъ приказалъ жандармамъ изрубить его саблями, самъ нанесъ ему первый ударъ и велѣлъ бросить тѣло умирающаго невиннаго страдальца черезъ рѣшетку на улицу. Разгоряченная чернь набросилась на него и волочила его по улицамъ.

Народъ бросился въ кабаки, въ городѣ не было болѣе ни стражи, ни полиціи. Ростопчинъ сѣлъ въ ожидавшій его легкій экипажъ и отправился къ арміи, только-что выступившей изъ Москвы.

Вотъ истинный разсказъ объ этомъ чудовищномъ убійствѣ, совершенномъ за нѣсколько часовъ до вступленія Наполеона въ древнюю столицу московскихъ и всероссійскихъ царей.

Нѣсколько дней спустя, служившіе у меня чиновники почтоваго вѣдомства пріѣхали ко мнѣ во Владиміръ, куда я прибылъ благополучно окольными путями. Они видѣли своими глазами, какъ волочили по улицамъ тѣло Верещагина, и передали мнѣ всѣ подробности, мною описанныя.

Прежде нежели продолжать прерванную нить разсказа, я останавлиюсь на пожарѣ, истребившемъ Москву.

Въ одномъ манифестѣ, обнародованномъ по окончаніи войны, внесенной Наполеономъ въ предѣлы Россіи, императоръ Александръ сказалъ,

что пожаръ Москвы освѣтилъ независимость или освобожденіе Европы! Не есть ли это отвѣтъ на вопросъ, кто спалилъ Москву? который предлагали и предлагаютъ до сихъ поръ. Зачѣмъ издалъ Ростопчинъ въ Парижѣ брошюру подъ заглавіемъ: «Правда о пожарѣ Москвы». Не тщеславіе ли вложило ему въ руку перо?

Для всякаго здравомыслящаго человѣка есть только одинъ исходъ, чтобы выйти изъ того лабиринта, въ которомъ онъ очутится, прислушиваясь къ разнорѣчивымъ мнѣніямъ, которыя были высказаны по поводу пожара Москвы. Несомнѣнно, только императоръ Александръ могъ остановиться на этой мѣрѣ, вырабатывая общій планъ войны съ Наполеономъ; она могла быть задумана и предписана только самимъ императоромъ; ее приказано было исполнить лишь въ послѣдней крайности, когда опасность угрожала бы всей Имперіи, и выполнение этой мѣры могло быть поручено только Ростопчину и Кутузову, при чемъ лишь первый изъ нихъ могъ привести ее въ исполненіе. Кутузовъ не могъ приказывать этого по своему собственному усмотрѣнію, точно такъ же, какъ Ростопчинъ не могъ привести эту мѣру въ исполненіе по своему собственному почину. Случается, что, проигравъ сраженіе, сжигаютъ городъ, если онъ находится на линіи отступленія, чтобы помѣшать непріятелю идти впередъ; но никогда не бываетъ, чтобы сжигали городъ, покидаемый вслѣдствіе пріостановки военныхъ дѣйствій, когда непріятель вступаетъ въ него; точно такъ же, и непріятель, вступая въ городъ, не можетъ съ стратегической точки зрѣнія найти выгоднымъ сжечь его. Это было бы величайшей нелѣпостью, если только не допустить, что люди захотѣли бы, изъ принципа, ввести въ военное искусство всякія несообразности, что также было бы безсмыслицею. Непріятель можетъ конечно сжечь, разрушить, разграбить и опустошить городъ, или провинцію, которую онъ покидаетъ, но онъ не сдѣлаетъ этого, вступая въ нее.

Французская армія заняла Москву шесть дней спустя послѣ Бородинскаго сраженія, окончившагося въ пользу русской арміи, которая не была прогнана съ операціонной линіи и могла отступить къ Москвѣ, находящейся въ 60—100 верстахъ отъ Можайска или Бородино, не бывъ преслѣдуема французами. Пріостановка военныхъ дѣйствій, рѣшенная между Милорадовичемъ и Мюратомъ, дала русской арміи время пройти черезъ Москву, а жителямъ столицы оставить городъ. Наполеонъ вступилъ въ городъ 2-го сентября въ 4 часа по полудни; я покинулъ Москву въ тотъ же день приблизительно въ 11 часовъ утра; пожаръ начался на слѣдующій день; слѣдовательно, надобно допустить, что городъ былъ подожженъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ еще наканунѣ лицами, оставшимися въ Москвѣ и снабженными съ этой цѣлью горючими матеріалами до оккупации ея непріателемъ, ибо глупо было бы допустить, что французы подожгли городъ, въ которомъ они нашли

въ изобиліи все, что было необходимо для ихъ существованія, и который представлялъ собою къ тому же надежный пунктъ, изъ котораго они могли вести переговоры или руководить военными дѣйствіями во всѣ стороны какъ изъ центра, находившагося въ ихъ рукахъ. Но, повторяю, эта важная мѣра могла быть задумана и приказана только самимъ императоромъ. Собственность казны и частныхъ лицъ не должна была и не могла быть берегаема въ ту минуту, когда дѣло шло о спасеніи Имперіи. Какимъ же образомъ говорили о пожарѣ Москвы, какъ о дѣлѣ, зависѣвшемъ отъ произвола главнокомандующаго арміей или московскаго генераль-губернатора? Какъ могъ Ростоппинъ взять на себя смѣлость оправдывать или отрицать это великое событіе? Въ своихъ бюллетеняхъ онъ предупреждалъ жителей Москвы за мѣсяцъ, чтобы они не подвергали опасности своихъ движимыхъ имуществъ; мѣстныя власти отправляли во внутрь Имперіи ввѣренные имъ кассы и архивы; къ чему же принимались всѣ эти мѣры, если не существовало заранѣе обдуманнаго плана сжечь Москву? Изъ города были вывезены сокровища Кремля, а также иконы Владимірской и Иверской Божіей Матери. Всего нельзя было спасти, но спасли все, что было необходимо; и если у частныхъ лицъ были разграблены библіотеки и другое имущество, то они должны винить только себя за смѣшную безпечность, жертвой которой они сдѣлались, или должны пенять на недостатокъ перевозочныхъ средствъ.

Когда Смоленскъ былъ взятъ, нечего было выжидать послѣдствій Бородинской битвы. Со взятія Смоленска до оккупациіи Москвы прошло три недѣли; въ теченіе этихъ трехъ недѣль, какъ я уже сказалъ, все движимое имущество могло быть спасено. Но что значать матеріальные убытки, когда дѣло идетъ о спасеніи страны и національной чести. Какъ сказалъ Петръ Великій на могилѣ кардинала Ришелье, что онъ бы пожертвовалъ половиною своихъ владѣній для того, чтобы имѣть его своимъ министромъ, а другую половину отдалъ бы за то, чтобы научиться отъ него управлять, такъ и Александръ и всякій другой монархъ былъ бы обязанъ принести въ жертву половину своихъ владѣній, чтобы спасти другую половину отъ захвата Наполеона, что было бы хуже всякаго рабства. Россія осталась неприкосновенна только потому, что Наполеону не удалось лишить ее національнаго характера. Императоръ Францъ II, отдавшій свою дочь замужъ за корсиканца-побѣдителя для того, чтобы онъ не взорвалъ его столицу—ничего не сдѣлалъ для своей страны; но Александръ, сжегшій свою древнюю столицу для того, чтобы избѣгнуть французскаго ига—сдѣлалъ все! Онъ спасъ и страну, и свой престолъ, и народную честь. Повторяю, какъ могъ Ростоппинъ взять на себя смѣлость отрицать или оправдывать это великое дѣло, которое его монархъ призналъ за зарю независимости Россіи и всей Европы?

Человѣческій умъ и политика всегда ищутъ вчерашняго дня.

Можетъ быть, исторія взглянетъ на этотъ фактъ такъ же, какъ я; не пройдетъ и вѣка, какъ тайна разъяснится, и на пожаръ Москвы безъ сомнѣннѣя будутъ смотрѣть какъ на одну изъ лучшихъ жемчужинъ, украшающихъ вѣнецъ Александра. Ростопчину останется только слава, что онъ искусно обдумалъ и выполнилъ одинъ изъ самыхъ великихъ плановъ, возникавшихъ въ человѣческомъ умѣ, съ тѣхъ поръ какъ люди живутъ на землѣ и воюютъ другъ противъ друга.

Ростопчинъ захотѣлъ, какъ ворона, одѣться въ павлинныя перья, приписавъ лично себѣ дѣло, за которое онъ подлежалъ бы отвѣтственности передъ судомъ разума и совѣсти, если бы онъ сдѣлалъ его безъ монаршаго приказанія, по своему собственному усмотрѣннѣю, ибо послѣ государя только одинъ главнокомандующій русской армией имѣлъ власть превратить въ пепелъ столицу, отданную имъ неприятелю добровольно, коль скоро эта мѣра была необходима для спасенія Имперіи и арміи и коль скоро стратегическія соображенія, входившія въ его планы, требовали подобной жертвы. Слѣдовательно, Ростопчинъ только исполнилъ высочайшую и безапелляціонную волю своего монарха, или же планъ Кутузова, въ чьихъ рукахъ было спасеніе страны и всего народа.

Тотъ, кто зналъ Москву въ эпоху нашествія французовъ и кто хорошо знаетъ характеръ русскаго народа, пойметъ, что Москва не могла быть отдана такому завоевателю, какъ Наполеонъ, и такой арміи, какъ французская, такимъ же точно путемъ, какъ сдавались города у другихъ народовъ. Петръ I хотѣлъ уничтожить національный характеръ Россіи для того, чтобы поставить ее на одинъ уровень съ прочими государствами Европы. Россія Іоанна III не могла пріобщиться къ цивилизаціи западныхъ народовъ. Екатерина II завела планъ Петра I слишкомъ далеко. Въ ея время образованная часть дворянства офранцузилась, къ великому неудовольствію большинства націи. Наполеонъ, являсь въ Москву побѣдителемъ, обладая силой, легко могъ привлечь на свою сторону московскую знать и сдѣлать изъ нея своихъ агентовъ. Развѣ мы не видѣли примѣра, что Загряжскій, оставшись въ Москвѣ, сдѣлался пособникомъ императора французовъ вмѣстѣ съ другими русскими. Если бы мѣры, принятыя Ростопчинымъ, не удалили всю московскую знать, то Наполеонъ нашелъ бы, къ несчастью, немало Загряжскихъ среди русскихъ, воспитанныхъ французами и преклонявшихся передъ всѣмъ французскимъ. Очарованіе, пущенное въ ходъ Наполеономъ, погубило бы Россію скорѣе, нежели какія бы то ни было орудія. Москва, вѣчно недовольная Петербургомъ, могла бы произвести самое пагубное впечатлѣніе на страну, и политика Наполеона достигла бы той цѣли, которая становилась недоступной его оружію. Вотъ почему надобно было заманить Наполеона въ Москву, продержатъ его тамъ до зимы, выгнать изъ нея всѣхъ поклонниковъ Парижа и его

модъ, спалить городъ и предоставить остальное двадцатиградусному морозу и соображеніямъ Александра и Кутузова.

Французскіе нравы и философія, процвѣтающіе на берегахъ Сены, могутъ быть подходящими для Франціи; но они и въ настоящее время были бы пагубны для блага и спокойствія страны, менѣе вѣка вышедшей изъ варварства. Ребенокъ не можетъ пользоваться правами разумнаго человѣка.

Война, голодъ и чума—ужасныя бѣдствія. Высшая мудрость Божественнаго Провидѣнія поражаетъ ими людей. Всякая война есть бѣдствіе. Самая справедливая война, даже если она ведется народомъ для защиты его домашняго очага отъ вражескаго нашествія, влечетъ за собою многочисленныя бѣдствія. Не политика поддерживаетъ внѣшнія и внутреннія войны, не она порождаетъ перевороты у сосѣдей въ виду своихъ собственныхъ интересовъ, не она возвышаетъ незаконность надъ законнымъ правомъ и признаетъ верховную власть народа, которая можетъ быть болѣе пагубна для страны, нежели война, голодъ и чума. Эти бичи ниспосылаются Провидѣніемъ въ наказаніе народамъ. Во время этихъ бѣдствій политика только лавируетъ или колеблется, чтобы парализовать, по мѣрѣ человѣческихъ силъ, противуестественный порядокъ вещей, который она не въ силахъ прекратить. Великіе перевороты, совершающіеся въ государствахъ, намѣчены въ общихъ планахъ Божественнаго Провидѣнія, управляющаго міромъ.

Успѣхи самыхъ многочисленныхъ войскъ не всегда зависятъ отъ ихъ численности и отъ мудрыхъ соображеній какого-нибудь Наполеона. То, что должно быть унижено—будетъ унижено, то, что должно восторжествовать—восторжествуетъ. Это не теорія фатализма, это теорія Божественнаго права, которую отвергаютъ санкюлоты, передавая народу самодержавную власть. Скоро наступитъ время, когда дѣти станутъ смѣяться надъ этой философіей, подобно тому, какъ въ Парижѣ смѣются надъ чудесами діакона Париса ¹⁾ надъ исцѣленіями золотушныхъ, а не далѣе какъ сто лѣтъ тому назадъ всему этому чистосердечно вѣрили во Франціи и въ Парижѣ. Философы смѣются надъ всѣми, кто не хочетъ согласиться съ ними, что люди существуютъ только для того, чтобы удобрять почву, подобно животнымъ, которыхъ они пожираютъ и для того, чтобы рождать себѣ подобныхъ для той же цѣли.

Приѣхавъ во Владиміръ, я не успѣлъ еще принять необходимыхъ мѣръ, чтобы выработать планъ сообщенія между той частью Имперіи, которая лежитъ за Москвою и Петербургомъ—мѣстопробываніемъ пра-

¹⁾ Paris, Францискъ, діаконъ, извѣстный своей твердой вѣрой и строгой жизнью, прославился чудесами, совершавшимися надъ его могилою. Родился въ Парижѣ въ 1690 г., умеръ въ 1727 г. В. Т.

вительства, когда я получилъ отъ московскаго губернатора увѣдомленіе, что главнокомандующій арміей, князь Кутузовъ, прислалъ ему изъ Смоленска приказаніе отправить всѣ московскія присутственныя мѣста, сосредоточенныя во Владимірѣ, въ Нижній Новгородъ.

Въ этихъ запискахъ, долженствующихъ пролить свѣтъ на исторію, которая должна, въ свою очередь, черезъ нѣкоторое время дать подробную картину эпохи, я не могу умолчать объ одномъ странномъ событіи, случившемся во Владимірѣ въ теченіе тѣхъ четырехъ или пяти дней, которые я тамъ провелъ.

Въ Москвѣ проживалъ уже нѣсколько лѣтъ художникъ исторической живописи и портретистъ Тончи, талантъ перваго разряда. Гениальный артистъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ высокаго ума, прекрасно образованъ и очень краснорѣчивъ. Съ величественной наружностью, убѣленной сѣдинами, въ немъ соединялся весьма оригинальный складъ мыслей, что придавало его бесѣдѣ особую увлекательность. Сущностью его философіи былъ нелѣпый пантеизмъ, но онъ говорилъ такъ увлекательно, что прелесть его разговора заставляла забыть всю несообразность ея мировоззрѣнія. Одна безобразная старая дѣва предложила ему свою руку и сердце; желаніе быть въ родствѣ съ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій Россіи заставило его принять это предложеніе, онъ сдѣлался мужемъ княжны Гагариной и забросилъ свое искусство. Онъ былъ принятъ въ самыхъ извѣстныхъ московскихъ кружкахъ, былъ другомъ Ростопчина и всѣхъ князей и графовъ. Отправивъ, по примѣру другихъ, свою жену во внутрь Имперіи при первомъ извѣстіи о приближеніи французской арміи, онъ поселился самъ въ домѣ Ростопчина, по приглашенію этого послѣдняго для большей безопасности, какъ ему было сказано, въ случаѣ волненія въ городѣ и для того, чтобы, въ случаѣ крайности, онъ могъ покинуть городъ подъ покровительствомъ генералъ-губернатора. 2-го сентября, въ день сдачи Москвы, Тончи имѣлъ несчастіе увидать во дворѣ генералъ-губернаторскаго дома страшное убійство несчастнаго Верещагина и сошелъ съ ума.

Ростопчинъ поручилъ моему брату, бывшему директоромъ его канцеляріи, отвезти Тончи во Владиміръ, куда братъ и отправлялся. Тончи, пораженный кровавымъ зрѣлищемъ, коего онъ былъ свидѣтель, окончательно помѣшался; воспользовавшись минутой, когда его оставили одного, вышелъ изъ кареты и ушелъ въ лѣсъ, находившійся близъ села. Его тщетно искали весь день, и мой братъ долженъ былъ продолжать свой путь, приказавъ на почтовой станціи отправить Тончи во Владиміръ, какъ только его найдутъ. Лѣсные сторожа встрѣтили Тончи въ лѣсу, гдѣ онъ бродилъ безъ цѣли; не зная по-русски, онъ не могъ отвѣтить на ихъ вопросы, и его, какъ иностранца, приняли за французскаго шпіона, скрутили веревками и отвели въ полицейское управленіе, гдѣ его также ни-

кто не могъ понять, а оттуда его отправили выѣстъ съ прочими арестантами во Владимірѣ; только тамъ дѣло разъяснилось. Мой братъ поспѣшилъ, до полученія дальнѣйшихъ приказаній, помѣститъ его у себя. Это новое приключеніе еще болѣе помутило разсудокъ Тончи. Онъ вообразилъ, что Ростопчинъ держитъ его подъ надзоромъ, чтобы сдѣлать его вторымъ Верецагинымъ. Однажды, притворившись больнымъ, онъ не всталъ съ постели и, доставъ бритву, хотѣлъ зарѣзаться. Къ счастью, онъ только перерѣзалъ себѣ кровеносные сосуды, и его нашли плавающего въ крови. Ему была тотчасъ подана помощь, и чрезъ нѣсколько дней онъ совершенно поправился. На вопросъ, предложенный ему моимъ братомъ, почему онъ покушался на свою жизнь, Тончи отвѣчалъ, что онъ хотѣлъ покончить съ собою, чтобы избѣжать болѣе жестокой смерти. Этотъ отвѣтъ не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ убійства Верецагина.

Когда Тончи окончательно выздоровѣлъ и къ нему вернулся разсудокъ и спокойствіе, то онъ пожелалъ оставить городу что-либо на память о своемъ пребываніи въ немъ и написалъ для Владимірскаго собора великолѣпную картину, изображающую крещеніе св. Владиміра; она считается однимъ изъ лучшихъ произведеній его кисти. По всей вѣроятности, картина эта находится въ соборѣ и до нынѣ.

Вынужденный удалиться изъ Владиміра въ Нижній Новгородъ, куда отправилось большинство московской знати, искавшей въ первый моментъ пріютъ въ городѣ, ближайшемъ къ древней русской метрополіи, я долженъ былъ принять мѣры къ тому, чтобы создать въ этомъ пунктѣ, отдаленномъ отъ центра сообщеній съ Петербургомъ, новую почтовую линію для сношеній столицы съ Сибирью и съ мѣстностями, лежащими по ту сторону Урала.

Въ Нижнемъ Новгородѣ я нашелъ Сперанскаго, пользовавшагося всѣми правами, принадлежавшими ему по чину, хотя онъ и находился подъ присмотромъ губернатора. Онъ жилъ весьма уединенно; недоброжелательство къ нему народа проявлялось открыто. Вообще его считали измѣнникомъ своей родины и неблагодарнымъ по отношенію къ государю, его благодѣтелю. Съ нимъ избѣгали всякаго сближенія. Въ исходѣ сентября губернаторъ сообщилъ приказъ, только-что имъ полученный, отправить узника въ Пермь. Сперанскому тотчасъ велѣно было отправиться туда въ сопровожденіи полицейскаго чиновника и фельдъегеря. Всѣ толки, вызванные присутствіемъ Сперанскаго, тотчасъ смолкли. По этому поводу г. Румовскій разсказалъ мнѣ, что въ августѣ, вскорѣ послѣ пріѣзда Сперанскаго въ Нижній Новгородъ, Ростопчинъ прислалъ къ нему курьера, прося удалить Сперанскаго, но онъ отвѣчалъ на эту просьбу отказомъ, основываясь на высочайшемъ повелѣніи, въ которомъ строго было предписано, что мѣстопробываніемъ для тайнаго совѣтника Сперанскаго впредь до новаго высочайшаго повелѣнія на этотъ счетъ

долженъ служить Нижній Новгородъ. Будь губернаторъ менѣе независимъ въ своемъ образѣ дѣйствій, онъ не захотѣлъ бы или не посмѣлъ бы противиться Ростопчину, котораго считали всемогущимъ. Румовскій наотрѣзъ отказался повиноваться и спасти жизнь Сперанскому.

Разсказъ о военныхъ событіяхъ не входитъ въ программу моихъ мемуаровъ. Названія и подробности всѣхъ битвъ, происходившихъ до эвакуаціи Москвы, извѣстны всѣмъ и каждому. Все уже обсуждено, все взвѣшено, поэтому я коснусь лишь того, что касается хода событий, вызванныхъ вторженіемъ французовъ. Въ началѣ октября я получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ приказъ принять совмѣстно съ нижегородскимъ губернаторомъ всѣ необходимыя мѣры для открытія прямого почтового сообщенія между Петербургомъ и Вяткой.

Вятская губернія примыкаетъ къ Пермской, составляющей границу Сибири. Города Вятка и Пермь находятся на одной чертѣ съ Петербургомъ. Вятка находится въ разстояніи 1.459 верстъ отъ столицы. Было ясно, что если бы Петербургу угрожала опасность отъ непріятеля, то этотъ отдаленный пунктъ долженъ бы послужить для его жителей убѣжищемъ въ критическій моментъ. Пока принимались надлежащія мѣры для прикрытія этого пути, изъ Москвы было получено извѣстіе, что 14-го октября городъ неожиданно покинутъ Наполеономъ и его арміей. Но передъ этимъ Наполеонъ приказалъ похитить крестъ съ колокольни, извѣстной подъ именемъ Ивана Великаго (который считали сдѣланнымъ изъ чистаго золота), и велѣлъ взорвать въ двухъ или трехъ пунктахъ стѣны Кремля со стороны рѣки и часть Оружейнаго двора. Два или три дня поздне я получалъ отъ чиновниковъ почтоваго вѣдомства, оставшихся въ Москвѣ, самыя подробныя свѣдѣнія о почтамтѣ, который остался цѣлъ благодаря тому, что въ немъ помѣщалась французская почтовая контора и завѣдывавшій ею генералъ Бодинъ (Bodin). Нѣсколько времени спустя министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ мнѣ высочайшее повелѣніе вернуться въ Москву и возстановить прерванные сообщенія. Я возвратился въ столицу 1-го декабря, три мѣсяца спустя послѣ моего отъѣзда оттуда за нѣсколько часовъ до занятія города непріателемъ. Почта стала дѣйствовать съ прежней правильностью; единственными слѣдами пребыванія Наполеона и его войскъ въ древней столицѣ Россіи были обгорѣлыя развалины домовъ, обугленные стѣны и заборы, трупы людей и лошадей, загромождавшіе улицы, да Кремлевскіе соборы, превращенные въ склады, мастерскія и конюшни. Нѣсколько церквей остались неприкосновенны, и во время пребыванія Наполеона въ нихъ даже совершали богослуженіе ксендзы, не бѣжавшіе изъ Москвы. Крестьяне ближайшихъ къ городу деревень, толпами устремившіеся въ Москву, тотчасъ послѣ ухода изъ нея французовъ, разграбили все то, что непріятель не

успѣлъ унести. Жители толпами возвращались къ своимъ разрушеннымъ очагамъ.

Въ день новаго, 1813 года, снова появилась «Московская газета», возвѣстившая объ успѣхахъ русской арміи и о бѣдствіи, постигшемъ остатки французской арміи. Все ожило! Городъ походилъ на муравейникъ, который разрушилъ ребенокъ, играя вѣткой, и который тысячи муравьевъ старались привести въ прежній порядокъ. Вновь открылись лавки, торговля возобновилась, можно было достать все необходимое. Мастеровые снова принялись за работу, жители ближайшихъ къ Москвѣ окрестностей и болѣе дальнихъ мѣстечекъ привозили въ городъ все, что они могли продать съ большою для себя выгодною. Въ городъ возвращались каждый день бѣглецы, покинувшіе свои очаги въ день вступленія въ столицу Наполеона. Генераль-губернаторъ Ростовчинъ вступилъ снова въ исполненіе своихъ обязанностей. Полиція увозила трупы и очищала улицы. Такъ окончились шесть недѣль ужаса и бѣдствій, вызванныхъ успѣхами непріятеля, и снова водворился порядокъ. Все было забыто; можно было подумать, что люди сговорились считать все происшедшее въ теченіе этихъ шести недѣль тяжелымъ сномъ. Несмотря на слѣды опустошенія, которые еще были у всѣхъ на глазахъ, никто не думалъ болѣе о понесенныхъ потеряхъ. Можно ли представить болѣе доказательство того, что бессмертная душа не придаетъ никакого значенія времени и матеріи, лишь только она получаетъ возможность предаться дѣятельности, чтобы жить сообразно своему внутреннему существу въ будущемъ!

Ужасы, совершенные въ продолженіе шести недѣль, кои продолжалась оккупация Москвы и ея окрестностей французами, представляютъ картину весьма печальную для ума и сердца человѣческаго. Смѣшно покажется филантропія, столь восхваленная нашимъ вѣкомъ и привлекающая взоры своими якобы человеколюбивыми дѣлами, если сравнить ея нелѣпныя дѣла съ дѣйствительностью, которая доказываетъ, что человеколюбіе не есть свойство, врожденное человѣку, и что эта мнимая чело-вѣчность благороднаго сердца есть не что иное, какъ игра гордости, свойственной человѣческому сердцу, подобно тому, какъ мысль о предстоящей пыткѣ останавливаетъ руку убійцы. Человѣкъ рождается злымъ; онъ это доказываетъ, когда страсть увлекаетъ его. Любовь къ чело-вѣчеству не болѣе, какъ великолѣпное платье, расшитое золотомъ и серебромъ, но прикрывающее скелетъ, изъѣденный червями. Истинное чело-вѣколюбіе не нуждается ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ для того, чтобы проявить себя. Оно не воздвигаетъ дворцовъ, стоящихъ милліоны, для того, чтобы лѣчить въ нихъ двѣсти или триста нищихъ, или неизлѣч-ныхъ больныхъ. Оно протягиваетъ правую руку такъ, чтобы объ этомъ не знала лѣвая рука.

Низшій классъ въ Россіи всегда ненавидѣлъ иностранцевъ, вслѣдствіе различія въ религіи, нравахъ, языкѣ и во взглядахъ.

Нападеніе французовъ на собственность жителей и эта исконная ненависть были единственными причинами всѣхъ звѣрскихъ поступковъ, коихъ иностранцы были жертвою въ теченіе войны, внесенной Наполеономъ въ предѣлы Россіи. Патріотизмъ былъ тутъ ни при чемъ, и Ростопчинъ, которому это было отлично извѣстно, счумѣлъ только воспользоваться этой ненавистью. Предавъ огню свой собственный домъ въ одномъ изъ своихъ помѣстій, которое могло достаться въ руки непріятеля, онъ сдѣлалъ въ маломъ размѣрѣ то, что императоръ Александръ былъ вынужденъ сдѣлать въ большихъ размѣрахъ, чтобы спасти свою честь, свою корону и страну ¹⁾.

Ненависть, которую русскіе проявили, совершая разныя жестокости противъ иностранцевъ, пришедшихъ опустошать ихъ родную землю, доказываетъ, что русскій человѣкъ защищалъ въ 1812 году не свои политическія права. Онъ воевалъ для того, чтобы истребить хищныхъ звѣрей, пришедшихъ пожрать его овецъ и куръ, опустошить его поля и житницы.

Когда русскій крестьянинъ сытъ и не страдаетъ отъ холода и произвола властей, то онъ засыпаетъ въ своей курной избѣ такъ же сладко, какъ Ротшильдъ среди нимфъ, оплаченныхъ его деньгами. Онъ живетъ только для удовлетворенія своихъ физическихъ потребностей и для того, чтобы пользоваться свободой, которую онъ ищетъ въ растительной жизни, оберегая себя отъ насилій. Онъ просыпается по утру для того, чтобы работать, и засыпаетъ вечеромъ съ тѣмъ, чтобы начать на другой день то, что дѣлать наканунѣ. Какъ всѣ народы болѣе или менѣе цивилизованные, онъ можетъ быть только орудіемъ въ рукахъ благодѣтельнаго генія или смѣлаго и отважнаго заговорщика.

Ростопчинъ, дѣйствуя страхомъ, выгналъ изъ Москвы дворянство, купцовъ и разночинцевъ для того, чтобы они не поддались соблазнамъ и внушеніямъ Наполеоновой политики. Онъ разжегъ народную ненависть тѣми ужасами, которые онъ приписывалъ иностранцамъ, коихъ онъ въ то же время осмѣивалъ; понявъ планъ Александра и характеръ русскаго народа, онъ спасъ Россію отъ ига Наполеона. Исторія осудитъ его, какъ человѣка, за жестокости, какія онъ совершилъ, преступивъ свои права, какъ главнокомандующій Москвою, но она отдастъ ему должное и признаетъ его за глубокаго политика и умнаго администратора, который разставилъ сѣти одному изъ величайшихъ и могущественныхъ геніевъ, когда-либо появлявшихся на землѣ, и запу-

¹⁾ Руничъ вездѣ приписываетъ распоряженію Александра съечь Москву, но это подвержено сомнѣнію.

талъ его въ этихъ сѣтяхъ, изъ коихъ онъ освободился только для того, чтобы окончить дни свои въ заточеніи на дикой скалѣ острова св. Елены, подъ ферулой англичанина. Отнимите необузданности у Наполеона и Ростопчина, и человѣчество перестанетъ вѣрить въ существованіе Божественнаго Провидѣнія. Наполеона оправдали бы, говоря, что роковая судьба увлекаетъ все и всѣхъ. Фатализмъ сдѣлался бы исключительной философіей человѣчества. «*Rex hodie est et cras morietur*». (Экл. гл. X, ст. 12).

Эта исконная ненависть русскихъ ко всему иноземному, вторженіе французовъ на русскую землю и занятіе Москвы, на которую русскіе смотрятъ какъ на священный городъ и который былъ оскверненъ присутствіемъ людей, коихъ они считаютъ нехристями, пробудили въ сердцахъ московской черни и въ окрестныхъ крестьянахъ жажду мести. Какъ только имъ попадался въ руки кто-либо принадлежащій къ французской арміи, смерть его была неминуема; его убивали, и трупъ, иногда еще трепещущій, бросали въ колодезь или въ отхожее мѣсто. Даже женщины, копаясь въ огородѣ, чтобы добыть нѣсколько картофелинъ, единственную пищу, которую онѣ могли достать, и встрѣтивъ по дорогѣ пьянаго спящаго солдата, тащили его до ближайшей помойной ямы и сбрасывали туда головою внизъ. Множество колодезевъ, помойныхъ ямъ и отхожихъ мѣстъ были наполнены непріятельскими трупами. Въ деревняхъ крестьяне уводили своихъ женъ и дѣтей въ самую глубь лѣса, чтобы укрыть ихъ отъ непріятеля; а сами, вооружившись дубинами, топорами или косами, подстерегали отсталыхъ солдатъ или фуражировъ и если они были въ маломъ количествѣ, то нападали на нихъ и безпощадно умерщвляли. Крестьянинъ убивалъ солдата, который, снявъ оружіе, спалъ подъ его кровлею. Каждый крестьянинъ считалъ, что онъ исполняетъ этимъ свой долгъ. Нѣтъ возможности исчислить, сколько солдатъ всѣхъ націй, вступившихъ на русскую землю, погибло такимъ образомъ. Дѣйствительно вѣрно, что народъ становится бѣшенъ тигромъ, когда нападаютъ на его домашній очагъ.

Треть огромной Наполеоновской арміи погибла въ Россіи отъ руки крестьянъ, отъ холода и болѣзней. Никогда еще завоеватель не былъ въ столь бѣдственномъ положеніи, какъ Наполеонъ, дошедшій до Москвы не встрѣтивъ никакого сопротивленія, которое могло бы ему напомнить объ угрожавшей ему мышеловкѣ.

Покорителю Европы суждено было убѣдиться, что онъ не Богъ — только въ Москвѣ.

Послѣ Березины успѣхи русскихъ войскъ заставили замолкнуть Европу. Русскіе вступили въ Парижъ, Наполеонъ умеръ на островѣ св. Елены. Этимъ я оканчиваю мое полустратегическое повѣствованіе и возвращаюсь къ разсказу о событіяхъ, касающихся собственно Рос-

си, до смерти императора Александра, но обращу еще вниманіе на одно обстоятельство, которое заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, а именно, что три монарха, соединившіеся для того, чтобы сломить гордость Наполеона, подписавшіе актъ священнаго союза,—были: Александръ I, Францъ II и Фридрихъ III. Цифры, коими сопровождаются имена этихъ монарховъ, какъ будто указываютъ на толчекъ, данный первымъ изъ этихъ монарховъ, на дружественную помощь втораго и на союзъ третьяго; въ то же время эти цифры какъ-будто указываютъ на постепенное стремленіе союза упрочиться, чтобы достигнуть благого результата. Безъ перваго двигателя ни вторая, ни третья держава не могли бы достигнуть цѣли умиротворенія Европы. Это доказали съ полной очевидностью предшествовавшія войны.

VIII.

Политическое и внутреннее положеніе Европы послѣ изгнанія Наполеона.—Положеніе Россіи.—Учебныя заведенія.—Педагогическій институтъ.—Поворотъ въ характеръ Александра I. — Гр. Завадовскій. — Гр. Разумовскій и графъ Аракчеевъ.—Военныя поселенія.

Совершенное очищеніе русской территоріи отъ непріятельскихъ войскъ, побѣды, одержанныя надъ непобѣдимымъ полководцемъ, вступленіе русскихъ въ Парижъ, ссылка Наполеона на островъ Эльбу, вступленіе Людовика XVIII на престолъ Клодвига—всѣ эти событія не были плодомъ политическихъ сдѣлокъ. Надобно походить на дурно воспитаннаго, упрямаго ребенка, который и подъ розгою отца отказывается просить у него прощенія, чтобы настаивать на мнѣніи, что могущество Наполеона было сокрушено измѣною, морозами, преслѣдовавшими его въ Россіи, или злымъ рокомъ. То, что философія называетъ рокомъ, не желая признавать Творца, Властителя міра, руководящаго судьбою народовъ и державъ,—есть Божественное Провидѣніе. И если это Божественное Провидѣніе допускаетъ, чтобы сапожники и шляпники провозглашали себя въ нѣкоторыхъ странахъ представителями того чудовища, которое называется «*Peuple souverain*», то это только потому, что эта нелѣпость способствуетъ развитію такого порядка вещей, который человѣческій разумъ не можетъ ни предвидѣть, ни устранить. Если бы человѣческому разуму было позволено вмѣшиваться въ управленіе міромъ, то можно было бы сказать, что Наполеонъ долженъ былъ оставаться на престолѣ. Одинъ этотъ фактъ доказываетъ лучше всякихъ аргументовъ право Всевышняго располагать скипетрами и ко-

ронами! Паденіе Наполеона доказываетъ, что это право прекратилось только для того, чтобы могли совершиться всѣ бѣдствія, обрушившіяся на землю съ тѣхъ поръ, какъ оно перестало дѣйствовать. Если бы Наполеонъ еще царствовалъ, то династіи его братьевъ упрочились бы на престолахъ, на которые онъ ихъ посадилъ. Испанія не утопала бы въ крови своихъ дѣтей. Враги Божественнаго Права давно уже были бы въ больницѣ св. Пелагіи или въ Бисетрѣ.

Молодой французскій писатель, г. Вейлло (Veillot) проповѣдуетъ очень мудрую и возвышенную философію, проводя въ своемъ трудѣ: «*Les pèlerinages de Suisse*», тотъ взглядъ, что истинные принципы общества должны быть основаны на религіи.

«То, что разрушено невѣріемъ,—говоритъ онъ,—не можетъ быть восстановлено никакою политикою. Партіи побѣждать другъ друга, и каждая въ свою очередь будетъ властвовать, но народъ будетъ только мѣнять свое рабство, зачастую въ ущербъ себѣ. Для народовъ существуетъ только одинъ законъ, которымъ они должны руководствоваться въ жизни на пути къ достиженію счастья и свободы; это законъ Божественный, дѣлающій людей братьями, дающій цѣлой націи, какъ одному человѣку, одинаковыя мысли, обязанности, цѣли, внушающій низшимъ терпѣніе, высшимъ умѣренность и всѣмъ вообще надежду и милосердіе. Когда вы уничтожите этотъ законъ, когда, порвавъ связь, существующую между Богомъ и человѣкомъ, вы порвете вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе слабую связь, существующую между людьми, т. е. когда среди высшихъ не будетъ болѣе вѣры, а у низшихъ—надежды и никто не будетъ знать, что такое милосердіе и взаимное довѣріе, тогда не ищите болѣе среди людей того, что можетъ дать счастье человѣчеству, вы ничего не найдете. Вы возвращаетесь въ заколдованномъ кругу, и всѣ достигаемые вами успѣхи ограничиваются тѣмъ, что ваши безумныя ожиданія смѣняются съ шумомъ и трескомъ въ погонѣ за панацеями, придуманными шарлатанами. Что хорошаго можно ожидать отъ этихъ революцій, которыя представляютъ собою не что иное, какъ столкновеніе безнравственности, борьбу плутовъ или, лучше сказать, шакаловъ, оспаривающихъ другъ у друга свою гнусную добычу. Развращенная нація представляетъ отравленную добычу для тѣхъ, кто ее эксплуатируетъ, и причиняетъ имъ смерть.

«Для народа, утратившаго вѣру, не можетъ быть болѣе счастья. спокойствія и успѣховъ. Всякое общество, всякая соціальная единица имѣетъ въ своихъ нѣдрахъ много несчастныхъ, а безъ религіи несчастные страдаютъ вдвое; безъ покорности судьбѣ, внушенной съ дѣтства, всѣ страдающіе захотятъ всегда прекратить свои страданія; невѣрующее общество всегда признаетъ за ними это право, потому что

оно плохо воспитываетъ своихъ дѣтей; оно не внушаетъ имъ ту религіозную стойкость, которая даетъ возможность надѣяться на будущее.

«Существуетъ только одно право, не поддающееся умствованію, это Божественное Право. Когда законы вытекаютъ не изъ него, то они проистекаютъ изъ силы или коварства и ихъ побѣждаетъ вскорѣ другая сила, другое насиліе. Управляемые находятъ всегда тысячу весьма ясныхъ доводовъ въ свою пользу, дѣйствуя казнями и палачами. Но въ такомъ случаѣ осужденный не есть преступникъ, котораго наказываютъ, это побѣжденный, котораго убиваютъ, а для побѣдителей подобныя побѣды могутъ считаться на половину пораженіемъ.

«Я хочу, чтобы тотъ, который приказываетъ мнѣ повиноваться, былъ справедливъ, а можетъ ли это быть, когда справедливость не внушена ему свыше, и какъ могу я ему повиноваться, когда только одно насиліе составляетъ все его право на мое подчиненіе. Я хочу, чтобы тотъ, кто велитъ мнѣ страдать, велѣлъ бы мнѣ также надѣяться. А на что я могу надѣяться, когда моя вѣра состоитъ изъ обрывковъ, когда мой матеріализованный духъ не можетъ постигнуть иныхъ наслажденій кромѣ наслажденій міра сего и когда я вижу, что всѣ эти радости зависятъ отъ случайности рожденія, отъ силы и безчестности?

«Какъ христіанинъ и покорный сынъ святой церкви, я безъ труда покоряюсь ничтожности моего положенія, такъ какъ я могу быть на небѣ всѣмъ равнымъ и чѣмъ болѣе я буду смирененъ въ сей кратковременной жизни, тѣмъ болѣе я буду блистать въ вѣчной славѣ. Я вѣрую, что всякое могущество исходитъ отъ Бога, и покоряюсь во всемъ, что не противно моимъ убѣжденіямъ, даже самому жестокому, самому несправедливому могуществу; я покоряюсь не только безропотно, но даже съ радостью, ибо твердо увѣренъ, что Господь не посылаетъ мнѣ ни одного страданія, которое не было бы искупленіемъ; я весело несу бремя смиренія, принужденія и горести, потому что Богъ никогда не пошлетъ мнѣ того, что мнѣ не по силамъ.

«Но если вы сдѣлали изъ меня человѣка индифферентнаго или атеиста, если вы отвлекли меня отъ повиновенія Богу, то по какому праву хотите вы заставить меня склониться передъ вашей волей? Кто сдѣлалъ васъ моими повелителями? кто сдѣлалъ васъ законодателями и судьями? Почему вы богаты, а я бѣденъ? Почему вы задыхаетесь отъ излишества, когда у меня нѣтъ необходимаго? Отвѣта нѣтъ. Вы предписываете мнѣ свои законы, я излагаю вамъ свои нужды.

«И вы не убѣдите меня, что я преступникъ, слышите ли вы? Я врагъ, болѣе того, я человѣкъ угнетенный.

«А теперь берегитесь! Я не успокоюсь, пока я не займу перваго мѣста; не будетъ свободы до тѣхъ поръ, пока какой бы то ни былъ законъ

будеть стѣснять малѣйшую изъ моихъ страстей; не будетъ довольства, пока у меня будетъ какое-нибудь желаніе...

«Я не обязанъ жалѣть людей, которые не сказали мнѣ, что существуетъ Богъ, и которые своими поступками какъ-бы отрицаютъ Его существованіе. Для того, чтобы покорить меня, нужно будетъ или употребить насиліе или превратить меня окончательно въ животное.

«Безъ этой истинной философіи нѣтъ иного права кромѣ силы, кандаловъ и картечи, которые могутъ очутиться въ рукахъ самаго гнуснаго негодяя. Если бы Божественное Право и Провидѣніе могли быть оспариваемы простымъ здравымъ смысломъ, то какъ объяснить тогда дерзость тирана и низость раба?»

Я привожу съ удовольствіемъ здравыя разсужденія молодого французскаго писателя потому, что они оспариваютъ побѣдоносно тотъ принципъ, на основаніи котораго люди судятъ о всѣхъ событіяхъ въ мірѣ, какъ о простомъ результатѣ власти; власть же эта называется произвольною. На землѣ нѣтъ ничего произвольнаго, кромѣ поступковъ, противныхъ Божественной истинѣ и голосу совѣсти, неусыпленной привычкою къ преступленію. Какой-нибудь Атиллы, Чингисъ-ханъ, Неронъ, Людовикъ XI, Титъ, Генрихъ IV, Наполеонъ, султанъ, даже великій Моголь такъ же точно, какъ царь самаго маленькаго дикаго племени, пользуются властью только въ силу Божественнаго права, точно такъ же, какъ ею пользуются палаты у другихъ народовъ. Этимъ людямъ дана власть для того, чтобы осчастливить народы или составить ихъ несчастіе. Всякое могущество или власть исходятъ отъ Бога, не въ обиду будь сказано философамъ. Если бы міръ существовалъ еще милліонъ годовъ, то судьбы Божіи, которыя проявляются чрезъ его ставленниковъ, будь они Александры Македонскіе, Наполеоны или Мараты, достигли бы въ концѣ концовъ своей цѣли, тогда какъ имена исполнителей этихъ судебъ будутъ забыты, какъ забываются люди, сыгравшіе свою роль до конца.

Со времени американской революціи, бросившей въ Европу революціонный факелъ, который зажегъ во Франціи пламя, уничтожившее всѣ старинныя трактаты, на коихъ основывались публичныя права народовъ, Европа совершенно преобразилась, лишь только Наполеонъ лишился власти.

Франція, нѣсколько вѣковъ управляемая неограниченной монархической властью, представляла нѣчто вродѣ побочнаго правительства. Людовикъ XVIII, водворенный, какъ принято говорить, союзными монархами на престолѣ Бурбоновъ, не имѣлъ ни добросовѣстности, ни ума ставленника Божьяго, онъ не могъ угадать Его планы и исполнить Его повелѣнія. Онъ хотѣлъ царствовать милостью Божіею, но независимо отъ этой милости, руководствуясь только духомъ времени и робкой политикой своихъ современниковъ; ему приходилось найти между этими

двумя противоположностями среднюю точку и балансировать, чтобы удержаться на престоле. Тѣснимый съ одной стороны ультрароялистами, малочисленная партія которыхъ не могла перетянуть вѣсы на его сторону, съ другой—большинствомъ націи, привыкшей со времени революціи къ республиканскимъ взглядамъ, которые не могло искоренить слишкомъ кратковременное царствованіе Наполеона, Людовикъ XVIII былъ принужденъ дать конституціонную грамоту, къ которой стремится всякая революція. Предлогъ, чтобы царствовать, удался ему, такъ какъ въ ту эпоху великія державы, державшія Францію въ своей зависимости, находили для себя выгоднымъ помѣшать тому, чтобы въ Европѣ вспыхнула новая революція.

Его правленіе было образцомъ человѣческой осторожности, измышляющей всевозможные способы, чтобы не скользить по наклонной плоскости.

Ультрароялистъ и католикъ, онъ старался согласовать непримиримое: религію съ невѣріемъ, дворянство съ санкюлотизмомъ, интересы свои личные и своего дома съ интересами народа, привыкшаго считать себя самодержавнымъ. Надобно признать, что, обладая удивительнымъ тактомъ, Людовикъ съумѣлъ при жизни устранить всякое столкновение, какъ Карлъ X вызвалъ его, не съумѣвъ разрѣшить вопроса однимъ ударомъ. Царствованіе Людовика XVIII было новымъ доказательствомъ того, что онъ дѣйствовалъ исключительно въ своихъ личныхъ видахъ, не согласовавшихся съ видами Провидѣнія, которое готовило для Франціи иной порядокъ вещей.

Германія уже не была болѣе тою Священною Римскою имперіей, глава которой, эрцгерцогъ австрійскій, смотрѣлъ на своихъ властителей, называемыхъ курфюрстами, какъ на знатныхъ должностныхъ лицъ своей императорской короны, стоящихъ ниже его монаршаго достоинства. Австрія не имѣла болѣе въ Германіи того вліянія, какъ прежде. Ей нужно было отдохнуть отъ испытаннаго ею утомленія, чтобы упрочить новую роль, которую она должна была играть на континентѣ, какъ имперія. Возстановивъ свои матеріальныя потери, ей нужно было время, чтобы достигнуть полной независимости и имѣть вліяніе на дѣла.

Пруссія была поставлена наравнѣ съ первыми державами Европы. При Наполеонѣ ей угрожала одно время опасность быть вычеркнутой изъ списка королевствъ; послѣ его заточенія, ея границы были расширены до Рейна, она получила возможность держать въ боевой готовности армію, которая могла доставить ей преобладающее вліяніе на ея соудей и подавить всякую попытку возстанія внутри страны.

Голландія, Ганноверъ, Баварія, Виртембергъ сдѣлались второстепенными государствами, достаточно сильными, чтобы образовать монархическій авангардъ противъ республиканскаго движенія за предѣлами Рейна.

Остальныя маленькія германскія владѣнія радовались тому, что они не были долѣе безмолвными вассалами Наполеона съ званіемъ «членовъ Рейнскаго союза». Переимѣнивъ въ послѣдствіи это названіе на другое— «членовъ Германскаго союза», они только переимѣнили господина. Германія, находясь въ центрѣ Европы, можетъ быть раздавлена при первомъ столкновеніи колоссальныхъ державъ сѣверо-востока и юго-запада Европы. Прочія сѣверныя и южныя державы Европы, будучи увлечены въ борьбу, должны будутъ присоединиться къ той или другой изъ могущественныхъ державъ, которыя нападутъ съ двухъ концовъ континента на его центръ.

Италія, хотя держава воинственная, слишкомъ проникнута въ нравственномъ смыслѣ ультрамонтанскими взглядами, чтобы вліять непосредственно на Европу. Наполеонъ, водворивъ пану въ Ватиканѣ, прекрасно зналъ, что его власть не помѣшаетъ ему повелѣвать Италіей какъ провинціей своей Имперіи. Онъ далъ Риму королемъ своего сына, оспаривая у папы только его мірскую власть. Духовная власть папы была необходима и полезна Наполеону для того, чтобы помазать его и провозгласить императоромъ французовъ. Что могли сдѣлать погасшія молніи св. Петра противъ зажженныхъ факеловъ короля Италіанскаго. Когда Европа успокоилась плѣненіемъ Наполеона, то вліяніе Италіи на дѣла Европы сдѣлалось снова ничтожнымъ.

Власть папы, этого единственнаго защитника римско-католической вѣры, не имѣетъ болѣе политическаго значенія въ Европѣ. Это только послѣдняя нравственная преграда, препятствующая или задерживающая окончательную побѣду протестантизма, которое обязано своимъ существованіемъ и своимъ сохраненіемъ исключительно философіи, основанной на полной независимости мѣтній. Какъ только католики перестанутъ признавать папу или власть начальствующихъ лицъ, то единство вѣры рушится и весь западъ сдѣлается протестантскимъ или реформатскимъ. Дѣйствительно, несмотря на всѣ злоупотребленія, въ которыхъ исторія обвиняетъ Римъ и въ которыхъ по сей часъ можно обвинять его и нѣкоторыхъ личностей, опозорившихъ папскую тиару или злоупотреблявшихъ властію, которую она имъ давала, надобно сознаться, что эта тиара есть единственная власть, сохраняющая въ теченіе 18 вѣковъ единеніе вѣры въ западной католической церкви, которая одна изъ всѣхъ христіанскихъ церквей не раздражается смутами и сектами, чѣмъ не можетъ похвалиться протестантизмъ.

Австрія держитъ ключи Италіи и имѣетъ слишкомъ большое вліяніе на полуостровъ, чтобы Италія могла беспокоить Европу. Ея вліяніе на континентъ окончилось вмѣстѣ съ Наполеономъ.

Испанія и Португалія, эти геркулесовы столбы Европы, не имѣютъ на нее никакого вліянія точно такъ же, какъ Италія: прижатая къ

океану и къ Средиземному морю, онѣ должны бояться одной Англіи, которая властвуетъ даже надъ испанскою территоріей въ Гибралтарѣ. Вліяніе Франціи на эти двѣ страны не столь опасно. Пиренеи всегда будутъ парализовать враждебныя предпріятія французовъ. Чтѣ сдѣлалъ Наполеонъ, того не сдѣлать другому.

Русскій орелъ, испытавъ въ 1812 году свои силы и давъ себѣ отчетъ въ нихъ, не долженъ болѣе бояться ни востока, ни запада. Крылья этого орла съумѣютъ всегда отстранить всякое нападеніе на территорію, надъ которой онъ паритъ, и даже уничтожить всякую державу, которая захотѣла бы попытаться это.

Со скалы св. Елены Наполеонъ видѣлъ, какъ всѣ его братья, родственники и генералы или министры были свергнуты съ дарованныхъ имъ престоловъ. Всѣ эти престолы были вновь заняты ихъ законными монархами, которыхъ произволь посторонней силы лишилъ ихъ законныхъ правъ. Мюратъ заплатилъ жизнью за попытку вернуть неаполитанскій престолъ; короли Испанскій, Вестфальскій и ихъ братъ Луціанъ, ревностный республиканецъ, удовольствовались при своихъ огромныхъ состояніяхъ княжескими и графскими титулами. Одинъ Бернадоттъ, призванный Швеціей въ преемники Карла XIII и много способствовавшій низверженію власти Наполеона, остался неприкосновененъ на первой ступени престола Карла XII и носить до нынѣ, какъ король Скандинавіи, корону трехъ королевствъ.

Можно подумать, что Европа проливала въ продолженіе полувѣка свою кровь, только для того, чтобы видѣть на престолѣ это дѣтище французской революціи, который, родившись католикомъ, принялъ протестантство и сдѣлался королемъ страны, изгнавшей своихъ законныхъ монарховъ, чтобы повиноваться гасконцу. Увѣряйте послѣ этого, что монархи царствуютъ не по Божескому Праву и не по милости Того, Который допустилъ, чтобы въ одной изъ сѣверныхъ странъ была изгнана законная династія и на ея мѣсто возсѣлъ французъ, рожденный въ ничтожествѣ на берегахъ Гаронны.

Англія, имѣя въ своихъ рукахъ вмѣстѣ съ Гибралтаромъ Мальту и Іоническіе острова, успокоенная относительно морской торговли паденіемъ Наполеона, а съ нимъ вмѣстѣ и континентальной системы, не имѣя болѣе опасеній на счетъ своихъ владѣній въ Индіи, не находила никакого повода препятствовать водворенію мира въ Европѣ. Четверной союзъ еще не прельщалъ ее. Сентъ-Джемскій кабинетъ дѣйствовалъ заодно съ монархами, подписавшими актъ Священнаго Союза и, не участвуя въ этомъ актѣ, подписывалъ вмѣстѣ съ ними трактаты, опредѣлившіе тотъ порядокъ вещей, который установила на континентѣ только-что окончившаяся война.

Турція, утратившая при Махмудѣ до нѣкоторой степени свой національный характеръ, не внушала болѣе опасеній. Въ то время можно было предвидѣть, что ея паденіе будетъ неизбѣжно, какъ только она сдѣлается мишенью русской или англійской политики.

Можно сказать утвердительно, что политическое существованіе Пруссіи зависѣло всецѣло отъ вторженія французовъ въ Россію. Если бы Наполеону удалось, или, лучше сказать, если бы ему было суждено заставить императора Александра войти въ его намѣренія, то раздробленная Пруссія была бы вычеркнута изъ списка независимыхъ государствъ Европы и если бы даже Наполеонъ изъ уваженія къ Александру оставилъ Фридриху III королевскій титулъ, то онъ все же поставилъ бы его въ положеніе вассала, безмолвнаго исполнителя своей воли. Пруссія, возвышенная и расширенная, сдѣлалась перворазрядною великою державою. Служа авангардомъ Россіи, она заимствуетъ свою силу отъ этой Имперіи; будучи въ союзѣ съ нею, она повелѣваетъ всею Германіею до Рейна.

Однимъ словомъ, Россія и Пруссія такъ тѣсно связаны своими естественными интересами, что разрывъ этой тѣсной связи повлекъ бы за собою политическій упадокъ послѣдней и поставилъ бы первую въ положеніе постоянной неизвѣстности относительно Польши, которая никогда не сдѣлается Венгріей или хотя бы Ирландіей. Тѣсный союзъ Россіи, Австріи и Пруссіи, заключенный съ цѣлью помѣшать Польшѣ сбросить своими собственными силами иго, которое она несетъ, будучи включена во владѣнія этихъ трехъ великихъ державъ—единственное средство, способное удержать Польшу въ томъ положеніи, въ которомъ она находится. Мало нѣсколькихъ вѣковъ, чтобы лишить поляковъ ихъ національнаго характера и сдѣлать ихъ русскими, австрійцами и пруссаками. Ясно, что этотъ тревожный вопросъ долженъ внушать постоянныя опасенія, но такъ какъ раздѣлъ Польши уже совершился, то нѣтъ иного средства удержать ее кромѣ силы. Россія, Австрія и Пруссія волей-неволей должны были подать другъ другу руку для того, чтобы охранять клѣтку, въ которой онѣ держатъ Польшу, которая никогда не откажется отъ мысли возстановить свои старинныя права и вольности.

Дружба, существовавшая между Александромъ и Фридрихомъ, усиленная взаимными интересами обѣихъ державъ, была причиною брака, заключеннаго между братомъ русскаго императора и дочерью короля прусскаго. Этотъ бракъ упрочилъ союзъ двухъ монарховъ. Надобно было устранить отъ престола великаго князя Константина, прямаго наследника, такъ какъ императоръ Александръ былъ бездѣтенъ. Это было не трудно. Константинъ, вступившій въ мorganатическій бракъ съ полькой, дѣвицей Грудзинской, извѣстной подъ именемъ княгини Ловичъ, отказался отъ своего права царствовать послѣ брата, и дочь прусскаго короля

вступила въ бракъ со вторымъ братомъ императора, великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.

Европа была умиротворена силой. Союзныя арміи возвратились къ своимъ очагамъ. Императоръ Александръ возвратился въ свои владѣнія. Война окончилась плѣненіемъ Наполеона; во Франціи царствовала старшая линія Бурбоновъ. Германія была избавлена отъ подчиненія французскому скипетру, передъ которымъ заставилъ ее преклониться покровитель Рейнскаго союза; но въ ней сильно укоренился духъ либерализма. Не легко уже было подчинить слѣпому повиновенію цѣлое поколѣніе, всосавшее съ молокомъ пагубныя идеи новой философіи.

Религія не являлась болѣе нравственной уздой, сдерживавшею колеблющіеся умы въ повиновеніи вѣрѣ. Протестантство приучило ихъ къ независимости. Гражданскіе законы, безсильны; тамъ, гдѣ ихъ заставляютъ бояться веревка или топоръ палача, не могли болѣе сдерживать стремленія къ завоеванію той полной независимости мнѣній и дѣйствій, которую возбудило провозглашеніе правъ человѣка. Германія проповѣдывала эти права со всѣхъ своихъ университетскихъ кафедръ; въ ней возникали общества всевозможныхъ оттѣнковъ, чтобы поддерживать это стремленіе къ свободѣ, знамя которой Франція держала высоко. Всѣ страны, входившія въ составъ древней Римской имперіи, требовали конституцій. Либералы высказывали на словахъ и въ зажигательныхъ сочиненіяхъ все отвращеніе, которое имъ внушало мысль о произволѣ. Студентъ Зандъ убилъ Коцебу. Студенты другихъ университетовъ покушались убить г. Стурдзу, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, состоявшаго на русской службѣ, за то, что онъ издалъ сочиненіе, направленное противъ германскихъ университетовъ. Товарищество Тугендъ-Бунда и разныя ассоціаціи всевозможныхъ оттѣнковъ торжественно провозглашали войну монархическимъ принципамъ. Философія со всѣхъ кафедръ провозгласила себя защитницею правъ человѣка, ея адепты нападали на христіанскую религію и не признавали иныхъ истинъ, кромѣ тѣхъ, которыя допускаетъ разумъ и современная философія. Матеріальныя бѣдствія войны окончились, но за то велась ожесточенная война антимонархическихъ и антихристіанскихъ взглядовъ противъ религіи и престоловъ.

Императоръ Александръ, проникнутый либерализмомъ Лагарпа, проявлялъ до 1812 г., съ самаго восшествія своего на престолъ, такія наклонности, которыя придали смѣлость либеральной партіи, во главѣ которой стоялъ Сперанскій.

Въ Петербургѣ не было университета. Былъ основанъ Педагогическій институтъ для образованія профессоровъ, и студенты духовныхъ семинарій поступали въ институтъ для прохожденія курса наукъ и

занятія потомъ мѣстъ учителей въ низшихъ школахъ и мѣстъ профессоровъ въ университетахъ. Профессоровъ изъ нѣмецкихъ университетовъ не хотѣли приглашать; русскому посланнику въ Вѣнѣ было поручено найти въ австрійскихъ владѣнiяхъ людей способныхъ занять кеедры института: предполагалось, что народное образованiе въ Австрiи было благонадежныѣ доктринъ нѣмецкихъ философовъ. Тѣмъ не менѣе духъ, въ которомъ преподавали въ институтѣ философію и право, нисколько не отличался отъ того духа, въ которомъ эти науки преподавались въ Германiи.

Приглашенные въ институтъ личности карпато-русскаго происхожденiя были простыми школьными учителями, начиненные обыденною схоластикой и мало способные образовать хорошихъ преподавателей, а тѣмъ менѣе хорошихъ профессоровъ; но такъ какъ дѣло шло объ ихъ собственныхъ интересахъ, то они взялись за дѣло съ очень ограниченными способностями и съ весьма скуднымъ знанiемъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ; придерживаясь современной философіи и руководствуясь нѣмецкими авторами, чтобы преподавать философію, права, политическую экономію и тѣ жалкіе клочки науки, облеченные въ разныя теорiи, которыя именуются въ Германiи статистикою, финансовою наукой и камеральными науками. Вся эта идеологія еще болѣе способствовала распространенію пагубныхъ взглядовъ въ дѣлѣ народнаго образованiя.

Въ Царскомъ Селѣ былъ основанъ лицей для дворянства по примѣру французскихъ коллегій. Императоръ хотѣлъ посадить въ немъ на ученическую скамью своихъ меньшихъ братьевъ, чтобы пріобрѣсти имъ народную любовь, но эта мысль не осуществилась. Великіе князья не учились въ лицей. Нельзя пройти также безъ вниманiя, что нѣмецъ, по имени Фесслеръ, былъ приглашенъ преподавать древніе языки и философію въ духовной православной Александро-Невской академіи. Фесслеръ, философъ и протестантъ, былъ вскорѣ обвиненъ и уволенъ; но это не помѣшало ему получить впослѣдствіи мѣсто суперъ-интендента протестантской епархіи въ одной изъ внутреннихъ губерній Имперiи.

До своего паденiя Сперанскій былъ единственнымъ двигателемъ, пускавшимъ въ ходъ всѣ эти либеральныя нововведенiя. Александръ еще мало зналъ страну и вѣрилъ чистосердечно во все, что, какъ ему казалось, способствовало благосостоянію Имперiи. Приходится сознаться, что самыя благія намѣренiя не приводятъ къ хорошимъ результатамъ, если они не основываются на опытности.

Александръ пріобрѣлъ эту опытность со времени своего разрыва съ Наполеономъ. Нашествіе французовъ, война, которую ему пришлось вести, его усилiя, успѣхи, путешествiя—все научило его отличать теорію отъ дѣйствительности, все убѣдило его въ томъ, что расчетъ на

случайности не можетъ быть допущенъ въ искусствѣ царствовать. Пятнадцатъ лѣтъ испытаній, противодѣйствія, разочарованій утомили его. Вложивъ мечъ въ ножны, онъ мечталъ заняться дѣйствительнымъ благосостояніемъ своей обширной Имперіи. Но время не въ рукахъ человѣка. Сегодня побѣдитель, завтра побѣжденный, человѣкъ на престолѣ и на соломѣ можетъ только быть исполнителемъ воли Провидѣнія, которое всѣмъ повелѣваетъ, всѣмъ руководить. Если онъ осмѣлится преслѣдовать свои собственные планы и поступать по своей волѣ, игнорируя руку, управляющую имъ, онъ все запутываетъ и погибаетъ подъ бременемъ, которое онъ самъ навлекъ на свою голову. Его замѣняетъ другой, который подвергнется той же участи, если и онъ отдалится отъ начертаннаго судьбою пути.

Добрыя намѣренія, врожденныя характеру Александра, остались все тѣ же, но тяжелыя испытанія и разочарованія, которыя ему пришлось пережить, утомили его и ослабили его силу воли. Десять лѣтъ спустя послѣ нашествія французовъ онъ уже не былъ могущественнымъ двигателемъ въ рукахъ Создателя міра, направлявшаго его для того, чтобы унижить гордость другаго двигателя, который не призналъ своего назначенія, ставя свою славу и свою волю выше могущества и неисповѣдимыхъ судебъ Божественнаго Провидѣнія.

Либерализмъ пустилъ довольно глубокіе корни, съ тѣхъ поръ какъ общественное воспитаніе и образованіе были построены на принципахъ, чуждыхъ нравамъ, правительству и религіи страны. Военные, которые провели довольно долгое время во Франціи, незамѣтно усвоили себѣ привычки и взгляды, не согласовавшіеся со строгой дисциплиною русской арміи; вообще, во всѣхъ классахъ общества замѣчалось стремленіе къ независимости, вызвавшее потрясеніе, которое не могло остаться безъ послѣдствій.

Вѣдомство народнаго просвѣщенія, преобразованное въ царствованіе Александра и образовавшее отдѣльное министерство, было, къ сожалѣнію, организовано весьма плохо.

Академія наукъ, существовавшая въ Петербургѣ, и Московскій университетъ не были доступны въ предъидущее царствованіе большинству, и поэтому на нихъ нельзя было смѣтрѣть, какъ на общественныя учебныя заведенія. Точно также нельзя было считать разсадниками просвѣщенія школы, находившіяся въ большихъ городахъ и не возвышавшіяся выше понятій посѣщавшихъ ихъ учениковъ, и малое количество частныхъ пансіоновъ, которые удовлетворяли потребности въ поверхностномъ образованіи мелкопомѣстнаго дворянства, которое не было въ состояніи оплачивать учителей, приглашаемыхъ на годъ или получавшихъ вознагражденіе поурочно. Учрежденіе министерства было,

слѣдовательно, основаніемъ, на которомъ должно было быть воздвигнуто новое зданіе. Завадовскій, бывшій фаворитъ Екатерины, первый министръ народнаго просвѣщенія въ Россіи, не былъ человѣкомъ, способнымъ предвидѣть, что судьба Имперіи будетъ зависѣть отъ духа, коимъ будетъ руководствоваться это министерство. Такъ какъ въ странѣ еще не было университетовъ, кромѣ Московскаго, то его оставили безъ измѣненій въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ ранѣе, и занялись устройствомъ гимназій и образцовыхъ школъ, стараясь вмѣстѣ съ тѣми увеличить штатъ преподавателей. Его преемникъ, графъ Алексѣй Разумовскій, человѣкъ умный, весьма образованный и просвѣщенный, былъ въ состояніи руководить научнымъ образованіемъ, но онъ былъ слишкомъ знатный вельможа, чтобы не положиться на своихъ подчиненныхъ или чтобы противиться толчку, идущему свыше. Въ юности онъ никогда не слушалъ публичныхъ лекцій и менѣе всего былъ знакомъ съ духомъ школьнаго преподаванія и съ особенностями преподавателей, чтобы на основаніи этого передѣлать систему, на которой должно было быть основано образованіе. Во время управленія имъ министерствомъ были основаны университеты въ Вильнѣ, Дерптѣ, Харьковѣ и Казани. Студенты, стипендіаты казны, были взяты изъ духовныхъ семинарій; что касается профессоровъ, то нѣкоторые изъ нихъ были вызваны изъ Германіи, другіе были взяты изъ иностранцевъ, находившихся въ Россіи и служившихъ преподавателями въ частныхъ домахъ; нѣсколько русскихъ учителей, преподававшихъ въ дореформенныхъ школахъ или окончившихъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, дополняли составъ преподавателей на различныхъ факультетахъ вновь учрежденныхъ университетовъ; они же поступали слушателями главнаго Педагогическаго института, основаннаго въ Петербургѣ. Всѣ эти университеты и школы были основаны по образцу нѣмецкихъ университетовъ и школъ. Имперія была раздѣлена на учебные округа; для надзора за ними были назначены кураторы.

Новизна дѣла была причиною, что злоупотребленія легко могли вкрасться въ систему образованія и въ администрацію университетовъ, гимназій и школъ, коимъ были даны различныя права и привилегіи. Степень доктора давала чинъ 8 класса; это было большое преимущество въ странѣ, гдѣ чинъ даетъ потомственное дворянство, со всѣми присвоенными этому званію правами и преимуществами. Низшія ученыя степени также были приравнены къ извѣстному чину, дающему права личнаго дворянства. Аттестаты, дипломы и всѣ эти ученыя званія продавались съ публичнаго торга.

Проводя свои реформы, Сперанскій не терялъ изъ виду униженія потомственнаго дворянства, къ чему стремились всѣ русскіе монархи

со временъ Іоанна III, повелѣваша сжечь всѣ документы, подтверждавшія права бояръ.

Быль изданъ законъ, въ силу котораго дворянинъ, не окончившій университетскаго образованія, не могъ быть произведенъ въ чинъ, соотвѣтствовавшій 8 классу; эта мѣра умаляла значеніе дворянскаго званія, такъ какъ, не имѣя чина, ни одинъ дворянинъ не могъ добиться высшихъ должностей или занимать видныхъ мѣстъ, которыя, въ силу новаго закона, становились доступны только студентамъ университета, взятымъ изъ среды духовенства, и лицамъ, получившимъ воспитаніе въ гимназіяхъ и корпусахъ и принадлежавшимъ къ семьямъ личныхъ дворянъ или вышедшимъ изъ военнаго сословія; тѣ и другіе составляли двѣ трети всего російскаго дворянства, такъ какъ всякій плебей, достигшій чина юнкера, становится въ Россіи потомственнымъ дворяниномъ (?), а всякій статскій, дослужившійся на гражданской службѣ до чина 14 класса, получаетъ званіе личнаго дворянина. Сперанскій создалъ этимъ себѣ много приверженцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе потомственнаго дворянства было ослаблено поступленіемъ въ его среду многочисленныхъ выскочекъ, пользовавшихся всѣми правами этого сословія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что для страны могутъ быть полезны нѣкоторыя политическія мѣры, къ которымъ правительство прибѣгаетъ иногда для избѣжанія могущей произойти рано или поздно коллизіи, которая всегда пагубна для государства, въ коемъ меньшинство пользуется слишкомъ большими преимуществами, въ ущербъ большинству; тѣмъ не менѣе надобно сказать, что не всѣ политическія мѣры, принимаемыя въ администраціи страны, способствуютъ благосостоянію народа, у котораго онѣ вводятся. Для народа существуетъ возрастъ; этого не слѣдуетъ забывать.

Русскій народъ еще не вышелъ изъ дѣтства. Съ нимъ еще нельзя говорить о свободѣ. Быть можетъ, его толкали слишкомъ насильственно на путь цивилизаціи. Люди не спаржа, а народное просвѣщеніе не теплица, но оно бываетъ опасною миною, которая можетъ взорвать на воздухъ цѣлое зданіе. Въ русскихъ университетахъ, лицеяхъ и высшихъ заведеніяхъ и въ частныхъ домахъ проповѣдывались всѣ пагубныя теоріи современной философіи. Нѣмецкія системы естественнаго права, принятыя русскими и иностранными профессорами, представляли нѣчто чудовищное и объявляли открыто войну всѣмъ нравственнымъ принципамъ. Ученіе Шеллинга и вся нѣмецкая философія и исторія, которая преподавались съ каеэдръ и проповѣдывались въ печати, дерзко подрывали основы священнаго писанія. Моисея ставили на-ряду съ языческими авторами, его описаніе потопа сравнивали съ потопомъ Девкаліона. Преданія іудеевъ, персовъ подрывали преданія Библии. Бо-

жественное право и монархическій принципъ одинаково отвергались и опровергались. Распушенность нравовъ распространялась среди воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Провозглашеніе правъ, которыя проповѣдывалъ Маратъ, не могло бы принести болѣе вреда.

Священный Союзъ былъ сокровеннымъ замысломъ прекрасной души Александра. Это была божественная поэзія, которую профаны не могли оцѣнить. Вотъ почему этотъ союзъ такъ не нравился либераламъ. Испытавъ въ первую половину своего царствованія всѣ превратности человѣческой судьбы, Александръ понялъ, что скипетръ не есть магическая палочка, одаренная такою властью или такимъ могуществомъ, передъ которымъ все должно преклоняться, и что даже мечъ въ рукахъ Наполеона не составляетъ залога безопасности, недоступной превратностямъ судьбы. Онъ увидалъ, что есть сверхъестественная сила, или власть, управляющая всѣмъ въ мірѣ, онъ убѣдился въ томъ, что человѣкъ могучъ только тогда, когда онъ одаренъ этой силой, и это сознаніе внушило ему мысль, что земные цари должны быть только исполнителями этой власти, возлагающей на главу ихъ вѣнцы, чтобы предписывать имъ свои законы и ихъ обязанности. Онъ захотѣлъ царствовать, какъ представитель этой высшей власти, и это желаніе внушило ему тотъ актъ, который онъ составилъ и предложилъ подписать двумъ преданнымъ и ревностнымъ своимъ сотрудникамъ: Францу II и Фридриху III, пригласивъ всѣхъ прочихъ монарховъ Европы присоединиться къ нему.

Только злоба можетъ отрицать его благія при этомъ намѣренія. Принимая въ своихъ дѣйствіяхъ за правило законъ, данный намъ Богомъ, Развѣ онъ не приносилъ въ жертву своей собственной воли? Развѣ онъ не отказывался отъ произвола? Развѣ онъ не объявлялъ себя врагомъ всякаго насилія, всякой неограниченной власти, добровольно преклоняясь передъ волею Того, Который не дѣлаетъ различія между рабомъ и свободнымъ, Того, Кто называетъ себя отцомъ, чтобы сдѣлать всѣхъ людей братьями. Что можно сказать противъ такой философіи? Какое зло можетъ она сдѣлать человечеству? Развѣ англійская, американская и французская конституціи болѣе человѣчны, нежели эта Божественная конституція. Тиранинъ, который заставляетъ трепетать передъ собою именемъ Бога, никогда не посмѣетъ Его именемъ оправдывать свои жестокости.

Философскій либерализмъ, вооружившись противъ Священнаго Союза, возставалъ противъ принципа, внушившаго этотъ союзъ, точно такъ же, какъ онъ возстаетъ противъ евангелія потому, что евангеліе не допускаетъ никакихъ преимуществъ одного смертнаго въ ущербъ другому. Евангеліе проповѣдуетъ повиновеніе всѣхъ людей одному только Богу.

Можетъ ли тотъ, кто повинуется Божественному закону, быть тиранномъ себѣ подобнымъ.

Если между людьми родятся чудовища, то это не значить, что всѣ люди—чудовища.

Міръ не былъ еще на высотѣ принципа Священнаго Союза. Говоря человѣческимъ языкомъ, ему слѣдовало бы еще оставаться подъ желѣзнымъ скипетромъ Наполеона! Императоръ Александръ, постигшій принципъ, который былъ выраженъ имъ въ вышеупомянутомъ актѣ, вернувшись въ свои владѣнія, убѣдился на опытѣ, что лучшія намѣренія не въ состояніи преобразовать людей и что 18 вѣковъ, въ теченіе которыхъ люди исповѣдуютъ христіанство, было недостаточно, чтобы сдѣлать ихъ христіанами. Принципъ Священнаго Союза руководилъ Александромъ во всѣхъ его мѣропріятіяхъ, но ему пришлось уступить силѣ событій, парализовавшихъ его намѣренія. Онъ увидалъ, что народное просвѣщеніе не согласовалось съ его планами нравственнаго обновленія общества; но онъ не отступилъ передъ затрудненіями. Министерство народнаго просвѣщенія было преобразовано въ корнѣ. Два самые могущественные двигателя человѣческихъ желаній и дѣйствій—религія и образованіе, были тѣсно связаны въ вѣдомствѣ новаго министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Религія должна была освящать и направлять народное образованіе.

Со времени нашествія на Россію французовъ, Александръ проявлялъ чисто христіанское смиреніе во всѣхъ случаяхъ, когда онъ могъ напомнить народу, что онъ возлагалъ всѣ свои надежды на спасеніе на всемогущество Того, Который унижаетъ и возвышаетъ царства. Основываясь на этомъ, онъ сказалъ въ одномъ изъ своихъ манифестовъ, что онъ не вложитъ меча въ ножны до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ непріятель останется на русской землѣ. Вернувшись со своими побѣдоносными войсками изъ Парижа, умиротворивъ Европу и возвративъ на престолы монарховъ, низвергнутыхъ Наполеономъ, онъ объявилъ свое намѣреніе воздвигнуть храмъ, посвященный Спасителю міра; этотъ храмъ былъ бы вѣковѣчнымъ памятникомъ, который напоминалъ бы потомству, что Россія обязана своимъ спасеніемъ единому Богу. Такое признаніе въ устахъ могущественнаго монарха, только-что побѣдившаго силу, грозившую поработить весь міръ и которую никакая человѣческая власть не могла остановить,—было достойно вещественнаго памятника. И хотя намѣреніе Александра осталось невыполненнымъ, исторія, говоря о достопамятныхъ годахъ, подготовившихъ паденіе Наполеона, никогда не забудетъ вписать въ свои скрижали столь смиренное и великодушное признаніе, которое Александръ торжественно провозгласилъ, объявивъ о своемъ намѣреніи воздать Божіе Богови, не присвоивая себѣ

успѣховъ, которые были завоеваны міру его твердостью и безкорыстіемъ. Какая разница въ рѣчахъ, если сравнить прокламаціи корсиканца, императора французовъ, съ манифестами самодержца всея Россіи! Манифестъ, возвѣщавшій о намѣреніи императора Александра воздвигнуть въ Москвѣ храмъ, во имя Спасителя міра, приглашалъ, въ то же время, русскихъ и иностранныхъ архитекторовъ присылать въ Императорскую академію художествъ въ Петербургъ планы и проекты этого храма и принять участіе въ конкурсѣ, который будетъ открытъ по этому поводу.

Утомленіе войны и бурное царствованіе повліяли роковымъ образомъ на характеръ Александра. По чувствамъ, которыя его одушевляли, онъ не могъ царствовать деспотично; его намѣреніе дать странѣ либеральную конституцію было преждевременно, и этотъ планъ былъ разрушенъ, быть можетъ ко благу страны, интригою, не дозволившей осуществитъ его: твердость оставила императора. Пресыщенный славой, могуществомъ, наслажденіями, онъ впалъ въ томленіе, скуку и не хотѣлъ болѣе принимать непосредственнаго участія въ дѣлахъ внутренняго управленія. Этотъ упадокъ энергіи былъ болѣе роковымъ, чѣмъ безмолвное отреченіе. Монархъ, какъ говоритъ Макіавель, долженъ прибѣгать къ совѣтамъ, когда онъ находитъ это нужнымъ, но не тогда, когда этого хотятъ другіе. Самодержавный монархъ, руководимый постороннимъ вліяніемъ или расчетомъ, дѣлаетъ болѣе зла своей странѣ, чѣмъ сдѣлали бы самыя заклятые ея враги. Если онъ ошибается, то онъ ошибается одинъ; если его обманываютъ совѣтники, то онъ будетъ постоянно ошибаться и, какъ совершенно справедливо говоритъ Макіавель, если монархъ чувствуетъ себя неспособнымъ царствовать, то ему слѣдуетъ передать власть въ руки одного человѣка, имъ самимъ избраннаго, а не слѣдовать наущеніямъ многихъ. Александръ думалъ найти этого «одного» въ лицѣ графа Аракчеева, любимца своего отца, котораго онъ возвелъ до первыхъ ступеней престола. Онъ поставилъ его между собою и всѣми частями администраціи. Министры не имѣли болѣе прямого доступа къ императору. Государственный Совѣтъ и Комитетъ министровъ представляли свои заключенія на рѣшеніе графу Аракчееву. Онъ сдѣлался единственнымъ органомъ воли его монарха.

Аракчеевъ, дворянинъ Новгородской губерніи, рожденный отъ весьма недостаточныхъ родителей, былъ помѣщенъ въ дѣтствѣ въ инженерный корпусъ¹⁾. Имѣя возможность сдѣлать карьеру только благодаря своимъ собственнымъ способностямъ, онъ усердно предавался изученію военныхъ наукъ. По окончаніи курса, онъ получилъ мѣсто преподавателя въ корпусѣ и, достигнувъ чина майора, нашелъ доступъ къ импе-

¹⁾ Не вѣрно.

ратору Павлу, въ то время бывшему наслѣдникомъ престола, который допустилъ его въ число немногихъ приближенныхъ къ нему лицъ. Аракчеевъ, не имѣя ни состоянія, ни покровителей, употребилъ всѣ средства, чтобы снискать благоволеніе великаго князя, и, благодаря точному исполненію его воли, сдѣлался вскорѣ самымъ преданнымъ его слугою. Не получивъ инаго образованія, не зная иностранныхъ языковъ, кромѣ нѣмецкаго, изученнаго рутинно, онъ расширилъ кругъ своихъ познаній чтеніемъ и серьезнымъ изученіемъ наукъ, входящихъ въ кругъ военныхъ знаній. Имѣя характеръ непреклонный, онъ счумѣлъ однако подчиниться требованіямъ своего монарха и добиться этимъ его полнаго довѣрія, которое онъ поддерживалъ прямою своего поведенія, держась вдали отъ придворныхъ интригъ; это доставило ему впослѣдствіи девизъ, написанный въ его гербѣ: «Безъ лести преданъ», титулъ графа и состояніе, приносившее въ моментъ его смерти 200 тысячъ рублей годоваго дохода. При восшествіи на престолъ Павла, онъ былъ майоромъ, или подполковникомъ и въ скоромъ времени возвысился до чина генераль-лейтенанта и генераль-адъютанта ¹⁾. Онъ былъ главнымъ двигателемъ по военному вѣдомству и самымъ преданнымъ слугою своего монарха. Передъ смертью Павла все было пущено въ ходъ, чтобы отдѣлить его отъ монарха вмѣстѣ съ Ростопчинымъ; заговорщики отлично знали, что присутствіе этихъ двухъ лицъ разрушитъ ихъ планы.

Двойственность, съ какою долженъ былъ дѣйствовать императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, чтобы не вызвать неудовольствія тѣхъ лицъ, которыя вложили въ его руки скипетръ довѣріемъ къ человеку, который былъ ненавидимъ въ царствованіе его отца, заставила его противъ воли отдалить отъ себя Аракчеева; онъ получилъ отставку и уѣхалъ въ свое прекрасное помѣстье, въ Новгородской губерніи, которое перешло, послѣ его смерти, послѣдовавшей въ царствованіе императора Николая, въ собственность кадетскаго корпуса, основаннаго въ Новгородѣ и носящаго названіе Аракчеевскаго. Онъ умеръ бездѣтнымъ, лишивъ наслѣдства своихъ братьевъ и оставя громадное состояніе въ распоряженіе своего монарха, выговоривъ въ завѣщаніи только одно право: положить въ государственный банкъ 50 тысячъ рублей, которые черезъ сто лѣтъ составятъ капиталъ, превышающій миллионъ, и будутъ выданы въ вознагражденіе за лучшую исторію царствованія его благодѣтеля императора Александра, представленную на конкурсъ, сто лѣтъ спустя послѣ его кончины. Какъ ни кажется страннымъ подобное завѣщаніе, но оно доказываетъ, что Аракчеевъ хотѣлъ воз-

¹⁾ Всѣ біографическія свѣдѣнія, сообщаемыя Руничемъ объ Аракчеевѣ, не точны. Ред.

двинуть вѣковѣчный памятникъ Александру. Современники льстивы. По прошествіи вѣка лести утрачиваетъ свое значеніе. Потомство можетъ лгать и льстить только по невѣжеству. Мысль Аракчеева, весьма наивная, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрная, не можетъ быть искажена. Даже у Нерона были при жизни люди, воспѣвавшіе ему панегирики. Когда исторія не подтверждаетъ самымъ неоспоримымъ образомъ, что Божественное Провидѣніе все, а человѣкъ ничто, она дѣлается самой гнусной и опасной для человѣчества ложью (?).

Упрочившись на престолѣ, Александръ снова призвалъ Аракчеева, и въ эпоху его смерти Аракчеевъ, какъ я уже сказалъ выше, былъ всесилень.

Основаніе военныхъ поселеній въ Россіи относится къ тому времени, когда графъ Аракчеевъ былъ всемогущъ. Было бы трудно доказать фактами, былъ ли этотъ планъ задуманъ самимъ императоромъ или предложенъ Аракчеевымъ ¹⁾; но несомнѣнно, что, приведенный скорѣ въ исполненіе, онъ былъ полезенъ для цивилизаціи народа, коего низшіе классы были еще погружены въ невѣжество, и что поселенія служили разсадникомъ для комплектованія арміи, въ которомъ солдатъ долженъ былъ всосать съ материнскимъ молокомъ военные привычки и взгляды. Русскій народъ, какъ я уже сказалъ, пребывая въ своемъ невѣжествѣ и апатіи, врагъ всякаго порядка и нововведеній.

Въ военномъ поселеніи крестьянинъ находился подъ такой суровой опекою, которая совершенно лишала его свободы. Трудно было подчинить этому режиму крестьянина, привыкшаго видѣть въ сельскомъ занятіи прелесть независимости. Крестьянъ, жившихъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ большинство населенія держится упорно старыхъ обрядовъ и старинныхъ обычаевъ, было еще труднѣе подчинить новымъ правиламъ и заставить признать порядокъ вещей, который они считали противнымъ вѣрованіямъ ихъ отцовъ, ихъ душевному спасенію и ихъ интересамъ, которые они прикрывали этими разсужденіями.

Для перваго опыта была избрана Новгородская губернія, чтобы облегчить графу Аракчееву, владѣвшему тамъ огромными помѣстьями, возможность устроить образцовыя поселенія и наблюдать за ними лично. Въ то же время близость къ столицѣ давала возможность быстро придти на помощь въ томъ случаѣ, если бы принятіе суровыхъ мѣръ потребовало поддержки вооруженной силы. Казенныя земли, назначенныя для

¹⁾ Въ настоящее время точно извѣстно, кто былъ творцомъ военныхъ поселеній.

поселеній, были заселены старообрядцами и прочими раскольниками, потомками старинной новгородской вольницы; это было населеніе непокорное, дорожившее своими старинными правилами, и его постоянно приходилось сдерживать силой, которую русскіе монархи употребляли искони противъ гражданъ, входившихъ въ составъ ганзейской республики, всегда оказывавшихъ этой вооруженной силѣ дружный отпоръ.

То же противодѣйствіе обнаружилось, когда ихъ принудили принять нравы, не согласовавшіеся съ ихъ непреклоннымъ характеромъ, который выработался подъ вліяніемъ ихъ религіозныхъ вѣрованій. Перемѣна костюма и обязательство обрить бороду, непремѣнную принадлежность старообрядцевъ, казались имъ уступкой, которая повлечетъ за собою муки ада. По своей глупости или по расчету они уступили только передъ суровыми мѣрами Аракчеева, не отказываясь, однако, отъ своей вѣры. Новгородскія военныя поселенія были учреждены; населеніе болѣе ста тысячъ душъ было обрито и одѣто по-полувоенному. Въ сельскомъ хозяйствѣ и въ образѣ жизни поселянъ былъ введенъ порядокъ, совершенно отличный отъ ихъ привычекъ. Строгая дисциплина была введена даже въ частную жизнь крестьянъ; были предприняты громадныя работы, сооружались колоссальныя каменныя зданія, словомъ, внѣшній видъ поселеній представлялъ такую перемѣну, что казалось, будто она была произведена мановеніемъ волшебнаго жезла. Въмѣстѣ съ крестьянами былъ поселенъ армейскій корпусъ, и нѣсколько лѣтъ спустя новгородскія военныя поселенія представляли картину самаго великолѣпнаго порядка, изобилія и стройной жизни, дотошъ невиданной. Но подъ пепломъ тлѣлъ огонь возстанія; всѣ бывшіе свидѣтелями бунта, вспыхнувшего въ этихъ поселеніяхъ въ царствованіе императора Николая, въ то время, когда холера свирѣпствовала въ обѣихъ столицахъ и въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ Имперіи, или знавшіе подробности этого событія, согласятся вѣроятно съ тѣмъ, что лишеніе свободы никогда не забывается народомъ. Самые безчеловѣчныя ужасы и жестокости проявились въ этихъ поселеніяхъ не только по отношенію къ начальствующимъ лицамъ и служащимъ; но даже ихъ жены и дѣти подвергались пыткамъ, отъ которыхъ содрагается воображеніе, или были безжалостно убиты. Вооруженная сила положила конецъ всѣмъ этимъ ужасамъ. Военныя поселенія были приведены къ порядку; главные зачинщики были судимы военнымъ судомъ, наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь. Наказанію подверглась, какъ говорятъ, треть всѣхъ военныхъ поселянъ. Поселенія, учрежденныя въ Бѣлорусіи и Новороссійскомъ краѣ, не принимали участія въ бунтѣ; они остались неприкосновенны; но въ ихъ управленіи были введены незначи-

тельные измѣненія. Новгородскія военныя поселенія были совершенно преобразованы, и ихъ населеніе образовало классъ крестьянъ, извѣстныхъ въ Россіи съ давнихъ временъ подъ именемъ «солдатъ-землепашцевъ».

Перев. В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ Д. П. Рунича.

IX ¹⁾.

Назначенія: М. М. Сперанскаго пензенскимъ губернаторомъ, М. Л. Магницкаго симбирскимъ и Ключарева сенаторомъ.— Судьба реформъ императора Александра I.— Масонство.— А. О. Лабзинъ и его характеристика.— Проектъ о построеніи храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ въ Москвѣ.— А. Витбергъ.— М. А. Нарышкина.— Семеновская исторія.— Наводненіе въ Петербургѣ.

Когда прекратились конгрессы, коими былъ выработанъ новый порядокъ вещей въ Европѣ, перевернутой верхъ дномъ французской революціей и всемогуществомъ Наполеона, то Александру предстояло еще обширное поле дѣятельности для осуществленія тѣхъ предпріятій, которыя онъ имѣлъ въ виду. Но, какъ я уже замѣтилъ выше, лишь только монархъ или хотя бы даже частный человѣкъ перестаютъ быть орудіемъ Providѣнія, коимъ оно пользуется для выполненія своихъ цѣлей, то планы людей, также требующіе усилій для своего осуществленія, вскорѣ истощаютъ человѣческія силы. Испытанныя разочарованія дѣлаютъ человѣка робкимъ, боязливымъ, неудачи, которыя предвидятся въ будущемъ, парализуютъ его энергію. Лишь только человѣкъ начинаетъ соразмѣрять свою дѣятельность со временемъ, онъ тотчасъ теряетъ бодрость духа. Незвѣстность того, что принесетъ завтрашній день, парализуетъ самую пылкую дѣятельность. Какъ только чувство незави-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1901 г.

симости 'отъ времени смѣняется неизвѣстностью, душою овладѣваетъ равнодушіе и человѣкъ утрачиваетъ способность къ дѣятельности! Душа впадаетъ въ какое-то оцѣпенѣніе, которое она не въ состояніи поборотъ; всѣ ея порывы разсѣваются, какъ тѣни, или ослабѣваютъ, какъ пружина, утратившая свою упругость. Нравственное прозябаніе дѣлаетъ жизнь тягостной для существа дѣятельнаго и мыслящаго. Это состояніе оцѣпенѣнія бываетъ въ тягость тому, кого оно постигнетъ. Александръ могъ насиловать себя только до тѣхъ поръ, пока нравственныя силы не оставили его окончательно. Растительная жизнь упитываетъ тѣло только тѣхъ чудовищъ человѣческаго рода, которыя живутъ жизнью улитки; она убиваетъ людей, одушевленныхъ безсмертнымъ духомъ.

Когда прелесть славы и успѣха перестала ослѣплять воображеніе Александра, онъ вспомнилъ о Сперанскомъ, Магницкомъ и Ключаревѣ, участь которыхъ все еще не была рѣшена. Я не знаю, какъ это произошло, такъ какъ я могу основываться только на фактахъ; какъ бы то ни было, появился указъ о назначеніи Сперанскаго на должность гражданскаго губернатора въ Пензу, а Магницкаго въ Симбирскъ. Въ указѣ говорилось, что Сперанскій получаетъ это мѣсто для того, чтобы имѣть возможность «оправдаться». Странная развязка, если подумать, что этотъ человѣкъ, занимавшій должность статсъ-секретаря—одну изъ важнѣйшихъ въ Имперіи, былъ неожиданно арестованъ и сосланъ подъ надзоръ полиціи въ одну изъ отдаленныхъ губерній по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ, но былъ сосланъ безъ суда, а между тѣмъ онъ помилованъ по желанію императора для того, чтобы дать ему возможность «оправдаться». До сихъ поръ неизвѣстно, что была за причина постигшаго его, столь тяжкаго испытанія, но нельзя предполагать, что съ его стороны была измѣна, коль скоро онъ былъ назначенъ впоследствии генераль-губернаторомъ Сибири, затѣмъ членомъ комитета, учрежденнаго въ Петербургѣ для выработки новой системы администраціи этой далекой окраины, соприкасающейся съ Китаемъ и Америкою, и умеръ кавалеромъ всѣхъ російскихъ орденовъ, членомъ Государственнаго Совѣта и графомъ. Эти соображенія только подтверждаютъ мысль о существованіи интриги, о которой я говорилъ выше и которая можетъ разъясниться вполнѣ только черезъ сто лѣтъ. Секретныя дѣйствія неограниченнаго правительства лишаютъ исторію возможности освѣтить факты въ высокой степени любопытные. Не имѣя положительныхъ данныхъ, она даетъ волю предположеніямъ и въ концѣ концовъ замѣняетъ истину баснями или клеветою.

Изъ Симбирска Магницкій перешелъ въ вѣдомство народнаго просвѣщенія, былъ назначенъ членомъ совѣта министра и попечителемъ Казанскаго университета, но закончилъ свою карьеру въ заточеніи въ Одессѣ; я буду впоследствии еще говорить о немъ.

Ключаревъ былъ назначенъ сенаторомъ, получилъ аренду и умеръ почти въ нищетѣ. Чтобы закончить исторію его жизни съ того времени, какъ онъ былъ свергнутъ Ростопчинымъ съ мѣста московскаго почтъ-директора, я долженъ, въ интересахъ истины, передать здѣсь одинъ фактъ, доказывающій невинность этого чиновника, долготѣнная служба котораго всегда была цѣнима его монархомъ, и вопіющее злоупотребленіе власти со стороны Ростопчина въ то время, когда онъ былъ назначенъ московскимъ генераль-губернаторомъ, за шесть недѣль или за два мѣсяца до занятія этого города Наполеономъ.

Когда Ключаревъ былъ арестованъ, то его кабинетъ былъ опечатанъ; охрана этихъ печатей была поручена чиновникамъ почтоваго вѣдомства. Я, какъ помощникъ почтъ-директора, долженъ былъ вступить въ исполненіе его обязанностей; я добился разрѣшенія генераль-губернатора, чтобы семейству Ключарева было разрѣшено препроводить въ надежное мѣсто ихъ движимое имущество, такъ какъ городъ былъ взволнованъ при приближеніи непріятельскихъ войскъ и жители принимали всевозможныя мѣры для спасенія своего имущества. Я приказалъ уполномоченнымъ самимъ Ключаревымъ лицамъ собрать всѣ бумаги, находившіяся въ кабинетѣ директора, которыя должны были послужить къ его оправданію или къ его обвиненію; бумаги эти были уложены въ одинъ тюкъ, къ которому были приложены печати Ростопчина, оберъ-полицеймейстера и моя; этотъ тюкъ съ согласія графа велѣно было передать въ распоряженіе правительства. Но, несмотря на мое настоятельное требованіе, чтобы онъ былъ отданъ на храненіе подлежащимъ властямъ, тюкъ этотъ остался подъ наблюденіемъ чиновниковъ почтоваго вѣдомства. Нѣсколько дней спустя, Москва была занята непріателемъ. Я долженъ былъ таскать всюду за собою этотъ тюкъ до возвращенія почтовой конторы въ Москву послѣ ухода французовъ, и онъ оставался у меня на храненіи еще долгое время послѣ заключенія мира. Это обстоятельство выяснилось только тогда, когда появился высочайшій указъ, касавшійся этихъ бумагъ, сообщенный мнѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевымъ. Прежде чѣмъ освободить Ключарева, потребовали его бумаги у Ростопчина. Позабывъ обстоятельства, сопровождавшія арестъ почтъ-директора, или, быть можетъ прибѣгнувъ ко лжи для того, чтобы не было возможности разъяснить это дѣло, Ростопчинъ отвѣчалъ официально, что тюкъ съ бумагами сдѣлался жертвою пламени во время московскаго пожара! Министръ внутреннихъ дѣлъ, которому мною были сообщены всѣ подробности, сопровождавшія занятіе Москвы французами, бывъ спрошенъ объ участи этихъ бумагъ, отвѣчалъ, что тюкъ не сгорѣлъ, такъ какъ онъ находился въ моихъ рукахъ съ самаго вступленія непріятели въ Москву. Мнѣ было сообщено высочайшее повелѣніе передать запечатанный тюкъ съ бумагами фельдъ-

егерю, которому было приказано доставить его въ Петербургъ; вѣроятно, за неимѣніемъ законныхъ доказательствъ къ обвиненію Ключарева, бумаги, которыя должны были служить къ обвиненію директора, послужили къ его полному оправданію. Онъ вскорѣ былъ выпущенъ на свободу и получилъ слабое вознагражденіе за всѣ страданія и жестокія обиды, коимъ онъ подвергался нѣсколько лѣтъ вслѣдствіе личной вражды къ нему Ростопчина.

Въ то же время правосудіе требовало, чтобы было окончено слѣдствіе по дѣлу несчастнаго Верещагина. Дѣло это, начатое, какъ я уже сказалъ, Ростопчинымъ, пройдя всѣ указанныя закономъ инстанціи, поступило въ Сенатъ, гдѣ для окончанія его было необходимо присутствіе Верещагина. Министръ юстиціи Дмитріевъ обратился по этому поводу съ запросомъ къ Ростопчину, который все еще занималъ въ ту пору постъ московскаго генералъ-губернатора, и Ростопчинъ отвѣчалъ, не смущаясь, что «въ день оккупациіи Москвы, онъ, графъ Ростопчинъ, выдалъ измѣнника черни, которая растерзала его!» Это—подлинныя слова Ростопчина въ официальномъ донесеніи на имя министра юстиціи. Впослѣдствіи онъ былъ уволенъ въ отставку. Снѣдаемый угрызеніями совѣсти, онъ оставилъ Россію и поселился въ Парижѣ среди тѣхъ самыхъ французовъ, къ коимъ онъ выказалъ столько ненависти и презрѣнія. Въ Парижѣ Ростопчинъ выдалъ замужъ дочь за француза и издалъ брошюру: «Правда о Московскомъ пожарѣ», въ которой, облакаясь какъ ворона въ павлиныя перья, старается бросить на себя хотя отблескъ той великой мѣры, которая была принята для спасенія Россіи и могла быть принята только по повелѣнію освободителя Европы.

Царствованіе Александра было такъ же обильно внутренними, какъ и вѣншими событіями. Вообще, эпоха, въ которую онъ царствовалъ, отличается отъ всѣхъ предъидущихъ какимъ-то непостоянствомъ и измѣнчивостью, вслѣдствіе чего событія, которыхъ хватило бы въ другое время на цѣлый вѣкъ, слѣдовали одно за другимъ съ изумительною быстротою. Прошло уже то время, когда войны продолжались по 30 лѣтъ! Революціонныя войны не могутъ сравниться съ войнами, которыя объявляютъ кабинеты. Если бы революція дѣйствовала по примѣру тридцати-или семилѣтней войны, то она была бы подавлена въ самомъ началѣ. Для того, чтобы парализовать человѣческую дѣятельность, нужно ошеломить народы, какъ и отдѣльныя личности терроромъ и неожиданными ударами. Опасность, которую видишь издалека, позволяетъ обдумать и принять противъ нея мѣры; но когда находишься съ непріателемъ лицомъ къ лицу, то уже нѣтъ времени думать о переговорахъ, надобно защищаться—и умереть, когда нѣтъ спасенія.

Измѣнчивость и непостоянство были главными двигателями всѣхъ дѣйствій въ царствованіе Александра. Онъ былъ твердъ и непоколе-

бимъ только одинъ разъ въ своей жизни: во время его послѣдней войны съ Наполеономъ потому, что въ этомъ случаѣ онъ уже не дѣйствовалъ самъ по себѣ, онъ былъ только орудіемъ Провидѣнія, которое императоръ французовъ называлъ на берегахъ Нѣмана «Рокомъ». Провидѣніе влекло Александра къ апогею его славы точно такъ же, какъ судьба увлекла Наполеона къ гибели.

Ни одно изъ преобразованій, совершившихся въ Россіи въ теченіе 25-лѣтняго царствованія Александра, не упрочилось. То, что было сдѣлано въ 1802 г., передѣлывалось въ 1812 г.! Принципы 1806 г. не были уже принципами 1816 года. Однимъ словомъ, во всемъ было замѣтно колебаніе; одна система управленія смѣнялась другою. Сегодня были философы, завтра ханжами. Это грустное положеніе вещей усиливалось по мѣрѣ того, какъ неудачи и утомленіе дѣйствовали расслабляюще на характеръ Александра. Все зависѣло отъ двигателя, приводившаго въ ходъ машину. Во время министерства Кочубея, душою котораго былъ Сперанскій, преклонялись передъ конституціей, во время фавора князя Голицына были ханжами, при Аракчеевѣ были низкоклонны, всегда безхарактерны, всегда рассчитывая только на сегоднешній день. Эта измѣнчивость поддерживала броженіе, которое подготавливало взрывъ.

Масонство было терпимо, потому что не входило въ разрядъ обществъ, внушавшихъ правительству опасенія. Новиковъ, пожелавъ дать ему прочную основу, пробудилъ бдительность Екатерины и потерпѣлъ фіаско. Послѣ него масонство было только тѣнью того, чѣмъ оно было ранѣе; вдобавокъ и эти жалкіе остатки его скрывались подъ покровомъ тайны. Нѣкоторые братья изъ старинныхъ ложъ вербовали, это правда, неопытныхъ новичковъ въ видахъ своихъ личныхъ интересовъ. Уже не было болѣе слышно объ ударахъ молотка, но время отъ времени говорили объ условныхъ знакахъ рукою, жертвами которыхъ являлись неопытные новички. Новиковъ, сосланный въ свое родовое помѣстье, не принималъ никакого участія въ этихъ псевдо-масонскихъ проискахъ; онъ стоялъ слишкомъ высоко, гораздо выше этихъ обыденныхъ масонскихъ взглядовъ, чтобы допустить мысль, что можно было смѣшивать масонство съ мелкими меркантильными расчетами людей.

Нѣкоторые высокопоставленные лица, недовольныя тѣмъ, что они не играли никакой роли въ обществѣ, надѣялись достигнуть извѣстности, найдя себѣ приверженцевъ и воскресивъ въ Петербургѣ масонство. Нѣсколько братьевъ, проживавшихъ въ Москвѣ безъ дѣла, оказали имъ содѣйствіе, и съ разрѣшенія правительства въ Петербургѣ было основано нѣсколько масонскихъ ложъ, во главѣ которыхъ стояли гросмейстеры, не знавшіе даже катехизиса масонства и негодившіеся даже въ ученики.

Образовались русская и нѣмецкая логи, въ которыя вошли личности всевозможныхъ оттѣнковъ.

Бездѣйствіе искало убѣжища отъ скуки, и шампанское заставляло забыть о ничтожествѣ цѣлей этихъ собраний. Прослыть масономъ уже не казалось страшнымъ, и полиція убѣдилась болѣе, чѣмъ когда-либо, что она могла спать спокойно во время масонскихъ собраний. Ораторы масонскихъ ложъ не походили на ораторовъ англійскихъ коммунъ. Во время вечернихъ собраний братья-масоны были внимательны только къ тому, чтобы ихъ стаканы не пустѣли. Такъ какъ покровительство, оказываемое масонству императоромъ, и принадлежность къ нему нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ позволяли надѣяться, что оно могло доставить какое-нибудь выгодное занятіе или награду, то всѣ хотѣли быть масонами.

Лабзинъ, о которомъ я упоминалъ какъ объ исторіографѣ Мальтійскаго ордена, воспользовался этой терпимостью, чтобы образовать въ своемъ маленькомъ кружкѣ братство, болѣе подходящее къ цѣлямъ масонства, на которое онъ не смотрѣлъ въ то время, какъ на дѣтскую забаву или какъ на средство скрыть свои политическія стремленія.

Лабзинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ существъ, которыя живутъ не только для того, чтобы удобрять почву. Обладая выдающимся умомъ, желѣзной волею, основательными познаніями въ философіи и исторіи, онъ былъ отъ природы краснорѣчивъ, зналъ основательно языки латинскій, нѣмецкій, французскій и англійскій, перечиталъ на этихъ языкахъ всѣ сочиненія по философіи и богословію. Изучивъ отлично свой родной языкъ и его источникъ, языкъ славянскій, онъ владѣлъ ими мастерски и можетъ быть поставленъ наравнѣ съ первѣйшими писателями своей страны. Истинное христіанство было элементомъ его сердца; онъ видѣлъ въ масонствѣ только первую ступень, по которой человѣкъ могъ достигнуть нравственнаго совершенства и болѣе глубокаго познанія природы и ея великаго Создателя. Это сокровенное убѣжденіе составляетъ духъ масонства, и смѣлю повторять, что безъ него масонство сдѣлалось бы, какъ это доказываютъ факты, столь же бесполезнымъ, какъ и всякая внѣшняя, обрядовая религія, которая не является въ дѣйствіяхъ человѣка, исповѣдующаго эту религію, выраженіемъ той доктрины, которой она учитъ. Въ Евангеліи все говоритъ объ обновленіи, о возрожденіи, о тѣлесной смерти, послѣ которой наступитъ загробная жизнь духа.

Лабзинъ, проникнутый этими истинами, воодушевлялъ со своей гросмейстерской кафедры маленькое собраніе братьевъ-масоновъ, принадлежавшихъ къ его ложѣ. Они были такъ убѣждены въ чистотѣ его намѣреній, такъ побуждены могуществомъ его логики и его искусствомъ говорить, что не обращали вниманія на грубость его манеръ и на гру-

быя выходки, которыя онъ позволялъ себѣ по своей увлекающейся натурѣ и вслѣдствіе отсутствія тщательнаго воспитанія. Онъ хотѣлъ, подобно Новикову, распространять исповѣдуемыя имъ истины посредствомъ печати; неутомимый труженикъ, онъ напечаталъ множество аскетическихъ сочиненій, переведенныхъ имъ съ нѣмецкаго, англійскаго и французскаго языковъ, и получилъ разрѣшеніе издавать журналъ подъ названіемъ «Сіонскаго Вѣстника».

Все новое нравится и увлекаетъ. Переводы, изданные Лабзинымъ, и собственныя его сочиненія привлекли къ нему людей выдающихся и ничтожности, кающихся Магдалинъ и матерей семейства, видѣвшихъ въ его сочиненіяхъ противоядіе лжемудрствованію философовъ. Съ одной стороны его превозносили до того, что называли святымъ, съ другой — на него нападали, какъ на мартиниста, иллюмината, человѣка опаснаго для церкви. Вышее и низшее духовенство было противъ него. Епископы и священнослужители всегда держатся того принципа, что обращеніе душъ надобно предоставить Богу. Они не любятъ, чтобы лица, не принадлежащія къ духовному сословію, были истолкователями воли Божіей, такъ какъ они одни имѣютъ власть разрѣшать грѣхи. Они говорятъ: *ressare humanum est*.

Со временъ апостола Павла благородныя дамы любятъ составлять свиту человѣка, занимающагося пропагандою. Краснорѣчіе и своеобразие манеръ Лабзина произвело нѣкоторое впечатлѣніе и на петербургскихъ дамъ. Императоръ Александръ отличилъ его, пожаловавъ ему Владимира 2 ст. въ награду за его благое намѣреніе распространять истины христіанской вѣры. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, хотя и не долюбивавшій масонство, которое онъ зналъ только по имени, также относился съ уваженіемъ къ новому члену пропаганды! Все это вскружило голову Лабзину.

Такъ какъ онъ объявилъ себя главою своей маленькой ложы то онъ не былъ ничѣмъ связанъ съ другими ложами, но эта независимость, пагубная въ масонствѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, вовлекла его въ предпріятія, не имѣвшія ничего общаго съ цѣлями масонства. Не будучи подчиненъ никакой законной власти, которая руководила бы имъ въ его обязанностяхъ гросмейстера и проповѣдника, онъ хотѣлъ быть вполне независимымъ. Его выборъ книгъ для переводовъ основывался лишь на новизнѣ данныхъ, должествовавшихъ задѣть любопытство или принести матеріальныя выгоды. Его «Сіонскій Вѣстникъ» нападалъ на злоупотребленія или предавалъ гласности такіе факты, къ которымъ духовенство не могло относиться равнодушно. Въ дѣло вмѣшалась цензура; Лабзинъ упорствовалъ, и Вѣстникъ былъ запрещенъ.

Впослѣдствіи онъ получилъ снова разрѣшеніе продолжать это изданіе и принялся за работу, но раздраженный всевозможными

препятствіями, встрѣчавшимися ему на пути, и не будучи въ состояніи долѣе сдерживать свой гнѣвъ, онъ позволилъ себѣ однажды, въ засѣданіи конференціи Академіи художествъ, коей онъ былъ членомъ, въ качествѣ вице-президента академіи, дерзкую шутку на счетъ одного высокопоставленнаго лица ¹⁾, сказавъ, что этотъ послѣдній гораздо дальше отъ особы императора, нежели кучеръ, возившій его величество. Эта грубая шутка вызвала цѣлый скандалъ. Враги Лабзина этимъ воспользовались; его слова были переданы и истолкованы въ ложномъ свѣтѣ. Лабзинъ былъ уволенъ со службы и сосланъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, гдѣ онъ провелъ остатокъ дней, занимаясь переводами и сочиненіями, изъ коихъ большая часть написана въ высоконравственномъ христіанскомъ духѣ; помимо этого, они имѣютъ то достоинство, что много способствовали улучшенію слога и обогатили русскій языкъ научными терминами, созданными или истолкованными Лабзинымъ.

Въ юности онъ писалъ стихи и перевелъ «Le juge», драму Межье и «Свадбу Фигаро» Бомарше. Его неукротимый характеръ не влиялъ на превосходныя качества его сердца и еще менѣе на чистоту его намѣреній ²⁾.

Приблизительно около этого времени масонскія ложи были уничтожены во всей Имперіи. Причиною этого конечно не была шутка, сказанная Лабзинымъ, но такъ какъ всякое тайное общество казалось опаснымъ, а невѣжество и недобросовѣстность всегда преслѣдовались въ странахъ, управляемыхъ неограниченною властью и въ тѣхъ, гдѣ католичество преобладаетъ надъ масонствомъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что какъ общество оно не пользовалось одобреніемъ въ Россіи. Появился указъ, повелѣвавшій, чтобы всѣ безъ исключенія высшія и низшія должностныя лица обязались письменно не принадлежать ни къ какимъ тайнымъ обществамъ. Съ тѣхъ поръ всякое лицо, поступающее на службу, должно подписать обязательство въ этомъ смыслѣ. И о масонствѣ болѣе не слышно.

Такъ какъ я пишу свои записки не для того, чтобы поддерживать ложь, а для того, чтобы передавать въ истинномъ свѣтѣ факты, которые подвергнутся нѣкогда суду потомства, то я не стѣсняюсь говорить добросовѣстно все то, что мнѣ извѣстно положительно по поводу того или инаго событія, или подтвердить истину того, въ чемъ я вполне убѣжденъ. Вотъ почему я и не скрываю своихъ мнѣній, хотя они часто совершенно противорѣчатъ общепринятымъ взглядамъ. Чтобы

¹⁾ Аракчеева.

²⁾ О Лабзинѣ см. „Русскую Старину“ 1894 г. №№ 9—12; 1895 г. № 1 и № 2.

покончить всякіе споры о масонствѣ, я скажу, что, по моему мнѣнію, величайшая негѣпость, распространенная людьми невѣрующими и недобросовѣстными въ обществѣ, которое весьма мало заботится о Богѣ и объ истинѣ, заключается въ томъ, будто масонство было сектою болѣе вредною для правительства, нежели всѣ другія ученія, посягающія на эти основы общественнаго блага. Основу масонскаго ученія составляетъ самая безкорыстная любовь къ ближнему, основанная на божественномъ ученіи, а подобное ученіе можетъ только содѣйствовать благополучію и счастію людей.

Злоупотребленія проникаютъ всюду. Даже церковь, это святое божественное учрежденіе, отъ этого не избавлена! Человѣческая справедливость часто заставляетъ вѣсы склониться въ сторону лжи; однако эти злоупотребленія не безчестятъ ни церковь, ни суды. Да и можетъ ли быть масонство свободно отъ злоупотребленій, коль скоро это учрежденіе, столь святое само по себѣ и по цѣли, которую оно преслѣдуетъ, находится въ рукахъ людей.

Возвратите масонству довѣріе, коего оно достойно, научитесь понимать его сущность и цѣль, къ которой оно стремится, не позволяйте человѣческимъ законамъ преслѣдовать его, устройте такъ, чтобы верховная власть покровительствовала ему, чтобы воспитаніе руководствовалось его правилами, чтобы правители уважали его, какъ настоящую школу добродѣтели, нравственности и семейныхъ и общественныхъ обязанностей,—и тогда міръ увидитъ, что поколѣніе, выросшее подъ его эгидою, будетъ поколѣніемъ высоконравственнымъ, добродѣтельнымъ и послушнымъ голосу долга. Отъ какой системы образованія, отъ какой философіи могло бы человечество ожидать такихъ результатовъ? Всякая страна, изъ которой изгнано масонство, не должна надѣяться, что въ ея нѣдрахъ будетъ процвѣтать общественное благосостояніе. Подобно тому, какъ религія и церковь связываютъ человѣка съ небомъ какою-то сверхъестественною силою, такъ же точно и масонство связываетъ человечество съ этою силою, ведя его путемъ истины, опытности и милосердія.

Лучшія теоріи остаются безплодны, если ихъ не примѣняютъ на практикѣ. Исповѣдь даетъ человѣку отпущеніе грѣховъ, когда измученная совѣсть нуждается въ этомъ для того, чтобы возратить себѣ утраченный покой. Масонство старается постоянно поддерживать этотъ покой въ душѣ своихъ членовъ посредствомъ милосердія, добраго примѣра и подчиненіемъ мятежной воли, всѣхъ дѣтей Адама волѣ Того, Который создалъ человѣка не для одной земной жизни. Не всѣ люди родились для того, чтобы быть духовными лицами, монахами или отшельниками, но всѣ они созданы для того, чтобы быть добродѣтельными на землѣ и пользоваться вѣчнымъ блаженствомъ на небѣ. Настоящее масонство ведетъ человѣка къ этой цѣли съ рожденія его до смерти и

учить его познавать религію, поддерживаетъ въ немъ мысль о ней, говоритъ ему, кто онъ и кто его Творецъ. Религія поддерживаетъ это ученіе и связываетъ человѣка во время земной жизни съ небомъ. Христіанская церковь распространяетъ истину такъ же, какъ академіи и университеты распространяютъ заблужденія.

Императоръ Александръ возвратился въ свои владѣнія послѣ умиротворенія Европы, потрясенной революціей, которая вспыхнула во Франціи въ 1788 г., убѣжденный до очевидности въ томъ, что онъ былъ обязанъ всѣми своими успѣхами всемогуществу Того, по волѣ Котораго монархи и сильные міра сего могутъ сотворить что-нибудь и добиться сверхъестественныхъ результатовъ — онъ захотѣлъ высказать потомству эту истину посредствомъ памятника, который долженъ былъ ее увѣковѣчить. Онъ желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы этотъ памятникъ былъ достоинъ мысли, которую онъ долженъ былъ увѣковѣчить, насколько это возможно для произведенія человѣческихъ рукъ.

Ему пришла мысль, столь же грандіозная, какъ и безкорыстная, — воздвигнуть храмъ Спасителю міра, благодаря Которому Господь ниспосылаетъ людямъ побѣду.

12-го октября 1817 г. первый камень будущаго храма былъ положенъ самимъ императоромъ на Воробьевыхъ горахъ съ большою торжественностью въ присутствіи всей царской фамиліи, прусскаго принца Вильгельма и при огромномъ стеченіи народа. Этотъ храмъ былъ заложенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пять лѣтъ передъ тѣмъ появились 1-го сентября 1812 г. на этихъ горахъ непріятельскія войска наканунѣ ихъ вступленія въ Москву.

Вотъ чтó говорилъ помазанникъ Божій въ своемъ манифестѣ:

«Спасеніе Россіи отъ враговъ, столь же многочисленныхъ силами, сколь злыхъ и свирѣпыхъ намѣреніями и дѣлами, совершенное въ шесть мѣсяцевъ всѣхъ ихъ истребленіе, такъ что при самомъ стремительномъ бѣгствѣ едва самомалѣйшая токмо часть оныхъ могла уйти за предѣлы наши, есть явно изліянная на Россію благодать Божія, есть по истинѣ достопамятное происшествіе, которое не изгладятъ вѣки изъ бытописаній. Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ вѣрѣ и отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ російскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ первопрестольномъ градѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа, подробное о чемъ постановленіе возвѣщено будетъ въ свое время. Да благословитъ Всевышній начинаніе наше! Да совершится оно! Да простоятъ сей храмъ многіе вѣки, и да курится въ немъ предъ святымъ престоломъ Божиимъ кадило благодар-

ности позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ».

Какая разница рѣчи, если сравнить этотъ манифестъ съ указами императора Наполеона послѣ его побѣга съ острова Эльбы и высадки въ заливѣ!

Когда человѣкъ, бывшій исполнителемъ воли всемогущаго властителя вселенной, признаетъ свое ничтожество, то его смиреніе принимаетъ отъ этого всемогущества блескъ, болѣе возвышенный, чѣмъ тотъ, который придаетъ смертному величайшая побѣда, какую онъ только можетъ одержать. Вся Россія увидала въ своемъ монархѣ помазанника Божьяго. Его смиреніе завоевало всѣ сердца, наэлектризовало всѣ умы! Дѣйствіе, которое понимается умомъ—внушаетъ удивленіе; дѣйствіе, которое постигается чувствомъ—воодушевляетъ. Манифестъ Александра воодушевилъ его подданныхъ такимъ рвеніемъ, что ради его славы они были бы готовы пожертвовать самыми сокровенными своими интересами. Онъ пробудилъ геній, скрытый до своего пробужденія даже отъ того, который носилъ его въ самомъ себѣ.

Вернувшись въ Москву послѣ ухода Наполеона, Ростопчинъ въ своемъ нравственномъ бездѣйствіи впалъ во всевозможныя неводержности; онъ придумалъ гравировать портреты подмосковныхъ крестьянъ, которые больше всѣхъ убили непріателей-мародеровъ при встрѣчѣ съ фуражерами или съ малочисленными отрядами французскихъ войскъ во время оккупации ихъ очаговъ, ездъ которыхъ они бѣжали на нѣкоторое разстояніе, скрываясь со своими женами и дѣтьми въ сосѣднихъ лѣсахъ. Онъ обратился къ академіи художествъ съ просьбою прислать въ Москву художника, способнаго передать его мысль на полотнѣ. Академія поспѣшила послать графу одного изъ своихъ лучшихъ питомцевъ, молодого художника исторической живописи Витберга.

Увлеченіе типичными головами крестьянъ вскорѣ охладѣло у Ростопчина. Витбергъ остался безъ дѣла, когда въ Москвѣ былъ полученъ манифестъ, возвѣстившій о намѣреніи императора Александра воздвигнуть въ Москвѣ храмъ, для увѣковѣченія его благодарности Спасителю міра за избавленіе Имперіи отъ врага. Великая мысль воспламеняетъ геній подобно тому, какъ искра воспламеняетъ горячее вещество. Хотя Витбергъ занимался исторической живописью, но онъ былъ знакомъ и съ архитектурою. Ему пришла мысль величественная и въ то же время поэтическая, и онъ создалъ планъ идеальнаго храма. Его храмъ не былъ памятникомъ бездушнымъ, поражающимъ только смѣлостью замысла или чудовищными размѣрами, подавляющими ничтожество человѣка. Онъ хотѣлъ создать храмъ, который говорилъ бы уму безъ словъ, который проповѣдывалъ бы сущность христіанскаго ученія

и представлялъ бы во всѣхъ своихъ частяхъ для глазъ и для мысли рѣшеніе смысла священнаго писанія, скрытаго въ его разсказахъ, параболахъ, притчахъ и въ исторіи божественнаго откровенія. Глубокое знаніе архитектуры и механики дало ему возможность начертать въ большихъ размѣрахъ проектъ храма со всею точностью и со всѣми подробностями, необходимыми для труда, которому суждено было обезсмертить имя того, кто его предпринялъ. Онъ послалъ свой планъ на конкурсъ. Самолюбіе и посредственность окритиковали геній; зависть пустила въ ходъ свои обычныя орудія для того, чтобы подавить божественную искру, которая творить не подражая. Эта искра могла быть затушена, если бы грандіозный и смѣлый проектъ не сдѣлался извѣстенъ императору Александру. Онъ пожелалъ видѣть проектъ и его автора; академикъ былъ призванъ къ монарху; сближеніе геніевъ порождаетъ нѣчто могучее. Изучивъ мысль, которую Витбергъ развилъ въ своемъ планѣ, и встрѣтивъ въ объясненіи, которое авторъ давалъ объ этомъ истинно-поэтическомъ образцѣ творчества, о расположеніи храма и его отдѣльныхъ частей, свои собственныя мысли, императоръ поручилъ академику выработать и усовершенствовать свой проектъ, разрѣшивъ ему свободный доступъ къ своей особѣ. Съ этой минуты постройка храма по планамъ Витберга была рѣшена. Спустя четыре года и десять мѣсяцевъ послѣ того, какъ былъ подписанъ манифестъ, возвѣстившій всему міру о намѣреніи русскаго императора воздвигнуть храмъ, посвященный Спасителю міра въ память побѣды, одержанной надъ непобѣдимымъ императоромъ французъ, Александръ положилъ первый камень, на которомъ долженъ былъ возвышаться благочестивый памятникъ его величія и смиренія, памятникъ, болѣе возвышенный, чѣмъ всѣ историческіе памятники чело-вѣческаго тщеславія.

Чтобы познакомить читателей со всею обширностью этого великаго предпріятія, свидѣтельствующаго въ одно и то же время о геніальности его творца и безкорыстіи могущественнаго монарха, положившаго начало этому храму безъ надежды видѣть его оконченнымъ,—ибо построеніе этого храма должно было продолжиться нѣсколько лѣтъ и Александръ не могъ надѣяться, что онъ доживетъ до его окончанія,—я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности, относящіяся къ этому предпріятію, чтобы дать полное понятіе о смѣломъ и колоссальномъ проектѣ академика Витберга, а также о мѣрахъ и способахъ, предложенныхъ имъ императору, чтобы облегчить сооруженіе храма, который долженъ былъ затмить стилемъ и размѣрами самыя обширныя постройки древней и современной Европы.

Во всемъ, что предпринималъ императоръ Александръ, было величіе. Щедрый и великодушный отъ природы, какъ его отецъ, онъ чувствовалъ и понималъ всѣ стремленія благородной души, коей были чужды низ-

менныя страсти. Къ несчастію, такъ же какъ Павелъ, онъ былъ окруженъ дурными совѣтниками и принималъ слишкомъ легко мѣры, которыя придворные интриганы употребляютъ весьма ловко съ цѣлью искажить самыя прекрасныя мысли, если онѣ не служатъ къ личной выгодѣ этихъ гнусныхъ лицъ. Воспитаніе, полученное Александромъ, слишкомъ мало подходило къ его характеру и къ тѣмъ священнымъ обязанностямъ, которыя онъ долженъ былъ нести со временемъ; въ зрѣломъ возрастѣ онъ никогда не могъ отдѣлаться отъ солдатскихъ привычекъ, усвоенныхъ имъ въ молодости. Избранные имъ въ эту эпоху, такъ же какъ и его братомъ Константиномъ, товарищи увлекли его въ порочный кругъ вольнодумныхъ идей, коими онъ злоупотреблялъ, быть можетъ, болѣе, нежели слѣдовало неограниченному монарху, нравственное поведеніе котораго направляетъ, какъ компасъ, государственный корабль. Во время коронаціи онъ плѣнился женою егермейстера Нарышкина, красавицею Маріей Антоновной, которая впрочемъ не играла такой роли, какъ фавориты Екатерины, или фаворитки королей Франціи. Молодой монархъ, женатый на такой особѣ, какова была императрица Елисавета, молодая, красивая, привѣтливая и кроткая, рѣдко находить какое-либо оправданіе своему увлеченію. Болѣе религіозно-нравственное воспитаніе даю бы ему силу избѣгнуть этой ошибки. Супружеская невѣрность на престолѣ можетъ еще менѣе быть извинена, нежели подобное поведеніе въ частной жизни. Тщетны бывають всѣ попытки скрыть подобную связь; даже сновидѣнія неограниченнаго монарха угадываются окружающими. Царедворческое искусство имѣетъ много общаго съ волшебствомъ; у него тонкое обоняніе!

Послѣ продолжительнаго женскаго царствованія императоръ Павелъ ввелъ въ русскую армію въ обычай маневры и сдѣлалъ изъ своего двора военный дворъ. Онъ свято соблюдалъ мельчайшія правила этого механическаго искусства, чтобы и другіе не пренебрегали имъ; ему русское войско обязано своимъ огромнымъ преимуществомъ надъ войсками другихъ государствъ; онъ приучалъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ не смотрѣть равнодушно на службу, душа которой есть точность. Я не берусь судить о пользѣ маневровъ въ мирное время; пусть прочтутъ то, что говоритъ по этому поводу отецъ современной политики Макіавель, и тогда увидятъ, что это не дѣтская игра!

Ослабленіе повиновенія, противнаго исполнительности, составляетъ для государства болѣе опасную чуму, чѣмъ болѣзнь, носящая это названіе. Въ царствованіе Александра, 2-ой гвардейскій полкъ (Семеновскій), самый великолѣпный во всей арміи, былъ жертвой этой распущенности. Четыре полка императорской гвардіи находились, со временъ Петра Великаго, создавшаго ихъ, подъ начальствомъ титулованныхъ особъ, достигшихъ этихъ постовъ благодаря рожденію или милости царя.

Императоръ Павелъ не соблюдалъ этого правила при назначеніи командировъ этихъ полковъ; впрочемъ, надобно сказать, что эти назначенія не возбуждали того мятежнаго духа, какой проявился однажды во время отсутствія императора Александра въ Семеновскомъ полку, шефомъ котораго онъ былъ и который особенно любилъ. Генераль-маіоръ Потемкинъ, командовавшій этимъ полкомъ, получилъ другое назначеніе, и на его мѣсто былъ назначенъ армейскій полковникъ Шварцъ. Это назначеніе не понравилось всѣмъ офицерамъ, которые большею частью принадлежали къ самымъ знатымъ фамиліямъ Имперіи и которыхъ генераль Потемкинъ приучилъ, быть можетъ, гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало, къ тогдашнему либерализму. Обращеніе Шварца, человека самаго скромнаго происхожденія, очень не понравилось его подчиненнымъ, которыхъ ихъ знатное происхожденіе, ихъ участіе въ оккупациі Парижа и обращеніе съ ними его предшественника приучили къ нѣкоторой независимости, роковой для службы. Можетъ быть, офицерамъ можно было поставить въ вину недостатокъ вниманія, которое они выказывали въ присутствіи солдатъ къ особѣ командира полка, у нихъ могли вырываться какіе-либо непочтительныя по отношенію его слова,—этого было достаточно, чтобы погубить полкъ. Умышленно или неумышленно невѣрно переданный приказъ вызвалъ непослушаніе. Строгія мѣры, которыя слѣдовало принять въ этомъ случаѣ, не были приняты; Шварцъ потерялъ голову, и полкъ возмущился, а высшія власти не сумѣли подавить это возмущеніе. Пришлось отправить въ крѣпость весь баталіонъ, въ которомъ вспыхнуло возмущеніе, и предать его военному суду. Императора не было въ это время въ Россіи, его увѣдомили о случившемся. Скандалъ былъ огромный; правосудіе должно было совершиться. Полкъ, въ виду его долгаго существованія, не былъ расформированъ. Кадры и названіе полка остались, но офицеры и солдаты были распределены по армейскимъ полкамъ, а новый полкъ составилъ изъ солдатъ, взятыхъ изъ различныхъ корпусовъ. Нескромность и неосторожность могутъ имѣть такія же роковыя послѣдствія, какъ и самыя преступныя намѣренія, если они производятъ одинаковыя послѣдствія. Какъ только военный позволяетъ себѣ дѣйствовать, руководствуясь какими-либо особенными побужденіями, онъ становится разбойникомъ. Законы гармоніи одинаковы вездѣ, какъ въ музыкѣ, живописи, такъ и въ механикѣ, потому что они заключаются въ самой природѣ вещей. Вездѣ, гдѣ нарушено равновѣсіе, развивается разногласіе.

Послѣ своихъ походовъ и утомленій, Александръ охотно проживалъ въ Царскомъ Селѣ, прекрасные парки и сады котораго обязаны ему своимъ великолѣпіемъ. Екатерина воздвигла тамъ нѣсколько зданій, которыя кромѣ галлерей и входа Камерони ничѣмъ особеннымъ не отличаются. Александръ превратилъ этотъ загородный дворецъ въ очень

хорошенькій городокъ, который, подобно Версали, сдѣлался частью царской резиденціи. Желѣзная дорога, нынѣ соединяющая Царское Село съ Петербургомъ, позволяетъ этимъ двумъ городамъ сообщаться менѣе чѣмъ въ полчаса и представляетъ тысячи удобствъ, особенно лѣтомъ: кромѣ полковъ, стоящихъ въ Царскомъ Селѣ, лицей и Александровскій кадетскій корпусъ привлекають туда множество народа. Екатерина отдыхала въ этомъ по истинѣ царскомъ жилищѣ и предавалась въ немъ своимъ увлеченіямъ. Она изгнала изъ него всякое стѣсненіе, всякій этикетъ. Императоръ Павелъ покинулъ Царское Село. Но Александръ любилъ вспоминать въ немъ свое дѣтство и даже пріѣзжалъ туда иногда на нѣсколько дней зимой. Пресыщенный почестями, онъ пользовался тамъ свободой, которую всемогущество отдаляетъ отъ престола, и въ садовой бесѣдкѣ, отдаленной отъ дворца и построенной среди парка очень просто и украшенной картинами, изображавшими самыя прелестныя страны Америки, откуда императоръ выписалъ ламъ, помѣщенныхъ въ другомъ зданіи близъ бесѣдки, онъ пилъ по вечерамъ чай въ обществѣ императрицы и ея камеръ-фрау, по происхожденію англичанки, которую оба они удостоивали особымъ вниманіемъ.

Царское Село находится въ двадцати двухъ верстахъ отъ Петербурга, по направленію Московской дороги, на одной изъ самыхъ большихъ возвышенностей, окружающихъ наносныя земли, на которыхъ построенъ Петербургъ. Его отдаленіе отъ залива обезпечиваетъ ему полную безопасность даже въ томъ случаѣ, если бы наводненіе угрожало Петербургу полнымъ разореніемъ. Послѣ послѣдняго наводненія, бывшаго въ Петербургѣ въ 1824 г., надѣлавшаго въ столицѣ столько бѣдствій и стоившаго жизни нѣсколькимъ тысячамъ жителей, говорили, что въ старинныхъ шведскихъ хроникахъ разсказывается о выходѣ Невы изъ береговъ въ ту эпоху, когда острова, составляющіе нынѣ самый прекрасный городъ въ мірѣ, были еще необитаемы; въ этихъ хроникахъ говорится, что вода въ Невѣ поднялась до такой высоты, что рыбаки, занимавшіеся въ лѣтнее время своимъ промысломъ и углублявшіеся въ маленькіе заливчики, должны были искать спасенія на Пулковской горѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Петербурга; и нашли убежище только на высокихъ деревьяхъ, покрывающихъ эту гору.

Если сказанное въ этой хроникѣ справедливо, то надобно согласиться, что существованію Петербурга постоянно угрожаетъ опасность, хотя нельзя предположить, чтобы вѣтры Балтійскаго побережья могли дуть столько времени, сколько понадобится Невѣ, чтобы достичь Пулкова.

Наводненію 1824 года предшествовалъ ураганъ, разразившійся наканунѣ къ ночи; на слѣдующій день къ полудню, подземные каналы изливали воды на улицы, которыя были наводнены въ одинъ мигъ.

Вода поднялась до бельэтажа домовъ, всё погреба и подвальные помѣщенія наполнились водою; жители ихъ должны были искать спасенія въ верхнихъ этажахъ; тѣ, которые были застигнуты наводненіемъ на улицахъ и площадяхъ, цѣплялись за рѣшетки, перелѣзали черезъ заборы, карабкались на окна фасадовъ и на деревья. Вскорѣ большія и маленькія зданія плавали въ водѣ, вѣтеръ дулъ съ яростью, увлекая деревянные дома, снесенные водою съ своихъ фундаментовъ. Тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей погибли въ подвалахъ, нижнихъ этажахъ и деревянныхъ зданіяхъ, надъ которыми поднялась вода. Къ 5 часамъ по полудни ураганъ стихъ, вода начала убывать и стекать. Два часа спустя, отъ наводненія не оставалось другихъ слѣдовъ на улицахъ, кромѣ сырыхъ панелей; но приходилось выкачивать воду, разлившуюся въ подвалахъ и подземныхъ жилищахъ. На островахъ и въ наиболѣе низменныхъ кварталахъ разореніе было ужасное. Заборы были разрушены; лодки и барки взгромоздились на улицы и набережныя, преграждали проходы и препятствовали сообщенію. Утро 25-го ноября было свидѣтелемъ слезъ и стenanій. Трупы тѣхъ, которые погибли въ волнахъ, напоминали объ опасности, угрожавшей наканунѣ живымъ.

Какъ только началось наводненіе, императоръ Александръ все время руководилъ самъ всѣми мѣрами, способствовавшими спасенію какъ можно большаго количества народа во время бѣдствія, и оказывалъ жителямъ всякую помощь, которая могла облегчить несчастное положеніе бѣднѣйшихъ жителей столицы. Было пущено въ ходъ все, что было во власти этого религіознаго и великодушнаго монарха, видѣвшаго, какъ погибло столько жертвъ вслѣдствіе бѣдствія, не повинующагося никакой чело-вѣческой власти. Обширныя зданія были устроены, чтобы принять жителей, не имѣвшихъ болѣе пристанища; пища и одежда были розданы въ большомъ количествѣ; бѣднякамъ была оказана бесплатно медицинская помощь; сироты, оставшіеся безъ родителей, были приняты на счетъ казны въ учебныя заведенія.

Такова картина послѣдняго наводненія 7-го ноября 1824 года; это бѣдствіе можетъ повториться неожиданно; оно уже повторялось ранѣе въ разное время, не отвративъ людей, столь дорожащихъ жизнью, отъ жилища, столь близкаго къ могилѣ. Но безсмертіе не боится ни воды, ни огненной лавы Везувія!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ Д. П. Рунича.

Х ¹).

Библейское общество. — Кн. А. Н. Голицынъ. — Учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. — Характеристика М. Л. Магницкаго какъ человѣка и какъ попечителя Казанскаго университета. — Проповѣдники: Линдель и Госнеръ. — Профессоры: Кунницынъ, Раупахъ и Германъ. — Министры: гр. Завадовскій и Разумовскій. — Попечитель Уваровъ. — Университетскій уставъ. — Татаринова. — Паденіе князя Голицына. — Министерство А. С. Шишкова. — Гр. Аракчеевъ. — Закрытіе библейскаго общества. — Административные порядки. — Кончина императора Александра I-го.

Вскорѣ послѣ изгнанія французовъ изъ предѣловъ Россіи, одинъ англичанинъ, членъ британскаго общества распространенія Библии, Петерсонъ, обратился къ оберъ - прокурору Святѣйшаго Синода князю Александру Голицыну съ просьбой разрѣшить ему образовать библейское общество въ Россіи. Князь, бросившій всѣ свои походы съ тѣхъ поръ, какъ онъ занималъ вышеозначенное мѣсто, сдѣлавшись религіознымъ по убѣжденію, всегда готовый откликнуться на все то, что носило отпечатокъ набожности и, казалось, способствовало возвеличенію христіанской религіи, изъявилъ на это согласіе, тѣмъ болѣе охотно, что онъ зналъ на дѣлѣ, насколько всѣ слои русскаго общества были чужды чтенію священнаго писанія, непонятнаго даже большинству духовенства, мало знакомаго съ языками греческимъ и латинскимъ, а также съ древнеславянскимъ. Онъ предполагалъ, что Библия сдѣлается доступнѣе всѣмъ,

¹) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1901 г.

если она будетъ переведена на русскій разговорный языкъ, и рассчитывалъ, что продажа экземпляровъ, напечатанныхъ на средства общества, покроетъ сдѣланныя на этотъ предметъ затраты; наконецъ онъ думалъ, что общество могло получать Библии и Новые Заветы на иностранныхъ языкахъ изъ Англіи, гдѣ библейское общество печатаетъ ихъ въ громадномъ количествѣ для четырехъ частей свѣта. Планъ, представленный Петерсономъ, былъ принятъ императоромъ, и нѣкоторое время спустя въ Петербургѣ основался комитетъ подъ предсѣдательствомъ князя Голицына. Высшее духовенство всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій было приглашено принять участіе въ такомъ богоугодномъ и милосердномъ дѣлѣ; въ комитетъ были приглашены также многія знатнѣйшія лица. Скоро засѣданія открылись. На нихъ присутствовали митрополитъ новгородскій и петербургскій и нѣкоторые члены Св. Синода; митрополитъ католическій и соединенныхъ грековъ, лютеранскій епископъ, монахи, русскіе священники, протестантскіе, реформатскіе пасторы, англичане, принадлежавшіе къ многочисленнымъ сектамъ неподвластнымъ англиканской церкви,—однимъ словомъ, этотъ комитетъ представлялъ отрядное зрѣлище союза различныхъ мнѣній, воодушевленного одною цѣлью, подсказанною христіанскимъ милосердіемъ: облегчить ближнему, какого бы онъ ни былъ вѣроисповѣданія, изученіе Божественнаго слова. Царская фамилія записалась въ списки членовъ, которыхъ набралось значительное количество. Пожертвованія сыпались со всѣхъ сторонъ. Британское и иностранное общество предложило свое самое ревностное содѣйствіе и свои средства; въ скоромъ времени касса общества была въ состояніи покрыть всѣ расходы, которые требовались для печатанія Библий и славянскихъ Новыхъ Заветовъ. Библейскіе комитеты учредились въ Москвѣ и во многихъ городахъ внутри Имперіи. Послѣ десятилѣтняго существованія общество располагало громаднымъ капиталомъ, великолѣпною типографіей, магазинами, наполненными экземплярами Библий на всѣхъ языкахъ, даже на татарскомъ, армянскомъ и турецкомъ, и уже успѣло распространить въ Россіи почти два милліона экземпляровъ обоихъ Заветовъ.

Нѣкоторое время спустя послѣ возникновенія библейскихъ обществъ, внутри Имперіи, нѣкоторые члены этихъ обществъ стали помогать чиновъ и крестовъ за то, что вынули изъ своихъ кармановъ приношенія для библейскаго общества, или за то, что продали или роздали большое количество Библий.

Всякое нравственное или религіозное предпріятіе, въ которое вмѣшиваются деньги или личные интересы, не можетъ долго существовать. Вотъ почему Спаситель міра объявилъ такъ торжественно, что Его царство не отъ міра сего, что много званныхъ, но мало избранныхъ. Существованіе библейскаго общества въ Россіи не могло упрочиться.

Оно слишкомъ явно оскорбляло народные нравы и прерогативы духовенства, чтобы окрѣпнуть и развиваться, несмотря на поддержку императора Александра. Его паденію способствовало еще то обстоятельство, что въ составъ его вошли слишкомъ разнородные элементы, и оно въ концѣ концовъ сдѣлалось ихъ жертвой!

Я сказалъ, что оберъ-прокуроръ Св. Синода князь Голицынъ принималъ дѣятельное участіе въ проектѣ Петерсона и былъ поддерживанъ женщинами, вмѣшивающимися всегда въ дѣла религіи и пропаганды болѣе мужчинъ. Князь былъ назначенъ предсѣдателемъ библейскаго общества. Вскорѣ основалось новое министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Государь назначилъ министромъ того же князя Голицына. Это министерство существовало всего нѣсколько лѣтъ, предшествовавшихъ кончинѣ Александра. Министерство духовныхъ дѣлъ въ самодержавномъ государствѣ было новостью, которая сама по себѣ не нравилась какъ духовенству, такъ и святошамъ, которые видѣли смыслъ вещей только во внѣшности и обрядахъ. Епископская власть была ограничена властью, на которую большинство смотрѣло, какъ на некомпетентную. Соединеніе православной администраціи съ администраціей раскольниковскихъ церквей и съ магометанскими и идолопоклонническими вѣрованіями считалось чудовищностью, оскорбительною для достоинства господствующей церкви. Сліяніе библейскаго общества, составленнаго изъ римско-католическихъ, лютеранскихъ, кальвинистскихъ и англійскихъ членовъ, съ министерствомъ духовныхъ дѣлъ могло существовать только до первой вспышки, которую различіе мнѣній и взглядовъ столь разнородныхъ элементовъ должно было неизбѣжно произвести. Въ первое время огонь тлѣлъ только подъ лепломъ, ждали удобной минуты!

Общество собирало много денегъ, печатало Библии и продавало ихъ крайне дешево и раздавало даромъ всѣмъ тѣмъ, кто ихъ просилъ; милости сыпались на тѣхъ, кто проявлялъ истинное или притворное рвеніе содѣйствовать цѣлямъ общества. Магницкій, возвращенный изъ ссылки и занявшій мѣсто гражданскаго губернатора въ Симбирскѣ, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сотрудниковъ петербургскаго отдѣленія библейскаго общества.

При открытіи, по его предложенію, засѣданій симбирскаго комитета, коего онъ былъ избранъ или назначенъ предсѣдателемъ, онъ произнесъ рѣчь, доставившую ему впослѣдствіи то влияніе, коимъ онъ пользовался въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, и дружбу князя Голицына; дружба эта въ свою очередь была одною изъ главныхъ причинъ паденія самого князя, министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и библейскаго общества! Магницкій былъ назначенъ членомъ главной дирекціи училищъ и скорѣ послѣ этого попечителемъ Казанскаго универси-

тета съ правомъ управлять безконтрольно этимъ университетомъ, находящимся въ 1.500 вер. отъ Петербурга. Говорятъ, что когда князь Голицынъ просилъ императора Александра о назначеніи Магницкаго въ его министерство, то государь ему замѣтилъ, что онъ ошибается на счетъ своего новаго протекжѣ, на что Голицынъ, основывая свою просьбу на исправленіи Магницкаго, утверждалъ, что онъ перешелъ отъ невѣрія и революціонныхъ взглядовъ къ религіи и монархическимъ принципамъ! Магницкій состоялъ при посольствѣ въ Парижѣ при Наполеонѣ и имѣлъ свободный доступъ въ Мальмезонъ. При его умѣ, краснорѣчии и тактѣ добиться этого было не трудно.

Въ 1799 г. онъ занялъ мое мѣсто въ Вѣнѣ, 20 лѣтъ спустя, т. е. въ 1819 г., мы засѣдали вмѣстѣ въ главной дирекціи училищъ. Магницкій, сподвижникъ Сперанскаго, былъ человѣкъ слишкомъ выдающійся, чтобы прозябать въ обществѣ или въ дѣлахъ! Онъ былъ характера независимаго и не могъ чувствовать себя удовлетвореннымъ, когда его стѣсняла какая-либо власть, державшая его на второмъ планѣ. Онъ зналъ отлично, что съ его способностями можно руководить всякимъ начальникомъ, и такъ ловко умѣлъ приобрѣсти вліяніе на дѣла, что, не занимая перваго мѣста, онъ властвовалъ надъ тѣмъ, кто былъ на этомъ мѣстѣ, но съ другой стороны онъ не могъ оставаться безгласнымъ и если видѣлъ, что его вліяніе слабѣло, то онъ тотчасъ бросался въ другую сферу, обѣщавшую ему болѣе обширную дѣятельность. Несмотря на это свойство, не чуждое интриги, я могу сказать по совѣсти, что, увлекшись происками, которые погубили его, онъ не преслѣдовалъ при этомъ никакихъ личныхъ цѣлей; ибо, интригуя, человѣкъ не станетъ жертвовать самыми заветными своими интересами только ради удовольствія интриговать. Можно интриговать по увлеченію, но не изъ разсчета, въ особенности, когда ничто не сулитъ навѣрно благоприятныхъ результатовъ.

Магницкій, съ перваго шага, объявилъ себя противникомъ современной философіи и анти-монархическаго принципа. Онъ энергично напалъ на то и другое, не щадя личностей, которыя держались противоположныхъ взглядовъ. Сдѣлавшись попечителемъ Казанскаго университета, онъ ввелъ въ немъ новыя правила, совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыя соблюдались въ русскихъ и иностранныхъ университетахъ; онъ хотѣлъ, чтобы занятіями и поведеніемъ студентовъ руководила одна православная религія. Онъ запретилъ философскія теоріи, какъ теоріи, допуская преподаваніе ихъ лишь въ качествѣ опасныхъ и предосудительныхъ заблужденій, отвергаемыхъ истинной философіей. Онъ нападалъ также энергично на свободомысліе, наносившее хотя бы самое малѣйшее посягательство на монархическій принципъ, и уволилъ многихъ профессоровъ, въ либерализмѣ или неспособности коихъ онъ ви-

дѣлъ источникъ нравственной распущенности, губившей молодежь и дурно вліявшей на нравы. Его дѣятельность, врожденное краснорѣчіе, его умъ, окрѣпившій въ борьбѣ съ пагубными идеями современной философіи, снискали ему полное довѣріе министра и въ то же время возстановили противъ него даже тѣхъ, которымъ нечего было бояться съ его стороны, и создали ему множество тайныхъ враговъ среди состава преподавателей и ихъ покровителей. Магницкій не щадилъ ни протестантизма, ни масонства, ни современной литературы; однимъ словомъ, онъ объявилъ войну на смерть неологизму, который, надобно сказать по правдѣ, не оставилъ ни одной религіозной или нравственной истины, не исказивъ ее ложными толкованіями или не осмѣявъ ее, начиная отъ Вольтера и кончая Маратомъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неумолимъ. Всякое сочиненіе, вышедшее изъ-подъ его пера, всякое слово, вышедшее изъ его устъ, было ядовитою стрѣлою, направленною противъ невѣрія, философіи, противъ такъ называемыхъ либеральныхъ идей. Каждое его сочиненіе, каждое его слово создавало ему новыхъ враговъ. Я не буду защищать усердія, коимъ не руководить осторожность. Но я не могу также согласиться съ тѣми, кои называютъ Магницкаго плутомъ (fourbe), ибо, повторяю, ни одинъ плутъ не станетъ дѣйствовать единственно съ цѣлью нажить себѣ враговъ и сдѣлаться со временемъ ихъ жертвою. Я близко зналъ этого человѣка. Онъ былъ прекрасный мужъ, прекрасный отецъ, прекрасный учитель; онъ былъ добръ, сострадателенъ и пріятенъ въ обращеніи. Если его увлекло самолюбіе, то этого нельзя ставить ему въ вину. Съ его умомъ и способностями позволительно быть самолюбивымъ. Да и у кого нѣтъ самолюбія, хотѣлъ бы я знать?

Эпоха, описываемая мною, хотя и не можетъ быть причислена къ числу тѣхъ, которыя готовятъ въ государствахъ большіе перевороты, тѣмъ не менѣе представляетъ весьма важный историческій періодъ и поясняетъ многіе факты, которые исторія, произнося свой приговоръ, напрасно старалась бы истолковать разными натяжками.

Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ самаго возникновенія своего образовалось изъ разнородныхъ элементовъ, безо всякой системы, безъ руководящей силы и поэтому не могло принести хорошихъ плодовъ. Въ Россіи все обновляется съ теченіемъ времени. Ея нравы, вѣрованія, обычаи и даже гражданскіе законы, все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ она вступила въ новую эру политическаго существованія, начавшуюся при Петрѣ I. Самый народъ уже не тотъ, какимъ онъ былъ сто лѣтъ тому назадъ. Основные принципы общественной жизни, религіозные взгляды и права, коими пользуются граждане, подчинились той непрестанной перемѣнѣ, вслѣдствіе которой Россія съ каждымъ царствованіемъ мѣняла свой обликъ. До царство-

ванія императора Николая, въ Россіи не существовало Свода Законовъ. Привилегія, дарованныя монархами съ какою-либо извѣстной цѣлью различнымъ сословіямъ русскаго народа, не имѣли силы закона. Управление Имперіей измѣнялось сообразно съ руководящими взглядами правительства. Религія, повидимому, не подчинилась свѣтской власти, между тѣмъ церковь, подобно тому, какъ смотритъ на нее протестантство, была помѣщена въ списокъ гражданскихъ учрежденій и, подчиняясь верховной власти, подвергалась весьма естественно преобразованіямъ въ своемъ управленіи, въ своихъ обрядахъ и даже въ догматахъ, наравнѣ со всѣми прочими учрежденіями. Не далѣе какъ 20 лѣтъ тому назадъ введенъ новый катехизисъ, отличный отъ того, по которому преподавали Законъ Божій въ царствованіе Екатерины II, и который, въ свою очередь, отличался отъ катехизиса, принятаго во времена патріарховъ. Эти преобразованія въ дѣлѣ религіи совершались, такъ сказать, съ каждымъ поколѣніемъ, и если въ настоящее время учатъ еще катехизисъ и то, что извѣстно подъ общимъ названіемъ Закона Божьяго, то это дѣлается единственно для того, чтобы сохранить въ спискахъ преподаваемыхъ предметовъ обученіе правиламъ религіи. Обученіе это кончается въ низшихъ классахъ и забывается учениками въ то время, когда они не достигли еще возраста, въ которомъ умъ и совѣсть наиболѣе нуждаются въ руководствѣ религіи, главную основу которой составляетъ сверхчеловѣческая евангельская мораль. Я не хочу этимъ сказать, что основу христіанскихъ вѣрованій составляетъ схоластическое богословіе. Оно не можетъ породить вѣры, точно такъ же, какъ историческая вѣра и обрядность никогда не дѣлаютъ человѣка истиннымъ христіаниномъ: я хочу только сказать, что въ Россіи, со временъ Петра I, никогда не считали религію душою соціальнаго тѣла, но что на нее смотрѣли всегда какъ на предметъ преподаванія, хотя и божественнаго, но тѣмъ не менѣе подлежащаго измѣненіямъ, которыя время, нравы, взгляды, духъ правительства или сила вещей могутъ ввести въ религію, исповѣдуемую народомъ, въ администрацію церкви и даже въ каноническое право. Синодъ, дѣйствуя отъ имени монарха, какъ главы церкви, произноситъ безапелляціонный приговоръ, которому церковь должна повиноваться. Вновь учрежденное министерство, созданное для того, чтобы управлять всѣмъ, что касается духовныхъ дѣлъ и народнаго образованія, должно было, по самому свойству своему, быть исключительно православнымъ. Подъ православіемъ масса русскаго народа понимаетъ лишь исполненіе безъ разсужденій всѣхъ догматовъ и правилъ, признанныхъ восточною католическою церковью, со временъ апостольскихъ и соблюдавшихся до злосчастнаго раскола, раздѣлившаго въ VII вѣкѣ по Р. Х. католическія церкви.

Справедливыя и достойныя похвалы старанія патріарха Никона

очистить русскую церковь отъ злоупотребленій, внесенныхъ въ нее не-вѣріемъ, вызвали новый расколъ; всѣ позднѣйшія нововведенія еще болѣе ослабили вѣру. Цѣлью вновь учрежденнаго министерства должно было быть наблюденіе за неприкосновенностью догмата, за чистотою правилъ православной церкви; его обязанностью было устранять изъ администраціи церкви всякаго рода злоупотребленія и направлять народное образованіе къ цѣли, указанной Евангеліемъ, т. е. къ тому, чтобы сдѣлать человѣка столь же совершеннымъ, какъ Отецъ Небесный, говоря словами самого Богочеловѣка, чтобы проповѣдывать людямъ не безплодныя теоріи, но вѣчныя Божественныя истины. Такова должна быть обязанность министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Тотъ, кто понялъ намѣреніе, руководившее императоромъ Александромъ, когда онъ создалъ Священный Союзъ, легко пойметъ, что созданіе новаго министерства не могло быть вызвано простыми политическими соображеніями. Но, къ сожалѣнію, не всѣ добрыя намѣренія приводятъ къ ожидаемому результату. Несмотря на самыя лучшія намѣренія, человѣкъ не можетъ сдѣлать того, что не предназначено ему свыше.

Князь Голицынъ, человѣкъ прямой и самыхъ чистыхъ намѣреній приложилъ все свое стараніе къ тому, чтобы направить дѣла министерства, но одного старанія еще мало, какъ сказалъ апостолъ Павелъ. Въ дѣлѣ религіи необходима большая осторожность, основанная на знаніи человѣческаго сердца и исторіи. Религія и вѣра не одно и то же! Вѣра есть самая сущность христіанства, религія есть только внѣшнее выраженіе ея. Первая скрыта, вторая явна. О вѣрѣ нельзя судить по религіозности; въ послѣдней обыкновенно играютъ большую роль гордость и самолюбіе.

Окруженный православными монахами, священниками и епископами и англійскими, лютеранскими или протестантскими методистами, проникнутый духомъ библейскихъ и иныхъ иностранныхъ христіанскихъ обществъ, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія престоудушно считалъ возможнымъ помирить всѣ эти несогласія и подчинить вмѣстѣ съ тѣмъ философію религіи, соблюдая въ вопросахъ вѣры полнѣйшую вѣротерпимость, не обращая вниманія на частныя взгляды, и въ концѣ концовъ онъ создалъ возможные столкновенія, породившія самыя роковыя послѣдствія, къ великому ущербу истины.

Изъ Баваріи былъ вызванъ имъ въ Россію католическій священникъ Линдель, нѣмецъ по происхожденію. Краснорѣчивый проповѣдникъ, онъ высказывалъ въ своихъ проповѣдяхъ взгляды совершенно различные съ взглядами католической церкви, и хотя на него смотрѣла косо ультрамонтанская община сѣверной столицы, но ему было разрѣшено говорить проповѣди въ католической церкви при Пажескомъ корпусѣ. Я не разъ слышалъ его проповѣди, былъ знакомъ съ нимъ лично и дол-

женъ сказать по совѣсти, что его проповѣди, воплѣ согласныя съ духомъ христіанства, не могли быть признаны опасными для вѣры. Но религія, какъ я уже сказалъ, не есть вѣра. Догматы одного вѣроисповѣданія не суть догматы другой религіи. Каждая церковь имѣетъ свои догматы, а религія держится именно догматами. Мальтійская церковь посѣщалась лютеранами и православными; католики не появлялись въ ней въ тѣ дни, когда проповѣдь говорилъ Линдель. Это явное нарушение религіи возмутило всѣхъ петербургскихъ католиковъ. Линдель оставался въ Петербургѣ не долго. Вскорѣ появился новый проповѣдникъ, ксендзъ Госнеръ. Онъ заставилъ католиковъ кричать еще громче, когда они увидали, что ему позволено проповѣдывать въ большой католической церкви, гдѣ богослуженіе совершалось доминиканскими монахами. Госнеръ проповѣдывалъ въ томъ же духѣ, какъ и Линдель. Оба обладали въ высшей степени даромъ слова, но оба впадали въ протестантство и не нравились послѣдователямъ римско-католической церкви.

Въ то время, какъ дѣятельность библейскаго общества все болѣе и болѣе расширялась, а методисты и англійскіе квакеры дѣйствовали, чтобы пріобрѣсти какъ можно большее вліяніе на народное образованіе, и дирекція училищъ запрещала преподаваніе міеологіи, самыя пагубныя и богохульственныя доктрины преподавались открыто въ Педагогическомъ институтѣ, въ Царскосельскомъ лицѣѣ, въ университетахъ и гимназіяхъ. Одинъ изъ учениковъ института, Куницынъ, сдѣлавшись профессоромъ, преподавалъ въ университетѣ и въ лицѣѣ естественное право, и путалъ въ умахъ своихъ безбородыхъ слушателей всѣ понятія о нравственности и религіи. Профессора Педагогическаго института нападали открыто съ кафедръ на Божественное право и на монархическій принципъ.

Исторія и даже статистика, сдѣлавшаяся наукой отдѣльною отъ политической географіи, были полны безбожія. Одинъ профессоръ, бывший ранѣе наставникомъ въ частныхъ домахъ, по имени Раупахъ, извѣстный впослѣдствіи въ Германіи, какъ авторъ театральныхъ піесъ, былъ назначенъ преподавателемъ исторіи и подрывалъ авторитетъ св. Писанія, ставя въ одинъ разрядъ Моисея, Санхонатіона и Девкалиона! Онъ изображалъ еврейскій народъ кочующимъ племенемъ, ничтожнымъ среди великихъ народовъ того времени и, не нападая собственно на христіанство, разрушалъ его основы такъ же, какъ и основы монархическаго принципа, опирающагося на одну силу, когда Божественное право не признается его единственнымъ источникомъ.

Германъ, бывший тоже домашнимъ наставникомъ до своего назначенія въ профессора, говорилъ въ своей теоріи статистики, что индѣйцы приносятъ въ честь или въ воспоминаніе одного изъ своихъ боговъ

въ жертву хлѣбъ и вино такъ же, какъ христіане. Другіе русскіе профессоры, воспитанники Педагогическаго института, вдавались въ туманную философію нѣмецкихъ неологовъ, чтобы потрясти всѣ истины откровенія, основывая свои силлогизмы на ученіи Канта, Шеллинга и на другихъ схоластическихъ бредняхъ, коимъ не предвидится конца съ тѣхъ поръ, какъ человѣческая философія хочетъ все подвергнуть на судилище разума! Даже при преподаваніи въ первоначальныхъ школахъ географіи, статистики и исторіи, приняли за правило порицать всѣ правительства, всѣ основы нравственности и христіанства. Куницынъ, профессоръ естественнаго права, въ курсѣ, который, по его словамъ, былъ сочиненъ имъ самимъ (!) и разрѣшенъ къ печати, а потомъ запрещенъ, говорилъ, что природа не воспрещаетъ матери выйти замужъ за своего сына, или отцу жениться на дочери, что совершеннолѣтнія дѣти ничѣмъ не обязаны своимъ родителямъ, съ того момента, какъ только они въ состояніи сами зарабатывать свой хлѣбъ и что всякая власть, не основанная на единогласномъ желаніи всего общества, есть тиранство.

Всѣ эти прекрасныя открытія человѣческаго ума преподавались публично въ университетахъ и школахъ въ христіанской и монархической странѣ, въ царствованіе набожнаго монарха и при министерствѣ, созданномъ для того, чтобы поддерживать религію и народное образованіе во всей ихъ чистотѣ ¹⁾.

¹⁾ Чтобы не погрѣшить противъ истины, надобно сказать, что князь Голицынъ, при вступленіи своемъ въ министерство, нашелъ народное образованіе организованнымъ такъ, какъ я только-что описалъ, при его предшественникѣ, графѣ Разумовскомъ. Ни Завадовскій, первый министръ, ни Разумовскій, его преемникъ, ни князь Голицынъ, при которомъ духовныя дѣла были присоединены къ народному просвѣщенію, не были способны управлять министерствомъ, вновь созданнымъ или учрежденнымъ по образцу французскаго министерства, въ странѣ, гдѣ народное образованіе не вышло еще изъ пеленокъ. Какъ я уже замѣтилъ выше, до этого времени, въ Россіи не существовало другихъ учебныхъ заведеній, кромѣ Московскаго университета и нѣсколькихъ школъ во внутреннихъ губерніяхъ, завѣдываніе которыми не составляло отдѣльной отрасли администраціи. Всѣ эти министры не получили классическаго образованія, они не были знакомы съ ходомъ образованія въ общественныхъ заведеніяхъ и еще менѣе съ университетскими и гимназическими порядками. Имъ пришлось взять примѣръ изъ-за границы, усвоить иностранный методъ и довѣриться своимъ подчиненнымъ, которые не были болѣе свѣдущи, чѣмъ они. Московскій университетъ долго не былъ преобразованъ; вновь учрежденные университеты были устроены по примѣру нѣмецкихъ; петербургскій учебный округъ, состоявшій изъ гимназій и начальныхъ школъ, не имѣлъ университета. Педагогическій институтъ заступалъ его мѣсто. Каждый округъ находился подъ вѣдомствомъ попечителя. Министръ Разумовскій поручилъ петербургскій округъ своему зятю Уварову, молодому человѣку, состоявшему по матери въ родствѣ съ самыми знатными

Полнѣйшая вѣротерпимость потворствовала самымъ невѣжественнымъ и смѣшнымъ сектамъ. Между прочимъ, одна женщина, по фамиліи Татарина, окружала себя духовидцами, которые подражали англійскимъ и американскимъ квакерамъ въ ихъ собраніяхъ, состоявшихъ изъ женщинъ и мужчинъ, которые снимали съ себя одежду и надѣвали длинныя холщевыя рубашки. Они считали г-жу Татарину вдохновенною свыше. Составивъ кругъ, они вертѣлись до изнеможенія силъ, по-

фаміліями Имперіи и не занимавшему ранѣе другой должности, кромѣ камеръ-юнкера, что давало ему чинъ статскаго совѣтника, — преимущество, упраздненное впоследствии. Уваровъ, получившій домашнее воспитаніе подъ руководствомъ французскаго аббата, хотя и не прошелъ курса классическихъ наукъ, но получилъ, однако, отличное образованіе, ставившее его выше его сверстниковъ. Въ петербургскихъ салонахъ его считали ученымъ. Тесть — министр, дядя — министр, множество родственниковъ, занимавшихъ самыя высокопоставленныя должности, придавали ему вѣсъ въ обществѣ и облегчали ему возможность сдѣлать блестящую карьеру. Онъ захотѣлъ уничтожить все, что существовало до него, и Педагогическій институтъ, принесшій не малую пользу, долженъ былъ уступить мѣсто университету, коего планъ зародился въ его обширномъ воображеніи. Мы видѣли выше, каковъ былъ его составъ, и какимъ духомъ руководились профессора этого разсадника наставниковъ, которые должны были составить учительскій персоналъ Имперіи! Въ то же время естественное право Куницына обратило вниманіе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, и вниманіе самого императора. Чтеніе права было воспрещено, и профессоръ удаленъ. Уваровъ довершилъ свое великое дѣло! Планъ и уставъ Петербургскаго университета, выработанные въ министерствѣ, были представлены на разсмотрѣніе главной дирекціи училищъ прежде утвержденія ихъ высочайшей властью.

Эти правила или уставъ составляли толстую тетрадь разныхъ пунктовъ, раздѣленныхъ на главы и отдѣлы. Уставъ былъ рабочимъ подражаніемъ или точнымъ сколкомъ съ уставовъ и управленія нѣмецкихъ университетовъ. У меня хранится точная копія этого устава, снятая съ оригинала. Университетъ долженъ былъ быть раздѣленъ на факультеты для изученія: 1) исторіи и философіи; 2) физики и математики; 3) юриспруденціи и политическихъ наукъ. Существованіе медико-хирургической академіи независимо отъ министерства и духовной академіи дѣлало касседры богословія и медицины излишними въ университетахъ.

Уставъ, пройдя чрезъ руки членовъ дирекціи училищъ, подвергся болѣе или менѣе рѣзкимъ нападкамъ. Члены Разумовскаго министерства приняли сторону его зятя; Магницкій объявилъ себя противъ него; министръ принялъ его сторону. Другіе члены раздѣлились; пренія вывели Уварова изъ себя. Въ тотъ же день онъ подалъ въ отставку, прося уволить его отъ должности члена дирекціи и попечителя.

Министръ возложилъ на меня исполненіе обязанностей попечителя. Онъ сдѣлалъ даже представленіе объ утвержденіи моемъ въ этой должности, но императоръ, не согласившись на это, не устранилъ меня отъ управленія округомъ, и я исполнялъ эти обязанности и во время кончины Александра.

Безъ сомнѣнія, партія Уварова, сильная при дворѣ, не имѣла возможно-

томъ пророчествовали, произнося отрывочныя фразы, которыя считались вдохновенными и должны были быть истолкованы или отгаданы ¹⁾.

Въ это невозможное и скандальное общество, которое не только было терпимо, но даже покровительствуемо, принимались всякаго рода люди: военные, духовные, православные и раскольники, молодые и старики. Проповѣдникъ Госнеръ, въ свою очередь, нашелъ среди своихъ многочисленныхъ приверженцевъ поклонниковъ его доктринъ; его нѣмецкія проповѣди были напечатаны и пущены въ ходъ. Одна фраза въ одной изъ этихъ проповѣдей произвела взрывъ, положивъ конецъ существованію библейскаго общества, и протестантству католическихъ священниковъ, Линделя и Госнера, усиліямъ и проискамъ методистовъ и министерству духовныхъ дѣлъ. Проповѣдникъ Госнеръ былъ высланъ за границу, директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія, Поповъ, обвиненный въ переводѣ госнеровскихъ проповѣдей, былъ преданъ суду. Князь Голицынъ просилъ уволить его отъ управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія и былъ замѣненъ отставнымъ адмираломъ Шишковымъ ²⁾, который былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Духовныя дѣла поступили по-прежнему подъ вѣдомство оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

Адмиралъ Шишковъ, достигшій этого поста послѣ полувѣковой службы и получившій образованіе въ морскомъ корпусѣ, былъ, какъ говорятъ, менѣе Голицына способенъ управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія. Онъ еле-еле зналъ французскій и нѣмецкій языки настолько, чтобы понимать авторовъ, писавшихъ на этихъ языкахъ. Его

сти обставить свою неудачу болѣе или менѣе лестнымъ для себя образомъ, не упустила случая разгласить, что она была жертвою интриги въ мою пользу, въ которую князь Голицынъ позволилъ вовлечь себя.

По возвращеніи своемъ въ Россію, императоръ пожаловалъ мнѣ столовыя деньги, Владиміра, значительную сумму денегъ и аренду, но держалъ меня въ неизвѣстности относительно моей дальнѣйшей судьбы, утверждая, однако, всѣ мѣры, принимаемыя мною для того, чтобы преобразовать университетъ во всѣхъ его частяхъ. По моему предложенію было ассигновано болѣе милліона рублей на постройку новыхъ зданій для университета. Эта сумма должна была быть внесена въ бюджетъ и распредѣлена на пять лѣтъ, по истеченіи которыхъ всѣ проектированныя зданія должны были быть окончены.

Семь мѣсяцевъ спустя послѣ восшествія на престолъ императора Николая, послѣ тридцати лѣтъ безпорочной службы, я сдѣлался, чѣмъ свою очередь, жертвою клеветы, которая навлекла на меня въ теченіе четырнадцати лѣтъ самыя тяжкія бѣдствія...

Писано по прошествіи 14-ти лѣтъ, 25-го іюня 1840 г.

¹⁾ Подробныя свѣдѣнія о сектѣ Татариновой см. „Русскую Старину“ 1895 г. т. 84 и 1896 г. т. 85.

²⁾ Все это изложено авторомъ не точно.

Ред.

конькомъ былъ русскій языкъ. Онъ хвастался глубокимъ знаніемъ этого языка, а также славянскаго; не получивъ классическаго образованія, онъ сумѣлъ прослыть въ обществѣ знатокомъ классическихъ языковъ, и это доставило ему званіе президента Россійской академіи. Какъ всѣ люди, которые, за неимѣніемъ особыхъ достоинствъ, стараются оригинальничать, онъ выказывалъ глубокое презрѣніе ко всему иностранному, восхваляя выше всего Россію и все русское.

Всякая посредственность, поддержанная приверженцами (а у кого ихъ нѣтъ), заставляетъ говорить о себѣ. На Шишкова указывали, какъ на патріота, достойнаго занимать первую должность въ Имперіи, и такъ какъ онъ нападалъ со своимъ русско-славянскимъ языкомъ на Карамзина, когда тотъ появился на сценѣ со своими галлицизмами, германизмами и преобразованіями русскаго языка, то поклонники Шишкова превозносили его, какъ единственнаго защитника русскаго языка и хранителя его своеобразной прелести.

Въ эпоху социальныхъ кризисовъ противодѣйствіе новымъ идеямъ, которыя желаютъ низвергнуть, всегда бываетъ очень сильно. Чтобы заглушить литературный и административный неологизмъ Сперанскаго, нужно было замѣнить его системой, коей единственнымъ достоинствомъ была ея истина. Сперанскаго, который съ глубокимъ умомъ, литературными познаніями и образованіемъ, основаннымъ на изученіи классическихъ и современныхъ языковъ, соединялъ гибкость характера и хитрость, какія рѣдко встрѣчаются въ самыхъ ловкихъ царедворцахъ, отличающихся особымъ умѣніемъ заставить событія склоняться въ ихъ пользу, думали стереть, замѣнивъ его Шишковымъ. Насиловавъ любимые взгляды Александра и съ успѣхомъ проведя интригу, сломившую шею Сперанскому, легко было заставить его, когда онъ упалъ духомъ, принять мѣры, самыя противныя его взглядамъ.

На мѣсто Сперанскаго былъ предложенъ Шишковъ; онъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ, сохранилъ это мѣсто до окончанія войны и впоследствии былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта, который послѣ паденія Сперанскаго приравнялся ко всѣмъ совѣтамъ, кои представляютъ лишь безмолвныя засѣданія, выслушивающія высочайшую волю, и служатъ только выраженіемъ этой воли. Этотъ же адмиралъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія на мѣсто князя Голицына. Интрига, пущенная въ ходъ для того, чтобы устранить послѣдняго отъ всякаго вліянія на дѣла министерства, была та же, которая подготовила паденіе Сперанскаго; но главныя пружины, руководившія интригою, были уже не тѣ. Единственная пружина, двигавшая въ то время всѣмъ, былъ всемогущій графъ Аракчеевъ.

Философія обыкновенныхъ людей уподобляется по большей части философіи той москы, которая лаетъ на слона, чтобы заставить гово-

рять о себѣ, или философіи мухи, пахавшей на рогахъ вола. Человѣкъ носить въ себѣ стремленіе къ превосходству, которое есть источникъ гордости, подобно тому, какъ гордость была причиною паденія перваго ангела.

Императоръ Александръ, утомленный царствованіемъ, не желалъ болѣе непосредственно заниматься дѣлами внутренняго управленія и поставилъ между собою и государственнымъ совѣтомъ, комитетомъ министровъ и самими министрами графа Аракчеева. Министры уже не имѣли, какъ прежде, свободнаго доступа къ императору. Только одинъ князь Голицынъ, товарищъ дѣтства Александра, бывшій его камеръ-юнкеръ во время его бракосочетанія, сохранилъ эту привилегію, какъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и какъ главноуправляющій почтовою частью въ Имперіи. Его положеніе и дружеское отношеніе къ государю ставили его въ полную независимость отъ вліянія графа Аракчеева въ подвѣдомственной ему части. Русскій великій визирь не могъ видѣть равнодушнымъ окомъ власти, отъ него не зависящей. Онъ хотѣлъ унижить князя. Для этого надобно было представить монарху факты, могущіе поколебать его довѣріе къ старинному слугѣ, на котораго онъ привыкъ смотрѣть съ дѣтства, какъ на человѣка, преданнаго своей особѣ, не считая его однако непогрѣшимымъ, какъ государственнаго человѣка. Это дѣло было легкое.

Вдовствующая императрица и великій князь были недовольны министромъ народнаго просвѣщенія за слѣдствіе относительно профессоровъ, въ числѣ которыхъ были замѣшаны Германъ, Балугьянскій и Арсеньевъ, которые пользовались достаточнымъ авторитетомъ, чтобы представить себя жертвами клеветы, веденной съ цѣлью бросить нелестную тѣнь какъ на покровительствуемыхъ, такъ и на покровителей.

Семейство Волконскихъ орудовало въ пользу Раупаха, бывшаго наставникомъ у нихъ въ домѣ, и въ пользу Уварова, потерпѣвшаго крушеніе со всею своею ученою извѣстностью. Высшее духовенство, придавленное властью министра, было радо сбросить съ себя иго, умалявшее его достоинство. Составъ преподавателей былъ обличенъ, и всѣ кричали противъ несправедливости власти, цѣлью которой было погасить всякое образованіе въ пользу ханжества и невѣжества. Библейскія общества, секта г-жи Татариновой, проповѣдники Линдель и Госнеръ, лавкастерскія школы, учрежденныя яко бы для выработки методики, переводъ богохульственныхъ проповѣдей Госнера, исправленный рукою директора департамента министерства народнаго просвѣщенія, были, къ несчастію, истины, отрицать которыя было не легко; на нихъ указывали всѣми силами святоши православнаго и римско-католическаго вѣроповѣданій, и, наконецъ, Магницкій, сдѣлавшійся любимцемъ и агентомъ Аракчеева, въ цѣляхъ, которыя мнѣ неизвѣстны, и о которыхъ я не берусь поэтому судить; всѣхъ этихъ элементовъ было болѣе, чѣмъ

достаточно, чтобы заставить императора отнять портфель изъ рукъ князя Голицына или, чтобы заставить самого князя отказаться отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Шишковъ получилъ портфель народнаго просвѣщенія только потому, что Аракчеевъ былъ убѣжденъ, что онъ будетъ дѣйствовать въ его видахъ съ цѣлью окончательно погубить своего предшественника въ глазахъ императора. Онъ не замедлилъ доказать это однимъ изъ первыхъ своихъ поступковъ.

Малороссъ Станевичъ, человѣкъ ничтожный, плохой писатель, затронувъ устарѣлые взгляды въ брошюрѣ, озаглавленной «Плачь надъ гробомъ младенца», въ которой онъ яко бы оспаривалъ всѣ взгляды на безсмертіе души, не основанные на воззрѣніяхъ православной церкви. Цензура, во время управленія министерствомъ князя Голицына, не дозволила напечатать эту брошюру по той причинѣ, что авторъ уничижалъ всѣ христіанскія вѣрованія въ пользу господствующей церкви.

Аракчеевъ говорилъ, Шишковъ жестикулировалъ. Книга Станевича была дозволена и напечатана. Въ отношеніи, коимъ было разрѣшено ея печатаніе, было сказано, между прочимъ, что ранѣ дурныя книги были разрѣшены, а хорошія запрещались. Такимъ образомъ, нравственные воззрѣнія министерства Голицына были осуждены публично. Ланкастерскія школы утратили значеніе. Та же сила сокрушила библейское общество. Въ послѣднемъ засѣданіи Главнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго Серафима, который замѣнилъ князя Голицына въ должности предсѣдателя этого комитета, тотчасъ по выходѣ его въ отставку, на библейскія общества посыпались нападки, какъ на общества, вредныя для вѣры. Магницкій откопалъ какую-то якобы двусмысленность въ переводѣ Евангелія пли грубую опечатку. Ожесточенная записка, поданная имъ по этому поводу, была причиною къ принятію мѣръ для уничтоженія общества и для прекращенія печатанія русскаго перевода Евангелія и славянскихъ Библій. Однако, правительство сохранило продажу Библій и книгъ Новаго Завѣта, напечатанныхъ на славянскомъ и русскомъ языкахъ съ разрѣшенія Синода и цензуры. Типографія со всѣми ея принадлежностями и напечатанными экземплярами Библіи на славянскомъ и русскомъ языкахъ была предоставлена въ распоряженіе Синода. Продажа и раздача книгъ комитетами была прекращена; они мало-по-малу окончили свое существованіе, и о Библіяхъ не было болѣе слуху.

Хотя народное образованіе не могло подвергнуться столь быстрому натиску, какъ библейское общество, но и оно приняло совѣтъ иной обликъ. Старикъ Шишковъ боялся прослыть въ мнѣніи либераловъ и безбородыхъ ученыхъ за гасителя просвѣщенія; ему также нужны были приверженцы: всѣ противники проектовъ Голицына перешли на его сторону, и побѣжденные либеральныя доктрины не смѣли поднять го-

ловы. Либералы довольствовались правомъ осмѣивать министерство Голицына и давать болѣе простора свободомыслию въ дѣлѣ преподаванія. Я также подвергся косвеннымъ нападкамъ людей, окружавшихъ Шишкова, но такъ какъ онъ не былъ въ состояніи меня низвергнуть, то я продолжалъ проводить реформы, намѣченные и утвержденныя императоромъ. Я не хотѣлъ оставить предпріятія, внушеннаго самымъ полнѣйшимъ безкорыстіемъ, и сдѣлать все добро, которое я могъ сдѣлать, создавъ образцовый университетъ, основанный на тѣхъ двухъ единственно возможныхъ основахъ его нравственнаго существованія: религія и монархическомъ принципѣ, которыя не признаны во всѣхъ новѣйшихъ учебныхъ заведеніяхъ, созданныхъ министерствомъ и скопированныхъ съ оригиналовъ, которые тогда еще вовсе не были подходящи для Россіи. Я ждалъ всего отъ времени и отъ чистоты моихъ намѣреній, хотя министерство Шишкова не обѣщало мнѣ добросовѣстной и твердой поддержки. Привыкнувъ къ перемѣнамъ въ правительственныхъ сферахъ, я полагалъ, что новый порядокъ вещей могъ явиться на смѣну того, который былъ плодомъ интриги. Ибо, не становясь защитникомъ министерства Голицына, я долженъ сказать по совѣсти, что князь, проникнутый самыми благими намѣреніями, грѣшилъ только тѣмъ, что онъ слишкомъ легко поддавался вліянію людей, не заслуживавшихъ его довѣрія, и которые, пользуясь этой слабостью, вводили его въ заблужденіе и ставили въ фальшивое положеніе, сообразно со своими личными выгодами.

Князь Голицынъ, сложивъ съ себя управленіе министерствомъ, не лишился вмѣстѣ со своимъ портфелемъ благоволенія Александра.

Государственный человѣкъ всесильнѣе, когда онъ дѣйствуетъ, опираясь на совѣсть, и поступаетъ осторожно. Онъ можетъ все погубить, когда онъ увлекается насиліемъ, чтобы достигнуть цѣли. Нельзя насиловать ни общественное мнѣніе, ни совѣсть. Великое искусство въ дѣлѣ управленія состоитъ въ томъ, чтобы умѣть повліять на совѣсть людей и на общественное мнѣніе силою убѣжденія. Народы счастливы только тогда, когда они это чувствуютъ. Клѣтка мѣшаетъ гіенѣ проявлять свою жестокость, но жестокость ея отъ этого не уменьшается.

Шишковъ, поддерживаемый Аракчеевымъ, сохранилъ свой постъ до смерти Александра. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія не произошло перемѣнъ.

Князь Голицынъ удержался при дворѣ, какъ держится всякій царедворецъ, говорящій, что идетъ дождь, когда дождя нѣтъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ переговорахъ, касавшихся отреченія отъ престола цесаревича Константина Павловича.

Два самыя главные для Имперіи министерства, при ея настоящемъ положеніи, созданныя Александромъ: министерства полиціи и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, имѣли кратковременное существованіе и

исчезли такъ же быстро, какъ быстро появились. Эти полезныя министерства сдѣлались жертвою интриги, которая, къ несчастію, всегда выѣшивается въ Россіи въ управленіе тѣхъ частей, которыя менѣе всего терпятъ ея козни. Балашовъ, первый и послѣдній министръ полиціи, погубилъ министерство, сдѣлавшись орудіемъ интриги, задавшей цѣлью погубить Сперанскаго. Голицынъ, первый и послѣдній министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, погубилъ это министерство, давъ интригѣ могущественное орудіе, для нападенія на него, тѣмъ, что онъ отдался отъ естественной цѣли министерства, которую онъ смѣшалъ съ роковой наклонностью къ чудесному, въ которомъ онъ думалъ найти настоящую основу религіи и образованія. Грустно встрѣчать на каждомъ шагу въ исторіи человѣчества эту склонность искать всегда истину тамъ, гдѣ ея никогда нѣтъ, въ соображеніяхъ ума, тогда какъ она бываетъ вездѣ, гдѣ умъ руководится совѣстью.

Въ Россіи менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно отдѣлять религію и народное образованіе или смотрѣть на нихъ въ духѣ протестантства. Какъ только въ дѣла церкви выѣшается философія или политика, она теряетъ всю свою власть на душу: какъ только образованіе отдѣляется отъ вѣры, оно оказывается пагубнымъ для нравовъ и для общества. Власть разума не такъ всеильна, какъ могущество вѣры, а вѣру порождаетъ и поддерживаетъ только одна религія. Когда исчезаетъ вѣра, то религія дѣлается ненужной съ той минуты, какъ умъ начинаетъ видѣть во всѣхъ мѣропріятіяхъ—мѣропріятія чисто человѣческія, которыя безбожіе и раціонализмъ считаютъ только уздою, способною держать народы въ повиновеніи. Вѣра повинуетъ только внутреннему убѣжденію сердца и ума, который никогда не отказывается вѣрить въ то, что чувствуетъ сердце. Сила правды—въ ея очевидности, въ ея результатахъ, въ сознаніи ея владычества надъ умомъ и сердцемъ, которые не коснѣютъ въ невѣжествѣ и злобѣ.

Солнце одинаково грѣетъ человѣка и червяка; то же самое солнце не вызываетъ чувства тепла въ человѣкѣ и червякѣ въ ледникѣ, куда лучи его не могутъ проникнуть.

При кончинѣ Петра I Россія была странюю не цивилизованной на европейскій ладъ, но дикой; но это была страна дѣвственная, которую ея правители легко могли направить въ ту или другую сторону. Петръ первый пренебрегъ общественной нравственностью. Желая развязать себѣ руки, онъ сокрушилъ власть патріарха и только стремился сдѣлать изъ своего народа голландцевъ или нѣмцевъ. Я не хочу этимъ сказать, что патріаршая власть была основою всего нравственнаго зданія, конечно, нѣтъ, но она создавала единство власти, и ея постановленія исполнялись, какъ приговоръ неба, который не можетъ быть отмѣненъ никакою земною властью; эта именно неприкосновенность или непогрѣшимость была, при всеобщемъ невѣжествѣ, тою уздою, которую философія

считаетъ квинтъ-эссенціей всякой религіи. За отсутствіемъ нравственности и религіознаго принципа, такая власть была необходима. Если бы Петръ не уничтожилъ ее, а сохранилъ и встрѣтилъ втораго Никона, то ему не пришлось бы горевать о поведеніи своего отца по отношенію къ патріарху; онъ подготовилъ бы незамѣтно русскій народъ къ принятію нравственнаго принципа, подъ вліяніемъ котораго онъ могъ бы постепенно цивилизовать свою страну въ политическомъ отношеніи.

Но, какъ я уже сказалъ, говоря объ его царствованіи, у него не было Фенелона, который научилъ бы его, что такое религія, и направилъ бы его совѣсть. Онъ имѣлъ въ виду только одну политическую цивилизацію народа и для достиженія этой главной цѣли употребилъ самодержавіе и силу.

Всякій народъ, не имѣющій нравственнаго принципа, который налагаетъ христіанство, деморализуется. Примѣромъ того можетъ служить Франція во время террора. Жестокость выводитъ народъ изъ себя, онъ возстаетъ противъ власти, которая хочетъ сдержать его матеріально въ порядкѣ, и пытается свергнуть его.

Всѣ преемники Петра увлеклись тѣмъ же принципомъ, и власть религіи все болѣе и болѣе ослабѣвала. По неволѣ приходилось прибѣгать къ насилію и къ силѣ. Что можно сказать, когда видишь, что деморализація идетъ всегда сверху. Дурной примѣръ передается такъ же быстро, какъ электричество; какой человѣкъ не сгораетъ въ огнѣ страстей, этихъ проводниковъ всѣхъ нравственныхъ пороковъ.

Вновь созданныя министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и общей полиціи должны были быть первыми наставниками русской націи при выходѣ ея изъ колыбели. Александръ хотѣлъ сдѣлать для будущихъ поколѣній по крайней мѣрѣ то, что было пренебрегаемо до него. Интрига, повторяю, испортила все и парализовала существованіе трактата Священнаго Союза. Александръ, обезсиленный усиліями и утомленіемъ, хотѣлъ все покинуть: и престолъ, и свѣтъ. Въ этомъ чувствѣ нужно искать настоящую причину его отъѣзда въ Таганрогъ.

Предполагаютъ, что ему было извѣстно о существованіи обширнаго заговора, готовившагося въ Имперіи, и что онъ хотѣлъ даже отречься отъ престола въ пользу своего втораго брата; но мы живемъ еще слишкомъ близко къ этому времени, чтобы знать причины, которыя могли побудить его къ этому. Аракчеевъ, облеченный императоромъ на время его отсутствія властью, какъ его замѣститель, зналъ вѣроятно истинную причину его отъѣзда, но его уже нѣтъ въ живыхъ точно такъ же, какъ и его монарха, и разумъ тщетно будетъ стараться выйти изъ лабиринта, въ которомъ онъ блуждаетъ и будетъ еще долгое время блуждать, не знавъ всѣхъ совершившихся фактовъ.

Имперія находилась въ ложномъ положеніи. Полное незнаніе того, сколько продолжится отсутствіе императора, держало всѣхъ въ неизвѣст-

ности. Съ удаленіемъ двигательной силы правительственной машины отъ центра ослабли всѣ пружины администраціи. Аракчеевъ былъ тайнымъ могуществомъ, это былъ священный треножникъ, изрекавшій прорицанія. Министры безмолвствовали передъ нимъ, а его молчаніе было краснорѣчиво. Никогда страна, столь громадная, какъ Россія, не представляла такой мрачной картины, какъ та, которую представляла Имперія въ эту роковую эпоху. Иго Аракчеева тяготѣло надъ всѣми частями администраціи. Интрига и недоброжелательство шли рука объ руку, чтобы все извращать и волновать самые твердые умы. Молча, въ тревогѣ, ожидали приѣзда курьера изъ Таганрога.

Вѣсть о болѣзни Александра, несмотря на всеобщее нравственное смущеніе, овладѣвшая всѣми, погрузила все народонаселеніе столицы въ горестное смятеніе.

Но лучъ надежды еще сіялъ. Курьеры слѣдовали одинъ за другимъ, привозя болѣе или менѣе успокоительныя извѣстія. Служили всенародно молебны. Храмы наполнились молящимися. Доброта и великодушіе Александра, слава, которою его войско покрыло Россію, его безкорыстные стремленія ко благу страны, всѣ усилія, сдѣланныя имъ, чтобы спасти національную честь отъ ига Наполеона,—все это заставило забыть важныя ошибки, въ которыя вовлекъ его духъ вѣка. Народъ молча молился о его спасеніи. У Источника жизни просили скорого выздоровленія Его помазанника, который былъ возвеличенъ Имъ надъ всѣми властителями земли, какъ вдругъ новый курьеръ изъ Таганрога привезъ потрясающую вѣсть о кончинѣ Александра, постигшей его 19-го ноября 1825 года, въ Таганрогѣ, въ присутствіи императрицы, его супруги.

Sic transit gloria mundi!!!

Едва прошло 25 лѣтъ ¹⁾ со смерти императора Александра и Наполеона и о нихъ говорятъ уже какъ объ историческихъ личностяхъ, какъ о Цезарѣ, о Карлѣ Великомъ! Лѣтъ черезъ сто о нихъ будутъ вспоминать какъ о герояхъ Гомера!

Александръ не достигъ еще 48 лѣтъ, когда смерть похитила его, въ тотъ моментъ, когда онъ научился познавать людей и ходъ событій, когда опытъ показалъ ему, что эти событія не суть простая игра случая, когда онъ почерпнулъ въ этомъ опытѣ урокъ, который могъ научить его искусству управлять обширнѣйшею въ мірѣ монархіей.

Дѣятельный, полный жизни и силъ, Наполеонъ уступилъ мѣсто подагрику Людовику XVIII, едва влачившему ноги!

Человѣческій разумъ, всегда доискивающійся истинной причины событій, совершающихся на нашихъ глазахъ, съ жадностью цѣпляется

¹⁾ Писано въ пятидесятихъ годахъ.

за всевозможныя догадки и предположенія, чтобы объяснить факты, которые ускользають отъ его пониманія. Въ кончинѣ Александра не хотѣли видѣть естественный конецъ всякаго живаго существа. Возрастъ императора, его здоровое тѣлосложеніе, отсутствіе какой-либо болѣзни, подпачивающей силы, умѣренный и правильный образъ жизни,—все это заставляло думать, что преждевременная смерть, прекратившая его дни, была не естественна. Для того чтобы разъяснить это недоразумѣніе, обратились къ исторіи, столь богатой примѣрами, что монархи становились жертвою меча или яда.

Иначе пришлось бы видѣть въ его кончинѣ только неисповѣдимую судьбу Провидѣнія. Всѣ говорили другъ другу по секрету, что Александръ былъ отравленъ.

Безъ сомнѣнія, императоръ Александръ зналъ о заговорѣ, существовавшемъ въ Имперіи. Можетъ быть, ему были даже извѣстны всѣ пружины, пущенныя въ ходъ, чтобы произвести переворотъ. Александръ былъ утомленъ и разочарованъ властью и, удалившись на югъ Имперіи, намѣревался отказаться отъ престола, лишь только это могло бы совершиться безъ потрясенія для государства.

Бунтъ, вспыхнувшій по смерти Александра въ нѣкоторыхъ полкахъ, доказываетъ, что въ Россіи не существовало въ то время желанія произвести политическій переворотъ.

Трудно сказать, былъ ли у декабристовъ глава, которому подчинялась вся партія. Говорили, правда, о Тургеневѣ, Муравьевѣ и Пестелѣ, и о выработанномъ ими яко бы проектѣ конституціи, но они доказали, что съ конституціями, составленными на скорую руку въ политическихъ кружкахъ, состоящихъ изъ безбородой молодежи, легче попасть на висѣлицу и на каторгу, нежели привлечь подъ свои знамена народъ, подонки котораго готовы примкнуть къ бунту для того, чтобы свергнуть тяготящее надъ ними иго рабства ¹⁾).

Слѣдовательно, не боязнь революціи могла внушить императору Александру мысль отречься отъ престола и передать его своему наслѣднику; причиною этого было угнетенное состояніе его умственныхъ силъ и воли, вслѣдствіе чего онъ не могъ болѣе держать въ рукахъ бразды правленія.

Пріявъ скипетръ, Александръ не переставалъ трудиться для блага народа. Онъ не хотѣлъ дать странѣ правильную администрацію, съ этой цѣлью онъ счелъ нужнымъ учредить министерства по европейскому образцу. Онъ хотѣлъ дать странѣ либеральную конституцію. Если эти планы не удались, то виною этому былъ не недостатокъ желанія, а то обстоятельство, что Александръ хотѣлъ идти впередъ слишкомъ быстрыми шагами, тогда какъ подобнымъ преобразованіямъ должно пред-

¹⁾ Подразумѣвается крѣпостное состояніе.

шествовать возрожденіе страны. Неудачи не ослабили бы самоотверженной энергіи, съ какою онъ предался этому геркулесовому труду, послѣ того какъ онъ доставилъ своей странѣ силою оружія преобладаніе въ Европѣ; но самая торопливость, съ какою онъ дѣйствовалъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что Провидѣніе судило иначе! Александру суждено было завѣщать своему преемнику заботу о политическомъ возрожденіи обширной Имперіи, которую онъ оставилъ ему въ наслѣдство.

Заявивъ при вступленіи на престолъ во всеуслышаніе, что онъ намѣренъ управлять страню «по сердцу» своей бабки, Александръ достигъ того, что большинство народа, недовольное суровымъ царствованіемъ его отца, обожало его. Лѣтя знати, которой онъ не боялся, видя ея ничтожество, онъ лишалъ ее всякаго вліянія на общественное мнѣніе, противопоставивъ ей спеси новый классъ людей, вышедшихъ изъ ничтожества, которые своими личными дарованіями должны были сокрушить власть аристократіи, неспособной вліять на государственныя дѣла, которыя мало-по-малу были направлены въ ущербъ ея интересамъ. Всѣми этими мѣрами Александръ сообщалъ своей обширной Имперіи такой толчекъ, который никакая человѣческая сила уже не въ состояніи остановить и который подвинулъ Россію впередъ на цѣлое столѣтіе.

Философское воспитаніе, полученное Александромъ, много способствовало поддержанію тѣхъ пагубныхъ заблужденій, коими онъ руководствовался въ первую половину своего царствованія. Личности, коими онъ окружалъ себя по своему собственному выбору, и тѣ, которыя принимали болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ переворотѣ, возведшемъ его на престолъ, и коихъ ему приходилось падить, только поддерживали эти заблужденія. Либерализмъ, философскія идеи и релігіозный индифферентизмъ были единственными основами, на которыхъ зиждилось общественное зданіе. Страшная распущенность рядомъ съ самыми грубыми злоупотребленіями власти представляли чудовищную смѣсь деспотизма и свободомыслія. Вѣрованія не оскорблялись, потому что никто не обращалъ на нихъ вниманія, самое масонство было терпимо, и къ печати разрѣшались самыя безбожныя книги наравнѣ съ сочиненіями, написанными въ строго христіанскомъ духѣ.

Учрежденіе министерствъ и Государственного Совѣта было первымъ шагомъ къ конституціонной формѣ правленія. Вновь назначенные министры, директора департаментовъ и начальники отдѣленій, новички въ своемъ дѣлѣ, тщеславные и самоувѣренныя до дерзости, возстановили противъ новаго порядка вещей всѣхъ тѣхъ, кои приходили съ ними въ соприкосновеніе по службѣ или вообще имѣли съ ними какія-либо дѣловыя отношенія. Императоръ, увлекаясь новыми формами, данными имъ администраціи, полагая, что его не могутъ упрекнуть въ томъ, что онъ поддерживаетъ въ странѣ невѣжество и варварство, дѣйство-

валъ вполнѣ чистосердечно, развивая свой планъ; но однѣ новыя идеи и нововведенія не мѣняють людей и хотя его преобразованія измѣнили ходъ дѣла, но они возбудили вмѣстѣ съ тѣмъ оппозицію. Либерализмъ и неологизмъ дѣлали огромные успѣхи; философскія доктрины напала вездѣ на невѣжество и суевѣріе старинныхъ религіозныхъ вѣрованій и на сущность монархическихъ принциповъ. Даже духовныя училища поддавались на удочку невѣрія. Либеральная правительственная система поощряла тѣхъ, кто подкапывался подъ основы престола и церкви.

Войны, которыя императору Александру пришлось вести въ первую половину своего царствованія, произвели въ его душѣ глубокой нравственный переворотъ.

Возвратясь въ Россію, онъ счелъ необходимымъ дѣятельно заняться нравственнымъ возрожденіемъ своего народа. Онъ видѣлъ, что русская молодежь, проникнутая современной философіей, шла быстрыми шагами къ полной распущенности нравовъ и мысли, обуявшихъ Европу; онъ хотѣлъ противопоставить этому новую систему христіанскаго воспитанія, которая спасла бы по крайней мѣрѣ будущее поколѣніе отъ заразы, постигшей общество, которое, по его собственному признанію, онъ считалъ нравственно погибшимъ. Съ этой цѣлью, онъ сосредоточилъ въ однѣхъ рукахъ управленіе духовными дѣлами и народнаго просвѣщенія и назначилъ министромъ друга своего дѣтства, князя Александра Голицына.

Ближайшій сотрудникъ Александра въ эту эпоху, Сперанскій, пользуясь довѣріемъ императора, сдѣлалъ весьма много для того, чтобы упорядочить систему воспитанія въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ и искоренить вкравшіяся въ нихъ злоупотребленія. Онъ улучшилъ изученіе древнихъ языковъ, упорядочилъ систему преподаванія, ограничилъ власть епархіальныхъ архіереевъ и изыскалъ богатый источникъ денежныхъ средствъ для содержанія духовныхъ училищъ: обративъ на это доходъ со свѣчей, которыя возжигаютъ передъ образами и употребляются при обрядахъ вѣнчанія и погребенія, и отпусковыхъ молитвъ и вѣнчиковъ, которые кладутся въ гробъ умершаго. Пользуясь исключительнымъ правомъ печатанія и продажи этихъ предметовъ и продажей свѣчей, духовное вѣдомство выручило въ теченіе 30 лѣтъ огромныя суммы денегъ, дошедшія до нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рублей: часть этихъ денегъ была употреблена на улучшеніе духовныхъ училищъ, которыя подверглись коренному преобразованію. Ихъ примѣръ говорилъ въ пользу преобразованія университетовъ, гимназій и прочихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, во главѣ которыхъ стояли въ то время лица неспособныя къ тѣмъ высшимъ должностямъ, коими они были облечены.

Сліяніе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія

было мѣрою безспорно весьма мудрою, но она требовала, чтобы во главѣ этого новаго учрежденія было поставлено лицо болѣе просвѣщенное и характера болѣе твердаго, нежели какимъ обладалъ князь Голицынъ, одушевленный впрочемъ самыми лучшими намѣреніями и стремленіемъ ко всеобщему благу. Голицынъ изъ человѣка индифферентнаго и невѣрующаго сдѣлался религіознымъ и даже набожнымъ, сталъ покровительствовать всему, что носило отпечатокъ истиннаго благочестія, не обращающаго вниманія на искренность убѣжденій.

Не получивъ классическаго образованія, онъ полагалъ, что излишнія знанія только поддерживаютъ гордость и суемудріе, уничтожаютъ вѣру и питаютъ честолюбіе. Вступивъ въ управленіе министерствомъ, онъ открыто заявилъ свои набожныя намѣренія и усердно старался поднять церковь на высоту, на которой она должна стоять нравственно.

Духовенство и преподавательскій персоналъ поняли его намѣренія. Они усвоили себѣ всѣ внѣшнія формы благочестія, но не уничтожили однако зла въ корнѣ. Въ одномъ и томъ же заведеніи преподавали катехизисъ, богословіе, раціональную философію и естественное право. Воспитанники и студенты были обязаны посѣщать богослуженіе, соблюдать посты и въ то же время слышали, какъ ихъ профессоры разглагольствовали объ основныхъ правилахъ христіанской вѣры, о правахъ человѣка и о свойствахъ правительствъ. За ихъ поведеніемъ слѣдили только для проформы, но въ училищахъ царствовала величайшая распущенность нравовъ. Министръ поощрялъ набожность, а приказные осуждали ханжество; принимались мѣры для обузданія распущенности нравовъ, а либеральная философія жаловалась на то, что преслѣдовалась свобода совѣсти и убѣжденій. Публика, охотно принимающая сторону интригановъ, обвиняла министра въ обскурантизмѣ, называла его гасильникомъ, покровителемъ квакеровъ и методистовъ, ханжею, человѣкомъ, который готовъ былъ всѣмъ пожертвовать для того, чтобы возвыситься. Подобнымъ же обвиненіямъ подвергались и всѣ тѣ, кои чистосердечно содѣйствовали министру въ его видахъ. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія сдѣлался предметомъ нападокъ со стороны духовенства, всего педагогическаго персонала, либераловъ и большинства публики, составляющей стадо барановъ.

Интрига, пущенная въ ходъ противъ князя Голицына, не только сломила его, но прекратила существованіе библейскихъ обществъ и заставила упразднить министерство духовныхъ дѣлъ. Народное просвѣщеніе страхнуло тяготѣвшее надъ нимъ иго и вступило на прежній путь подъ управленіемъ другаго министра, не имѣвшаго иныхъ правъ на это званіе кромѣ благоволенія къ нему всемогущаго Аракчеева.

Перев. В. В. Тимошукъ.

